АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

П. Г. КОЗЛОВСКИЙ

МАГНАТСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

(центральная и западная зоны)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА И ТЕХНИКА»
МИНСК 1974

Рецензенты:

Академик АН Литовской ССР, доктор исторических наук, профессор Ю. М. Юргинис, кандидат исторических наук В. П. Панютич.

$К \frac{0164-001}{М316-74} 4-74$

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших факторов социально-экономической истории Восточной Европы в XVI—XVIII вв. являлось барщинное хозяйство. Ф. Энгельс указывал на значение крупного сельскохозяйственного производства, основанного на барщинном труде, которое сложилось в этот период в странах к востоку от Эльбы, на его торговые связи с капиталистическим хозяйством Запада. Феодальное дворянство все больше нуждалось в деньгах, возрастала его задолженность городским ростовщикам. «Но из крестьянина, своего крепостного, можно было выколотить не деньги, а прежде всего только труд или сельскохозяйственные продукты, причем крестьянское хозяйство, которое велось при крайне тяжелых условиях, давало лишь минимальный излишек этих продуктов сверх того, что было необходимо для поддержания самого скудного существования работников, владевших этими хозяйствами»[1]. Поэтому насущной потребностью дворянства было «завести собственное хозяйство, по крайней мере на некоторой части своих владений»[2].

Несомненно, развитие барщинного поместья представляет существенный интерес и для истории Белоруссии XVI—XVIII вв. Тем не менее до последнего времени почти все внимание исследователей было сосредоточено на истории крестьянства. О поместном (господском) хозяйстве этого периода говорилось в основном лишь в связи с эволюцией форм ренты. Обращение к истории крестьянства, представлявшего собой основной трудящийся класс эпохи феодализма, вполне оправдано. Однако без самого тщательного анализа эволюции помест-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 248.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 341.

ного хозяйства невозможно вскрыть закономерности позднего феодализма, не может быть понята сама история крестьянства. Крестьянское и господское хозяйства, противостоявшие друг другу, зависели одно от другого и должны рассматриваться во взаимосвязи.

Автором предпринято комплексное изучение крестьянского и поместного хозяйства в одних и тех же вотчинах и по однородным источникам. Первая часть исследования, посвященная крестьянам магнатских владений, опубликована ранее[3]. Данная работа представляет собой его вторую часть. Объектом изучения избрано магнатское поместье западной и центральной Белоруссии — территории к югу и западу от Двины, Друти, Днепра.

Термин «магнат», широко применяемый в науке, публицистике, художественной литературе, не имеет общепринятого четкого определения. Под этим термином мы подразумеваем крупнейших светских феодальных землевладельцев, членов знатных родов, занимавших в рассматриваемую эпоху высшие должности в Великом княжестве Литовском. При подсчетах земельных владений к магнатам нами отнесены феодалы этой категории, каждому из которых на изучаемой территории принадлежало не менее чем по тысяче крестьянских дворов. По численности это была горстка людей, всего 16 семей. Но они владели 30% всей земельной собственности в западной и центральной Белоруссии. Гигантская концентрация земли, основного средства производства при феодализме, в руках магнатов уже оправдывает выбор латифундий в качестве объекта научных исследований, хотя магнатские латифундии и не исчерпывали всех феодальных владений.

Однако наш выбор объясняется не только высоким удельным весом магнатов в землевладении, экономике, но также их особой политической ролью в стране. Известно, что малочисленная по составу магнатская олигархия обладала всей полнотой политической власти в Речи Посполитой. Этим и обусловлен интерес историка к той материальной базе, на которой держалась данная группа феодалов. Тем более что «вопрос об экономической основе политического могущества шляхты и дворянства

---

[3] См. П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. (по материалам магнатских вотчин). Минск, 1969.

на востоке Европы,— как отмечает С. Д. Сказкин,— еще ждет своего изучения»[4].

Исследование относится ко второй половине XVIII в. и включает территорию западной и центральной Белоруссии, на которой тогда существовало развитое фольварочно-барщинное хозяйство в магнатских вотчинах. К середине XVIII в. здесь в основном завершилось восстановление сельского хозяйства после длительного глубокого упадка и начался его подъем. В настоящей работе предпринята попытка раскрыть характерные черты этого подъема в магнатском поместье. Восточная часть Белоруссии нами не рассматривается, так как в ней до последней четверти XVIII в. преобладала не барщинная, а сеньоральная система в магнатских владениях и фольварочное хозяйство было слабо развито. Различной была и политическая история двух зон Белоруссии. Восточная уже в 1772 г. отошла к России, в то время как западная и центральная до 1793—1795 гг. оставались в границах Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

Вторая половина XVIII в.— период начавшегося разложения феодального строя в Белоруссии так же, как в России и Польше. Важнейшая задача настоящей монографии состоит в изучении этого процесса по материалам магнатского поместья. Как известно, барщинное хозяйство — последний этап феодализма в ряде стран Восточной Европы. В. И. Ленин указывал, что производство хлеба помещиками на продажу «было уже предвестником распадения старого режима»[5].

В товарности феодального барщинного хозяйства, работавшего на рынок, советские историки усматривают черту, сближавшую его с капиталистическим[6] или с «категориями разложения феодального способа производства»[7].

---

[4] С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 119.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

[6] См. С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, стр. 286, 346.

[7] А. Н. Чистозвонов. Некоторые основные теоретические вопросы проблемы генезиса капитализма в европейских странах. В кн. «Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма в европейских странах». М., 1969, стр. 55.

С. Д. Сказкин подчеркивает, что интенсивное юнкерское хозяйство остэльбской Германии XIX в., представлявшее собой, по определению В. И. Ленина, «прусский путь» развития капитализма, выросло непосредственно из крепостного хозяйства XVI—XVIII вв., которое при помощи внешней торговли уже тогда было связано с капиталистическим хозяйством Европы [8]. Поэтому исследование магнатского барщинного хозяйства должно представлять существенный интерес при изучении проблемы разложения феодализма и генезиса аграрного капитализма в Белоруссии.

«В историческом развитии капитализма,— писал В. И. Ленин,— важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое» [9]. В советской исторической науке до сих пор не завершена теоретическая разработка критериев перехода от простого товарного производства к капиталистическому [10]. Следовательно, вопрос о том, какую роль сыграло барщинное хозяйство, феодально-крепостническое по способу эксплуатации и предпринимательское по своей экономической сущности (как его определяет С. Д. Сказкин) [11], в подготовке этого перехода, дискуссионен. Надо полагать, что его решению будут способствовать конкретные исследования экономики поместья, в том числе и магнатского хозяйства в Белоруссии.

Возникает вопрос: как рост товарности вотчинного хозяйства повлиял на уровень эксплуатации крестьян? Ф. Энгельс отмечал, что развитие внешней торговли земледельческими продуктами увеличивало феодальный гнет [12]. Как только барщинные поместья вовлекаются в мировой рынок с капиталистическим способом производства, «к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрез-

---

[8] См. С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века, стр. 288, 289.

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 87.

[10] См. А. Н. Чистозвонов. Некоторые основные теоретические вопросы проблемы генезиса капитализма в европейских странах, стр. 16.

[11] См. С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века, стр. 278, 279.

[12] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 645.

мерного труда»[13]. Изучение эволюции магнатского поместья Белоруссии должно содержать ответ на этот вопрос.

Для решения поставленных задач потребовался ряд исследований. Важнейшие из них освещают: развитие производительных сил в магнатском хозяйстве, уровень его товарности, использование в нем крепостной и наемной рабочей силы, характер найма, изменения в организации поместья. В процессе исследований постоянно учитывался экономико-географический фактор с целью выявления зональных различий.

Имеющиеся в исторической литературе работы характеризуют отдельные стороны интересующих нас проблем, в основном по материалам иных территорий или объектам другого рода. В данных же предметных, хронологических и территориальных рамках исследование производится впервые. Поэтому, используя близкие по теме работы, автор вынужден был искать на все основные вопросы ответ в архивных документах.

Автор приносит свою благодарность заведующему сектором, члену-корреспонденту АН БССР К. И. Шабуне, докторам исторических наук А. М. Карпачеву, В. В. Чепко и другим сотрудникам сектора истории Белоруссии досоветского общества Института истории АН БССР за ценные замечания.

* * *

На развитие магнатского хозяйства в Белоруссии оказывали влияние такие факторы, как государственный и общественный строй, политическая обстановка, изменение численности населения, расширение внешней и внутренней торговли, классовая борьба, эволюция землевладения.

К середине XVIII в. Речь Посполитая, в состав которой входило на федеративных началах Великое княжество Литовское с его белорусскими и литовскими землями, представляла собой консервативное феодальное государство, находившееся в состоянии глубокого политического упадка. Как орудие угнетения народных масс оно гарантировало шляхетскому сословию полное

---

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 247.

господство над крепостными, включая «право жизни и смерти». Юридически крестьяне приравнивались к рабам. Шляхетские привилегии, в особенности право беспошлинной торговли, пропинация (монопольное право винокурения и продажи алкогольных напитков в пределах своих владений), тормозили развитие городов. На Украине и в Белоруссии социальный гнет дополнялся национально-религиозным.

Своеволие магнатов, беспомощность центрального государственного органа—сеймов, заседания которых часто срывались из-за укоренившегося принципа единогласия («свободное вето»), пустая казна, малочисленность войска — все это создавало помехи экономическому развитию страны и превращало ее в легкую добычу для соседних держав. Одной из причин такого состояния было крайне неравномерное распределение прибавочного продукта между отдельными феодалами и государством; на долю последнего приходилось очень мало.

Отсталость государственного строя Речи Посполитой стала особенно заметной, когда, несмотря на неблагоприятные политические условия, был завершен процесс хозяйственного восстановления, и экономика страны вступила в полосу нового развития, связанного с углублением товарно-денежных отношений. В 60-е годы XVIII в. были проведены некоторые государственные реформы. Частично ограничивалось «свободное вето», вводилась таможенная пошлина, обязательная также для шляхты и духовенства, отменялись незаконные частные пошлины и поборы, устанавливались единые для всего Великого княжества меры веса, длины и объема, упорядочилась чеканка монеты. Одновременно были созданы Коронная и Литовская скарбовые комиссии для руководства финансами и хозяйством, предоставлено равноправие православной и протестантской шляхте. Против реформ, а также против иноземного вмешательства выступили консервативные круги, развязавшие междоусобную войну (Барская конфедерация, 1768—1772 гг.). В результате последовавшего первого раздела Речи Посполитой восточные белорусские земли отошли к России (1772 г.). Центральная и западная Белоруссия оставались в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Здесь продолжали осуществлять начатые реформы. Был несколько улучшен центральный государственный

аппарат, упорядочена налоговая система, с целью оздоровления кредита ограничен долговой процент. Заметных успехов достигло народное образование. Под руководством Литовской скарбовой комиссии производились очистка и регулировка рек, прокладка каналов, сооружались речные порты, строились мосты и дороги.

Частичные реформы и практические мероприятия государства, предпринятые в интересах развития экономики, благоприятствовали торговле, промышленности, сельскому хозяйству. Но они не затрагивали основ консервативного государственного строя феодальной Речи Посполитой и не могли устранить его отрицательного, тормозящего воздействия на всю хозяйственную жизнь.

Одним из стимулов реформ являлись идеи Просвещения, новые экономические теории. С началом французской революции 1789 г. влияние буржуазной идеологии на передовую часть шляхты и мещанства Речи Посполитой усилилось. В 80-е годы XVIII в. сформировался прогрессивный шляхетско-буржуазный блок, который добился проведения более глубоких реформ и принятия Четырехлетним сеймом конституции 3 мая 1791 г. Однако в результате выступления реакционной группировки магнатов, поддержанной царским самодержавием (Тарговицкая конфедерация), реформы были отменены. Последовал второй раздел Речи Посполитой, после которого центральная часть Белоруссии вошла в состав Российской империи. Подавление восстания, возглавляемого Тадеушем Костюшко (1794 г.), привело к третьему разделу. Западные земли Белоруссии и Литва также отошли к России.

К важным факторам развития производительных сил относится численность населения. Демографические процессы на землях Белоруссии и Литвы в совокупности обстоятельно исследовались польским историком Ю. Можи. Как и его предшественник В. Конце, он использовал для подсчетов численности населения тарифы подымного налога Великого княжества Литовского. Однако принятый им коэффициент — 8 человек на один дым — недостаточно обоснован. В исследовании А. М. Карпачева и П. Г. Козловского, привлекших более значительное количество источников, установлены другие коэффициенты: 7 человек для сельской местности и 6 для города. В результате подсчетов определена численность на-

селения Белоруссии, которое в 1650 г. равнялось 2876 тыс., в 1667—1673 гг.— 1352, в 1690 г.—1904, в 1700 г.— 2247, в 1717 г.—1457, в 1775 г.—2939, в 1791 г.—3626 тыс.

Из приведенных данных видно, что численность населения дважды резко сокращалась. Это было вызвано войнами, последствия которых трудно преодолевались в условиях феодализма и крепостничества. И все же населенность Белоруссии уже в 70-е годы XVIII в. превысила уровень первой половины XVII в., а в дальнейшем продолжала возрастать. Рост ее способствовал поступательному развитию экономики. Это одно из доказательств несостоятельности представлений о застое социально-экономической жизни Белоруссии в названный период.

С увеличением численности населения связан процесс внутренней крестьянской колонизации. В 20—40-х годах XVIII в. он протекал весьма интенсивно по всей Белоруссии и носил восстановительный характер. На западе и в центре к середине XVIII в. были вовлечены в хозяйственный оборот все пустовавшие ранее земли, и массовая внутренняя колонизация прекратилась. На востоке же восстановление и массовая колонизация продолжались и в третьей четверти XVIII в. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что западная часть Белоруссии достигла в этот период более высокого уровня экономического развития.

Во второй половине XVIII в. увеличился спрос на сельскохозяйственные продукты и лесные товары со стороны стран Западной Европы, возросли цены. Общий объем внешней торговли Белоруссии к концу века повысился по сравнению с уровнем середины XVII в. приблизительно на 1/3. При этом изменилась ее структура: значительно возрос вывоз продуктов сельского хозяйства и лесных промыслов и уменьшился ввоз и вывоз мехов, носивший транзитный характер [14]. По данным литовских историков Л. С. Труски и Р. В. Ясаса, объем всего экспорта Великого княжества Литовского (без восточной Белоруссии) с первой половины 70-х годов

---

[14] См. А. М. Карпачев. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Минск, 1970, стр. 47—50.

XVIII в. до 1789—1792 гг. увеличился в 1,5 раза. Продукты сельского и лесного хозяйства составляли 96% стоимости экспорта. В импорте 95% приходилось на промышленную продукцию [15]. Значительное расширение внешней торговли стимулировало развитие товарно-денежных отношений в Белоруссии.

Аналогичные явления наблюдаются и во внутреннем торговом обмене. Численность жителей городов и местечек возросла и составила около 11% всего населения Белоруссии, а площадь земельных угодий, принадлежавших городам, уменьшилась. В результате увеличился спрос на продукты питания и сельскохозяйственное сырье для ремесла и промыслов. Быстро развивающиеся купеческие и вотчинные мануфактуры требовали все больше наемных работников. Владельцы мануфактур закупали значительную часть сырья на внутреннем рынке [16].

Развитие обмена породило заботу об улучшении путей сообщения. В 1778—1784 гг. по инициативе пинского старосты Бутримовича за счет владельцев поместий через полесские болота были проложены два новых тракта, связавших Белоруссию с Украиной. С 60-х годов XVIII в. гетман Огинский начал строительство канала, впоследствии названного его именем, который связал Припять с Неманом. Второй канал, Днепро-Бугский, строился уже на государственные средства [17]. Интерес, который магнаты и шляхта стали проявлять к строительству дорог и каналов, является доказательством растущей товарности их хозяйства.

Антифеодальная классовая борьба крестьянства во многом определяла эволюцию поместья. В отличие от предшествовавшего периода во второй половине XVIII в. в Белоруссии не происходило восстаний, равных крестьянским войнам, но борьба не ослабевала. Она выража-

---

[15] См. Л. С. Труска, Р. В. Ясас. Внешняя торговля Великого княжества Литовского в последние годы его существования (1785—1792). Труды Академии наук Литовской ССР, серия А, т. 1 (32), 1970, стр. 23—52.

[16] См. А. М. Карпачев. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в., стр. 19—23, 35—46, 52—54; С. А. Шчэрбакоў. Мястэчкі. Гісторыя БССР, т. 1. Мінск, 1972, стар. 386—388.

[17] См. T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794), t. II. Kraków—Warszawa, 1897, str. 60—72.

лась преимущественно в таких формах, как жалобы, самовольная разработка новых угодий, несвоевременная уплата чинша, нерадивость на барщинных работах, отказ от их выполнения, бегство, иногда избиение представителей феодальной администрации. Серьезные волнения крестьян отмечены в Брестской экономии в 1768 и вторично в 1778 гг., а также в Яловском старостве Волковысского повета (1775—1777 гг.), в Слонимском старостве (на всем протяжении второй половины XVIII в.). Крестьяне отказывались выполнять новые, повышенные повинности, оказывали сопротивление войскам. Вооруженное восстание произошло в Каменщине (1754 г.) [18].

Внушительные масштабы приняло бегство крестьян от своих владельцев. У отдельных магнатов в бегах значилось свыше 10% всех трудоспособных крестьян. Беглые уходили на Украину, в Белорусское Полесье, переселялись в королевские и частновладельческие города. Многие из них укрывались у других феодалов, получая льготы в качестве новоселов [19]. Поэтому, опасаясь, что крестьяне разбредутся, магнаты вынуждены были идти на некоторые уступки. Так, в 1780 г. наследники подканцлера Пшездецкого говорили в суде, что разрешили крестьянам распахивать участки земли в радзивилловских пущах, так как иначе они ушли бы из имения. В 1751 г. ревизор, проверявший жалобу крестьян д. Ляховичи (Делятичского владения Радзивиллов) на захват их лугов за Неманом соседним феодалом, отмечал, что, если луга не будут им возвращены, крестьяне разбегутся. В уставе Давид-Городокского владения за 1753 г. Радзивиллы приглашали всех беглых крестьян вернуться, гарантируя им возврат их прежних земель и усадеб, в чьих бы руках они ни находились в настоящее время, а также обещали предоставить большие льготы в повинностях. Такие же гарантии льгот («слобод») для возвращающихся беглых содержатся в уставе Глусской волости (1772 г.). Инструкция для графства Россь Христины Сапега, изданная в 1759 г., предупреждает адми-

[18] См. А. П. Грыцкевіч, А. М. Карпачоў, В. І. Мялешка. Барацьба народных мас супраць феадальнага і нацыянальна-рэлігійнага прыгнёту. Гісторыя БССР, т. 1, стар. 415—418.

[19] См. П. Г. Козловский. Классовая борьба крестьян в магнатских вотчинах Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 г.». Таллин, 1971, стр. 263, 264.

нистратора, чтобы, наказывая крестьян, наносить не более 5 ударов розгами, иначе крестьяне разбредутся, а он будет за каждого в ответе. Подобные предписания мы находим в люстрации Друи за 1793 г.[20]

Анализ жалоб крестьян магнатских владений показал, что больше половины их содержали протест против превышения инвентарных норм барщины[21]. Крестьяне боролись за «старину», за меньший объем отработочных повинностей. Весьма резкие возражения вызывала «подводная» (гужевая) повинность. Борьба крестьян против отработочной ренты означала их стремление к хозяйственной самостоятельности, которую эта форма ренты более всего ограничивала.

Крестьянское движение в Белоруссии было связано с классовой борьбой крестьян в других землях Речи Посполитой. Не вызывает сомнения влияние Шавельского восстания в Литве на выступления белорусских крестьян в Брестской экономии, Слонимском старостве. Гайдамацкое движение на Правобережной Украине охватило и юго-восточную Белоруссию. В последнем случае проявлялась общая для Украины и Белоруссии специфика: сочетание антифеодального классового движения с борьбой против национально-религиозного гнета. Сейм, напуганный крестьянскими выступлениями, принял в 1768 г. закон, запрещавший шляхте применять смертную казнь к своим крепостным.

Под влиянием классовой борьбы крестьянства, экономических потребностей фольварочного хозяйства и воздействия буржуазной идеологии, распространившейся в Европе, в Речи Посполитой развернулась широкая дискуссия по крестьянскому вопросу. Прогрессивные публицисты выдвигали требования ослабления крепостничества, замены барщины чиншем, охраны крестьян законом[22]. Брожение среди крестьянства отмечалось и в

---

[20] Центральный государственный исторический архив БССР в г. Минске (ЦГИА БССР), ф. 694, оп. 2, д. 4975, л. 183; д. 1708, л. 45; оп. 3, д. 4210, л. 8; оп. 4, д. 5858, л. 299; оп. 7, д. 222, л. 12; Рукописный отдел библиотеки Вильнюсского университета (РОБВУ), ф. 4 А, д. 1275, л. 43.

[21] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3374, лл. 118—125; д. 3377, лл. 2—5; д. 4982, лл. 9—24; д. 4992, л. 10; д. 5001, лл. 31—35; оп. 4, д. 5858, лл. 1—366.

[22] См. E. Trzyna. Próby reform w sprawie chłopskiej w publicystyce i ustawodawstwie. «Historia chłopów polskich», t. I. Warszawa, 1970, str. 386—388.

годы Четырехлетнего сейма, и в период восстания под руководством Т. Костюшко.

Классовая борьба белорусского крестьянства ограничивала рост барщины и являлась одним из факторов, вынуждавших магнатов применять в своих поместьях частично наемный труд.

На основании тарифов подымного налога автор смог исследовать структуру земельной собственности и землевладения. На территории 11 белорусских поветов, полностью входивших в состав Великого княжества Литовского, общее количество дымов в деревнях и местечках составляло к 1791 г. 259 тыс. Из них в собственности магнатов, каждый из которых владел более чем тысячью дымов на данной территории (16 человек), находилось 77 тыс., или 29,9% общего числа. Однако в Великом княжестве Литовском широко распространилась система владения поместьями, не являвшимися собственностью владельца (посессия). Это были поместья, сданные их собственниками в залог, а также королевские имения (староства), которые передавались феодалам в качестве кормлений, связанных с занимаемой должностью, либо пожизненно «за заслуги», или же в залог и аренду. Поэтому структура фактического землевладения отличалась от структуры собственности. Среди фактических владельцев поместий насчитывалось 25 латифундистов, обладавших каждый более чем тысячью дымов. Они являлись собственниками 80 тыс. дымов (часть которых передали в посессию третьим лицам) и посессорами 19 тыс. Таким образом, всего во владениях, на которые в той или иной форме распространялись права магнатов, находилось 99 тыс. дымов [23]. Эти цифры раскрывают экономический потенциал магнатов.

Вторая половина XVIII в. отмечена структурными сдвигами, происходившими в феодальном землевладении. Представители старой знати (Радзивиллы, Сапеги, Бжостовские) широко практиковали сдачу своих вотчинных имений в залог и, не имея возможности их выкупить, в дальнейшем теряли право собственности. Зато верхи средней шляхты, кредитуя магнатов, становились

---

[23] См. Paweł G. Kozłowski. Struktura własności ziemskiej i faktycznego posiadania ziemi w Zachodniej i Środkowej Białorusi w drugiej połowie XVIII w. «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych», t. XXXIII. Rok 1972, str. 61—88.

сначала посессорами их поместий, а потом собственниками и превращались в латифундистов (Хрептович, Рдултовский, Ошторп, Монюшко).

Крупнейшим магнатом не только в Белоруссии, но и во всей Речи Посполитой в последней трети XVIII в. был князь Карл Радзивилл, глава несвижской линии этого рода. Ему принадлежало на территории рассматриваемых 11 поветов 36 тыс. дымов, что составляло 14% от их общего числа. Среди его поместий имелись экономически развитые хозяйства, ряд крупных вотчинных мануфактур. Однако расточительство князя, поражавшее современников, в сочетании с двукратным секвестром, вызванным его политической деятельностью, привело к огромной задолженности (увеличенной еще его наследником), закладке и перезакладке по 5—6 раз многих имений, а впоследствии, уже в начале XIX в.,— к их частичной распродаже. Антоний Тизенгауз и Михаил-Клеофас Огинский, оба унаследовавшие небольшие владения, разбогатели во второй половине XVIII в. Тизенгауз, создавая новые барщинные фольварки и вотчинные мануфактуры, хозяйничая к тому же в королевских экономиях, стал в 60—70-х годах XVIII в. первой фигурой среди землевладельцев Великого княжества Литовского. Однако допущенные Тизенгаузом экономические просчеты привели его в 1783 г. к катастрофе.

Огинский был активнейшим участником Минской и Новогрудской контрактовых ярмарок, на которых совершались поземельные сделки. Широко используя кредиты варшавских банков Потоцкого, Теппера и других, а также голландского банкира Гана, от которого получил ссуду в размере миллиона гульденов, Огинский занялся скупкой обремененных ипотечными долгами магнатских латифундий. Затем он перепродавал их по частям средней шляхте, часто прибегая к посредничеству банков. Так, Огинский продал банку Мейсснера одно из купленных им в Минском воеводстве имение «Пуховичи», а банку Бланка переуступил свои права на залоговое владение радзивилловским графством Копыль. В дальнейшем вследствие изменения конъюнктуры (падения цен на землю) и банкротства варшавских банков Огинский потерпел крах (1793 г.).

Таким образом, во второй половине XVIII в. устойчивость феодального землевладения в Белоруссии стала

сменяться относительной мобильностью. Латифундиальное землевладение по-прежнему сохранялось, но состав земельных магнатов стал пополняться лицами, располагавшими крупными денежными средствами. Увеличилось влияние товарно-денежных отношений, которые стали проникать в самые устои феодализма, в его оплот — землевладение.

Вместе с тем сохранились государственная феодальная земельная собственность и многоступенчатость землевладения (посессия). Последняя иногда принимала характер предпринимательской аренды. Но как правило, она являлась источником усиленной феодальной эксплуатации.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Если магнатское поместье Белоруссии в XVIII в. не было до сих пор предметом специального исследования, то аграрная история белорусских земель и смежных с ними территорий разрабатывалась уже давно, начиная со второй половины XIX в.* В русской дворянско-буржуазной историографии утверждалось, что экономика «западнорусских» земель в границах Речи Посполитой, начиная с Люблинской унии до разделов, приходила в состояние все большего упадка. Такую трактовку мы находим в работах В. Б. Антоновича, П. Д. Брянцева, В. А. Мякотина, А. О. Турцевича. Экономической историей они не занимались, а характеризовали экономику исходя из политической истории. Упадок объяснялся слабостью государства, усиливавшейся шляхетской анархией. В качестве аргументов приводились также критические выступления прогрессивных польских публицистов конца XVIII в. Последние обличали пороки государственного строя Речи Посполитой и давали отрицательную оценку ее экономического состояния по сравнению с далеким прошлым, представлявшимся тогда многим в виде мифического «золотого века».

Перенос на экономику оценок, почерпнутых из истории государства и права, обусловливался прежде всего характером самой государственно-юридической школы.

Тем не менее юридическая школа внесла свой вклад в изучение отдельных сторон социального развития Белоруссии. Так, А. О. Турцевич подсчитал по инвентарям второй половины XVIII в. повинности крестьян в пользу феодалов, что давало некоторое представление об уровне эксплуатации.

---

* Список литературы прилагается.

2. Зак. 950

Первыми обратились к экономической истории земель, ранее входивших в состав Речи Посполитой, польские буржуазные историки в конце XIX в. Представитель либерально-буржуазной варшавской школы «позитивистов» Т. Корзон в своем шеститомном труде собрал большой документальный материал о внутреннем развитии Речи Посполитой в 1764—1795 гг. Он отмечал значительное развитие экономики страны, некоторые успехи земледелия, рост мануфактурной промышленности, внешней торговли, деятельность банков, состояние государственных финансов, появление периодической печати, специальной агрономической литературы. Отдельные срывы и неудачи Т. Корзон приписывал экономической политике короля Станислава-Августа, предательству магнатов, отрицательному воздействию соседних держав. Экономическую историю Белоруссии он не выделял.

Изучение эволюции народного хозяйства Речи Посполитой продолжали польские историки первой половины XX в. Ян Рутковский рассматривал вторую половину XVIII столетия как этап развития фольварочного хозяйства. Он основывался на данных, относящихся к польским и украинским землям, не обращаясь к материалам по Белоруссии. А. Жабко-Потопович выдвинул положение о распространении наемного труда в сельском хозяйстве Великого княжества Литовского в период упадка страны и сокращении его после восстановления в связи с ростом барщины. К такому выводу он пришел, исследуя в основном небольшие государственные имения. Он делит экономическую историю Великого княжества Литовского на чередующиеся периоды упадка и восстановления, а во второй половине XVIII в. также по материалам староств отмечает рост фольварочного хозяйства, посевных площадей, урожайности, что связывает с улучшением конъюнктуры на внешнем рынке.

Представляют интерес локальные исследования польских историков. Г. Ловмяньский изучал развитие крестьянского хозяйства и феодального землевладения западной части Новогрудского повета. О. Гедеманн произвел некоторые подсчеты по аналогичным вопросам в Браславском повете. Он же исследовал материалы по торговле феодалов Подвинья лесом.

Первым в России занялся экономической историей земель Великого княжества Литовского и начал, хотя

еще и на небольшом материале, применять статистические подсчеты М. В. Довнар-Запольский. По исследуемому нами периоду им написаны три работы. Две из них представляют собой краткое исследование и публикацию документов по аграрной реформе Иоахима Хрептовича в имениях «Щорсы» и «Негневичи» в конце XVIII в. и его попытке полностью организовать поместное хозяйство на наемном труде. В советский период М. В. Довнар-Запольский написал статью по социально-экономической истории Великого княжества Литовского. В ней приводятся отдельные сведения о крестьянском хозяйстве (население, надел, скот, повинности) и общие выводы по поместью. В частности, он утверждал, что сложившееся мнение о росте богатства феодалов не соответствует истине, так как в результате развития фольварочно-барщинной системы крестьяне разорялись и «пан беднел». А «попытки насаждения промышленности (в конце XVIII в.— *П. К.*) были не более чем панские выдумки» [1]. Так, без документального исследования он усматривает в XVI в. экономический расцвет Великого княжества Литовского, а весь последующий период характеризует как упадок городов, торговли, экономики края.

Подобные взгляды с небольшими отклонениями разделял В. И. Пичета. Он утверждал, что поместное хозяйство Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины переживало период расцвета во второй половине XVI — первой половине XVII в. в результате благоприятной конъюнктуры на западноевропейском рынке; внутренний рынок имел ничтожное значение. Высказывания его о поместном предпринимательстве целиком совпадают с положениями М. В. Довнар-Запольского. В отличие от него В. И. Пичета отмечает во второй половине XVIII в. некоторое оживление экономики «Польско-Литовского государства» в целом и поместного хозяйства в частности, но опять-таки связывает его с внешним рынком. Имеются все основания отнести суждения В. И. Пичеты к гипотезам, поскольку они не подкреплены конкретными данными.

---

[1] М. Доўнар-Запольскі. Сацыяльна-эканомічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII сталецьцях. «Зборнік гісторычна-археолёгічны», 1927, № 1, стар. 12.

Исследования по теме, непосредственно связанной с данной монографией, производились двумя советскими историками, учениками В. И. Пичеты — Ф. И. Забелло и К. И. Керножицким. Свои заключения они основывали на материалах опубликованных разрозненных инвентарей феодальных владений. К. И. Керножицкий изучал староства, а Ф. И. Забелло — различные владения, в том числе частные. В основном оба занимались крестьянским хозяйством, но в их работах есть сведения о посевах, системе полеводства и других отраслях фольварочного производства. Выводы этих ученых не совпадают. Ф. И. Забелло отмечает полное отсутствие лошадей в поместьях, отсутствие или малое количество скота и птицы при наличии хороших животноводческих построек, запущенность прудов. Отсюда он делает вывод об упадке поместного хозяйства, а в особенности животноводства, и о недавнем его процветании. Между тем о процветании не может быть и речи, поскольку в предшествовавшем периоде были Северная война, эпидемии, разорение. Отсутствие сведений о скоте в поместьях объясняется тем, что Ф. И. Забелло пользовался инвентарями тех владений, которые продавались или сдавались в залог. Скот же в таких случаях обычно новому владельцу не передавался. К тому же, не располагая инвентарями по одним и тем же объектам за разные годы, Ф. И. Забелло не имел данных для суждения о динамике явлений.

К совершенно иным выводам пришел К. И. Керножицкий при изучении материалов староств. Он развил далее методику цифрового анализа, примененного впервые М. В. Довнар-Запольским, разработал схемы таблиц, обратил внимание на такой источник, как бюджеты староств. К. И. Керножицкий пришел к заключению, что в Белоруссии на протяжении XVII—XVIII вв. росла товаризация господского хозяйства. Рост фольварочного производства, рассчитанного на сбыт, он объяснял увеличением спроса феодалов на импортные предметы роскоши. К. И. Керножицкий видел и социальные последствия повышения товарности господского хозяйства — возрастание барщинных работ. Развитие товарно-денежных отношений в Белоруссии XVIII в. он в своих ранних трудах ошибочно именовал «торговым капитализмом». В дальнейшем он относил генезис капитализма уже только к XIX в.

Мнение К. И. Керножицкого о возрастающей роли товарно-денежных отношений нашло подтверждение в позднейших исследованиях других историков. Слабой стороной его работ была узкая источниковедческая база. Им изучено всего 10—12 объектов, в числе которых наряду со староствами оказалась одна магнатская латифундия, расположенная на востоке Белоруссии, т. е. за пределами рассматриваемой нами территории.

Широкая разработка экономической истории Белоруссии в XVI—XVIII вв. начата советской исторической наукой в 50-е годы. К этому времени значительно обогатилась источниковедческая база, так как в научный оборот стали вовлекаться новые архивные фонды. Марксистско-ленинское учение о развитом и позднем феодализме получило дальнейшую разработку в теоретических исследованиях большого коллектива ученых, участвовавших в симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы.

Расширился фронт исследований всей советской исторической науки. Во многих обобщающих коллективных трудах, в монографиях и статьях освещаются закономерности генезиса капитализма, отмечается экономический подъем или оживление в России, Польше, Литве, на Украине во второй половине XVIII в.

Большое значение для развития аграрной истории Белоруссии имеют труды Д. Л. Похилевича. В работах, написанных в 50-х — начале 60-х годов, основанных преимущественно на материалах государственных владений, он освещает почти все вопросы истории крестьянства Белоруссии и Литвы XVI—XVIII вв.: надел, обеспечение скотом, повинности, дифференциацию, наем, общину, классовую борьбу, а также некоторые стороны развития господского поместья. Он доказал ошибочность концепции о прогрессирующем в XVIII в. экономическом упадке Белоруссии и Литвы, выделил периоды действительного упадка (в третьей четверти XVII и в начале XVIII в.) и отметил во второй половине XVIII в. начало бурного развития фольварков и предпринимательства. Глубоко изучив эволюцию феодальной ренты, занимающую центральное место в его исследованиях, Д. Л. Похилевич опроверг представление о непрерывном росте барщины на протяжении трех столетий. Он показал процесс перевода крестьян, в первую очередь государственных, с отработочной ренты на денежную во второй половине XVII —

первой половине XVIII в. Это был один из путей восстановления разоренного сельского хозяйства. Когда же оно окрепло, последовал возврат к барщине. Д. Л. Похилевич рассматривает этот процесс как «зигзаг» в развитии крепостного поместья, вызванный разорением страны, не имевший капиталистической направленности и закончившийся восстановлением старых порядков.

Рост фольварочного производства во второй половине XVIII в. повлек за собой общее увеличение барщины. В частности, с этого времени барщинные работы были обязаны выполнять и ранее свободные от них «крестьяне-слуги». Во второй половине XVIII в., подчеркивал Д. Л. Похилевич, «барщина и крепостное рабство достигли... своего апогея», а «применение наемного труда на шляхетском фольварке на протяжении 300 лет (XVI — XVIII вв.) совершенно не повлияло на изменение его феодального характера». Наряду с такой трактовкой второй половины XVIII в. Д. Л. Похилевич высказал мысль о развитии в данный период фольварочного хозяйства, вотчинного предпринимательства и торговли, о том, что «в лоне шляхетского феодального общества шло разложение, возникали и формировались элементы нового общественного строя»[2]. Эти мысли явились исходной позицией его дальнейших исследований, которые вместе с работами других ученых привели к качественно новой оценке исторической наукой второй половины XVIII в. в Белоруссии и Литве.

По Белоруссии такая оценка была дана в 1955 г. А. М. Карпачевым на основании изучения им социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры магнатов. Исследовав объем производства, источники сырья, сбыт продукции, организацию труда, состав рабочих и способ оплаты, он пришел к выводу о наличии в мануфактуре определенных элементов развивающегося капитализма или по крайней мере известных капиталистических тенденций. Процессы, происходившие на вотчинных мануфактурах, расценены им как деформация феодальных производственных отношений, как тенден-

---

[2] Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957, стр. 175; «Капиталистические» зигзаги в истории феодального поместья. В кн. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». Сборник статей к 75-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1961, стр. 53.

ция, направленная в сторону капиталистических отношений. Позднейшие работы А. М. Карпачева по городам, по применению наемного труда на лесных промыслах и в фольварках средней шляхты подтвердили выдвинутые им ранее положения.

Исследования мануфактур, промыслов, городов и торговли, произведенные М. Ф. Болбасом, А. П. Грицкевичем, А. П. Игнатенко, В. И. Мелешко, Н. Т. Романовским, показали значительное развитие в Белоруссии в XVIII в. товарно-денежных отношений и наличие оживленных связей между городом и селом. М. Ф. Болбас и Н. Т. Романовский приводят количественные данные о белорусских мануфактурах, сведения о времени их возникновения. Мануфактурная промышленность начала развиваться здесь с середины XVIII в. А. П. Грицкевич установил, что мануфактура шелковых поясов в Слуцке, принадлежавшая Радзивиллу, была основана в конце 30-х годов XVIII в. С конца 50-х годов того же столетия она превратилась в одно из крупнейших мануфактурных предприятий Речи Посполитой. В. И. Мелешко относит зарождение капиталистических отношений в мелкой промышленности города Могилева к первой половине XVIII в.

Все эти данные позволяют говорить о заметных сдвигах в экономике Белоруссии в середине XVIII в.

Эволюцию феодальной ренты в Белоруссии на протяжении XVII—XVIII вв. и крестьянские повинности изучал Е. П. Шлоссберг. Он отметил рост фольварочных посевов, поголовья скота и вотчинного предпринимательства во второй половине XVIII в., т. е. выход поместного хозяйства из состояния относительного застоя. Е. П. Шлоссберг высказал мысль (правда, без аргументации) о начавшемся кризисе феодально-крепостнической системы. Однако, поскольку он ограничивался только изучением инвентарей по нескольким владениям, он не мог исследовать экономику господского поместья и свои наблюдения о нем основывал преимущественно на динамике ренты.

История крестьянства магнатских владений исследовалась ранее автором настоящей работы. На основании изучения дифференциации крестьян, наемного труда, отходничества сделан вывод о том, что в конце XVIII в. начался процесс классового расслоения белорусского

крестьянства, появились первые признаки зарождения капиталистического уклада в сельском хозяйстве.

Утвердившееся в белорусской историографии представление о второй половине XVIII в. как о периоде разложения феодальных производственных отношений и начавшегося формирования капиталистического уклада в промышленности и сельском хозяйстве нашло в дальнейшем отражение в «Гісторыі Беларускай ССР».

Аналогичное представление об этом периоде сложилось также в Литве и на Украине. М. А. Ючас еще в 1961 г. пришел к выводу, что наем у крестьян во второй половине XVIII в. отличался от феодального и приобретал черты найма сельских рабочих. В результате дальнейших исследований он определил начало разложения крепостничества в Литве 60-ми годами XVIII в. В монографии В. А. Маркиной на основании разработки огромного фактического материала по магнатскому поместью Правобережной Украины раскрыт процесс разложения феодальных отношений в поместьях второй половины XVIII в. Новая оценка характера этого периода получила поддержку Д. Л. Похилевича. В своих работах 60-х годов он отмечает появление устойчивой прослойки крестьян, лишенных средств производства, приходит к выводу, что в поместье началось разложение феодальных и формирование капиталистических отношений и что «господское хозяйство проявляло тенденцию к своему развитию, эволюционизируя в сторону «прусского пути»[3].

В последнее время историками проводились исследования развития поместного хозяйства Белоруссии в трех направлениях: автором настоящей работы — по магнатским владениям центральной и западной Белоруссии, В. И. Мелешко — по крупным поместьям восточной ее части, Я. Н. Марашем — по владениям католической церкви.

Автором магнатское поместье изучалось комплексно. Им опубликован ряд статей по вопросам феодального землевладения, развития сельскохозяйственного производства на территории Белоруссии в XVIII в., его отдель-

---

[3] Д. Л. Похилевич. Наймана праця в сільському господарстві Білорусії та Литви в другій половині XVIII ст. «Вісник Львівського університету», серія історична, 1962, № 1, стор. 113; Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г.». Кишинев, 1966, стр. 386, 399.

ных отраслей, а также об организации и товарности магнатского поместья в западных и центральных белорусских землях, применении найма, классовой борьбе. Динамика численности населения Белоруссии в XVIII в. исследовалась вместе с А. М. Карпачевым.

В. И. Мелешко пришел к выводу о росте товарности господского хозяйства в восточной Белоруссии главным образом за счет его промысловой отрасли. Эволюция сельского хозяйства от натурального к товарному производству на данной территории происходила, по его мнению, не через фольварк, как на западе, а преимущественно на основе эксплуатации чиншевого хозяйства крепостного крестьянина. В доказательство этого положения В. И. Мелешко приводит следующие аргументы: преобладание на востоке Белоруссии денежной ренты, слабость фольварка, значительное развитие вотчинных промыслов, из которых наибольшее значение имели поташный и лесной. Сырье в основном приобреталось у крестьян (в виде уплаты ими натурального оброка, а также с помощью закупок). На промыслах широко применялся наем, как вольный, так и принудительный. В. И. Мелешко находит, что по своему уровню экономического развития восточная Белоруссия не была отсталой. Он отмечает, что восстановление производительных сил в сельском хозяйстве на изучаемой им территории происходило на базе феодальных производственных отношений, вследствие чего этот процесс шел крайне медленно и завершился в основном лишь к началу 70-х годов XVIII в., т. е. к концу рассматриваемого им периода.

В. И. Мелешко изучил также торговые связи восточной Белоруссии с внешним рынком. Кроме того, он прокомментировал составленную Скарбовой комиссией таблицу торгового баланса (импорт и экспорт) Великого княжества Литовского за 1786—1791 гг. Более широкое исследование таких балансов с привлечением таможенного учета балтийских портов произведено литовскими историками Л. С. Труской и Р. В. Ясасом.

После исследования структуры землевладения по западу и центру Белоруссии, выполненного автором настоящей монографии, аналогичная работа по ее восточной части была сделана В. И. Мелешко. Применение им одинаковых методов подсчетов облегчает сопоставление результатов по обеим зонам.

Вопросы землевладения католической церкви в Белоруссии, феодальной ренты, повинностей крестьян в церковных владениях, их хозяйства освещены Я. Н. Марашем. Он сделал вывод о преобладании барщины на западе и денежной ренты на востоке, что соответствует результатам исследований других авторов по светским феодальным владениям. Я. Н. Мараш обстоятельно изучил классовую борьбу крестьян против церковных феодалов.

Параллельно с советскими историками свои исследования проводили польские историки, освещавшие проблемы второй половины XVIII в. по-новому, с марксистских позиций. Характеристика этого периода, совпадающая с оценкой советских ученых, дана в «Истории Польши». Интересен труд В. Кули о мануфактурах. Он выяснил условия возникновения мануфактур в XVIII в., их связь с рационализацией помещичьего хозяйства, источники финансирования, характер хозяйственного расчета, вопросы рынков сбыта, рабочей силы. Среди изученных им объектов немало места отведено белорусским мануфактурам Радзивиллов, Хрептовича, Тизенгауза. Исследования В. Кули дополняются работами других авторов об отдельных предприятиях на территории Белоруссии. В последнее время В. Куля опубликовал работу, в которой поставлен ряд вопросов по методике исследований и источникам экономической истории позднего феодализма.

Польский историк М. Топольская изучила товарность крупной магнатской латифундии на востоке Белоруссии — Шкловского графства.

Важным вкладом в демографические исследования Литвы и Белоруссии является работа Ю. Можи. Ранее этой проблемой занимался немецкий историк В. Конце.

Источники, положенные в основу настоящей работы, могут быть разделены по фондообразователям на две большие группы: документы частные и государственные. Первые, как правило, носят локальный характер, они относятся к одному или нескольким объектам (имениям, предприятиям), реже — ко всем поместьям одного магната. Эти документы исходили от магната, его администраторов, различных лиц и учреждений, с которыми он состоял в деловых отношениях, крестьян его латифундий. Они находились в фамильных архивах. Документы государственные исходили от сеймов, Литовской скарбовой

комиссии, судов, поветовых органов власти, специальных комиссий, учреждавшихся с целевым назначением. В отличие от частных государственные документы были как бы «универсальными»: относились ко всей территории Великого княжества Литовского или отдельным поветам. Откладывались они в архивах сейма, Литовской скарбовой комиссии и судов. К первой группе относятся инвентари феодальных владений, другие хозяйственные документы латифундий, инструкции и переписка магнатов, жалобы крестьян.

Инвентари — наиболее массовый источник по аграрной истории Белоруссии XVII—XVIII вв. Документы этого вида, составлявшиеся во второй половине XVIII в., отличаются четкостью и обилием сведений. Мы находим в них описание господского дома (дворца), других жилых домов и хозяйственных строений, живого и мертвого инвентаря, промышленных и торговых заведений с их оборудованием и материалами, посевов или пахотных площадей, сенокосных угодий и др. Инвентари содержат также подворную перепись волостей и местечек, входивших в данное владение, с указанием состава семьи, земельного надела, скота и повинностей каждого дворохозяина. Наконец, в них содержится «устав» — детальный перечень всех повинностей разных категорий крестьян и мещан. Встречаются также так называемые «геометрические» («землемерные») инвентари, содержащие данные об обмере всех угодий, иногда с приложением геодезических планов. Во многих инвентарях приводится денежная постатейная оценка доходов, которые должно приносить данное имение. Инвентари при внимательном анализе могут служить источником многих косвенных данных. Так, описание «подводной» повинности крестьян, заключавшейся в перевозке господских грузов, позволяет определить объем и направление рыночных связей поместного хозяйства.

Достоверность инвентаря, полнота его данных зависели от того, при каких обстоятельствах он составлялся. Если его писали при продаже или сдаче в залог имения, инвентарь мог отражать не действительную картину хозяйства, а условную. Это объяснялось финансовыми расчетами сторон. Поэтому самыми достоверными были инвентари, периодически составлявшиеся для внутренних нужд поместья.

В частности, Михаил-Казимир Радзивилл требовал ежегодного составления волостных переписей и раз в три года — общих инвентарей, «как можно более полно отражающих состояние имения»[4]. По многим магнатским имениям сохранились десятки инвентарей, позволяющих проследить эволюцию ренты и развитие поместного хозяйства на протяжении одного-двух столетий.

Однако одних инвентарей было бы недостаточно для изучения экономики поместья. Не случайно Ф. И. Забелло, К. И. Керножицкий, Е. П. Шлоссберг, опираясь только на инвентари, не смогли раскрыть его подлинного развития. В инвентарях не отражено движение материальных ценностей и денежных средств в хозяйстве, не показаны агротехнические и зоотехнические мероприятия, деятельность промышленных предприятий и торговля, не раскрывается организация поместья, использование рабочей силы, не учитываются некоторые источники доходов. Эти вопросы можно осветить, лишь изучая наряду с инвентарями тех же владений их обширную хозяйственную документацию и ряд других источников.

Хозяйственные документы мы подразделяем на три категории: книги первичного и бухгалтерского учета, отчеты экономов и управителей; «люстрации» (ревизии) латифундий. Первичный учет — амбарные книги, реестры сборов и умолотов хлебов, укосов сена, отела коров, выдачи натуральной и денежной платы, квитанции, расписки, разовые распоряжения о выдаче ценностей, журналы ежедневного производства работ и использования на них барщинной рабочей силы. Документами бухгалтерского учета были приходно-расходные ведомости урожаев, книги движения материальных ценностей по центральным складам, по винокурению, кассовые книги, расчеты с местными купцами и в балтийских портах, банкирами, кредиторами и дебиторами. Самые ценные из бухгалтерских документов — сводные книги всех показателей хозяйства латифундий («суммариюши»). Много важных сведений содержат периодические отчеты экономов имений и управителей латифундий. Не все эти сведения правдивы. Предпочтение следует отдать проверенным отчетам с пометками администратора, какой расход принят, а какой отнесен в начет эконому. Весьма интересны «от-

---

[4] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, лл. 7, 30.

четы о сплавах», представлявшиеся торговыми агентами магнатов, занимавшимися экспортными и импортными операциями. Люстрации — это акты ревизий, проводимых представителями центрального управления. В них мы часто находим экономический анализ хозяйства, предложения по его улучшению.

К хозяйственным документам примыкает другая группа: инструкции, разовые распоряжения и переписка магнатов, указания вышестоящих администраторов низшим, их письма, протоколы экономических сессий. Инструкции содержат обязательные рекомендации управителям и экономам по организационным и хозяйственным вопросам. В них намечены мероприятия по расширению пахотных земель, мелиорации, улучшению агротехники, порядку ухода за скотом, развитию промышленных предприятий, использованию рабочей силы. Инструкции являлись конспектом сельскохозяйственного опыта и современных агрономических знаний, почерпнутых из литературы. Отдельные из них были изданы типографским способом. Недостаток инструкций как источника состоит в их нормативном характере. Но очень часто в инструкциях приводится перечень наиболее типичных нарушений. Разовые распоряжения магнатов или их центральной администрации давались в виде служебных писем и резолюций на представлениях нижестоящих должностных лиц. Их содержание касается хозяйственных вопросов фольварков и предприятий. О повседневных делах наиболее полно свидетельствуют протоколы еженедельных «экономических сессий», на которых экономы фольварков и другие должностные лица отчитывались перед управителем латифундии, выслушивали его замечания и получали разнарядки на следующую неделю. Распоряжения и протоколы сессий — новый источник, вводимый нами в научный оборот. Они дают представление о действительном состоянии сельскохозяйственного производства и характеризуют руководство им со стороны магнатов и их персонала. Важное значение имеет обширная переписка магнатов с их управителями, другими феодалами, купцами и банкирами.

Однако, используя все эти документы, необходимо учитывать их классовый характер. Надо помнить, что мероприятия, направленные на повышение доходности имений, весьма часто лицемерно мотивируются заботой

о крестьянах, в то время как на самом деле они предполагали усиление эксплуатации тех же крестьян.

Любопытными документами являются жалобы крестьян на администраторов или временных владельцев имений. И хотя они изложены в традиционной форме челобитных, в них виден протест против растущего феодального гнета. К тому же жалобы проливают свет и на некоторые стороны организации поместья, его товарность, использование рабочей силы, принудительный наем.

Таким образом, фамильные фонды позволяют всесторонне и в различных аспектах изучать магнатское поместье. Недостатком этих фондов является их некомплектность. Случается, что какой-то части документов не хватает. И тогда приходится по одному владению или вопросу использовать данные за одни, а по другому — за иные годы. Иногда производятся расчеты, основанные не только на прямых, но и частично на косвенных данных. Для этого необходима разработка специальной методики.

Частные документы сохранились не по всем магнатским латифундиям Белоруссии. Многие фамильные архивы целиком или частично пропали. Вместе с тем выявленные частные документы включают данные по большинству владений крупнейших магнатов Белоруссии: Радзивиллов (несвижской и клецкой линий), Сапег, Огинских (трех представителей рода), Тышкевичей, Тизенгауза. Среди их документов имеются и такие, которые относятся к другим магнатам, связанным с названными родственными узами или деловыми контактами. Мы сейчас располагаем данными о всех известных центрах владений магнатов на изучаемой территории: Несвиже, Клецке, Слуцке, Давид-Городке, Деречине, Ружанах, Друе, Поставах и ряде других. Это дает достаточные основания для выводов о магнатском хозяйстве западной и центральной Белоруссии в целом.

Значение частных документов возрастает еще больше, если учесть, что в Речи Посполитой отсутствовала государственная экономическая статистика. Их локальный характер компенсируется возможностью использования государственных документов, имевших иное назначение, прежде всего фискальных. Государственные документы по содержанию не столь широки, как мате-

риалы фамильных фондов. Они освещают лишь отдельные стороны поместного хозяйства, но зато они позволяют охватить все владения.

В настоящей работе широко применяются налоговые переписи, составлявшиеся для взимания подымного налога и «добровольного налога 10-го гроша». Переписи — «люстрации» дымов, сельских дворов, которые являлись единицей обложения, производились трижды: в 1775, 1789 и 1790 гг. Количество дымов в каждом владении переписывалось по отдельным поветам, а полученный таким путем документ именовался поветовым «тарифом подымного». Кроме того, в 1790 г. был составлен сводный («генеральный») тариф всего Великого княжества Литовского, состоявший из суммарных итогов поветовых тарифов. До сих пор историки, как правило, обращались только к этому документу. Нами выявлены в архивах и изучены 24 поветовых тарифа. «Генеральный» тариф дает возможность определить общую численность дымов по поветам и их распределение на шляхетские, крестьянские и т. п., а также по принадлежности к категориям феодалов (дымы королевские, церковные, земские). Поветовые тарифы богаче: в них перечислены все имения с указанием собственника, а часто и временного владельца, что позволяет группировать дымы не только по категориям, но и по имущественным группам феодалов.

Тарифы подымного использовались нами как в демографическом исследовании, так и при изучении структуры земельной собственности, определение которой оказалось возможным только с помощью этого источника. Он же позволяет рассмотреть удельный вес и эволюцию землевладения магнатов. Различие ставок подымного налога, установленных сеймом для отдельных поветов, а также расчеты о продажной цене имений, произведенные в 1790 г. по заданию сейма, использованы нами для районирования товарности поместья.

В соответствии с законами от 6 апреля и 30 мая 1789 г. был введен налог в размере 10% от чистого дохода со всех частных и 20% с духовных владений. Землевладельцы давали показания гражданско-военным поветовым комиссиям о размере своих доходов по отдельным статьям и представляли подтверждающие документы. Поскольку объект обложения в самом законе

определен весьма расплывчато, достоверность этого источника меньшая, чем тарифа 1790 г. Однако он составлялся теми же органами, что и тариф. С определенными коррективами его можно принять за основу исследований бюджетов поместий, их отраслевой структуры, урожайности.

До настоящего времени опубликовано лишь незначительное количество документов по магнатским поместьям. Кроме постановлений сеймов, это отдельные разрозненные инвентари и некоторые инструкции магнатов [5]. Поэтому настоящая работа почти полностью основана на документах, выявленных в различных архивах, в фамильных фондах магнатов и фондах государственных учреждений. Основная масса использованных документов хранится в Центральном государственном историческом архиве БССР в г. Минске (ЦГИА БССР), Центральном государственном историческом архиве БССР в г. Гродно (ЦГИА БССР в г. Гродно), Центральном государственном историческом архиве Литовской ССР в г. Вильнюсе (ЦГИА ЛитССР), Центральном государственном историческом архиве Украинской ССР в г. Львове (ЦГИА УССР в г. Львове), Центральном государственном историческом архиве Древних актов в Москве (ЦГАДА), Рукописном отделе библиотеки АН Литовской ССР (РОБАН), Рукописном отделе библиотеки Вильнюсского университета имени В. Капсукаса (РОБВУ), Рукописном отделе Львовской государственной научной библиотеки Министерства просвещения УССР (ЛНБ Ро). Кроме того, использованы документы, доставленные из архивов Польской Народной Республики: Экономического архива музея Чарторысских в Кракове (AG) и Центрального государственного архива Древних актов в Варшаве (архив Радзивиллов, отдел XXV) (AGAD, AR, XXV).

[5] Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов (АВАК); Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Могилевской и Витебской (ИЮМ). Белоруссия в эпоху феодализма, т. II. Минск, 1960; т. III. Минск, 1961; S. Pawlik. Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII w. (S. Pawlik. Polskie instruktarze...), t. 1. Kraków, 1915; «Instrukcje gospodarcze dla dóbr magnackich i szlacheckich z XVII—XIX w.» («Instrukcje gospodarcze...»), t. 1. Wrocław, 1958.

Глава II

ВОТЧИННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

1. УГОДЬЯ. ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Отраслевая структура сельского хозяйства может рассматриваться в двух аспектах: как соотношение различных видов угодий и по удельному весу отдельных отраслей в экономике. Решение этих вопросов затрудняет отсутствие земельного кадастра и статистических данных.

В первую очередь ознакомимся с распределением сельскохозяйственных угодий. Чтобы получить необходимые данные, использованы реестры «добровольного налога 10-го гроша» 1789 г. Из сохранившихся в архивах реестров четыре содержат сведения о фольварочных посевах озимых хлебов и об укосах сена во всех частновладельческих и церковных имениях (Слонимский повет, Ошмянский дистрикт Ошмянского повета, Поставский дистрикт Ошмянского повета и Речицкий повет). Производя расчеты, мы исходили из средней нормы высева, составлявшей 0,25 виленской бочки зерна на один морг, и среднего укоса сена по 1,6 воза с одного морга площади [1]. По полученным данным, в 406 имениях на пахоту приходилось 98 940 моргов, а на сенокосы — 35 554 (соотношение 74 и 26%) [2]. По налоговым переписям нельзя исчислить площади других угодий.

Для уточнения этих результатов параллельно изучены другие источники: инвентари и хозяйственные доку-

---

[1] Норма высева 0,25 бочки фигурирует во всей специальной литературе. Укосы в 1,6 воза исчислены автором на основании сведений, содержащихся в реестрах и в инвентарях.

[2] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 2827, лл. 1—109; д. 2828, лл. 1—186; д. 2832/I, лл. 1—66; д. 2832/II, лл. 1—79; д. 2837, лл. 1—46.

менты из фамильных фондов магнатов. По 98 объектам получены показатели — 35,5 тыс. моргов пахоты и 16,7 тыс. сенокосов (68 и 32 %) [3]. Относительная близость результатов двух исследований свидетельствует о правильности наших расчетов.

Как отмечает Н. Н. Улащик, удовлетворительным при трехполье было соотношение сенокосов к пашне, как 1 : 2. Более низкий их удельный вес отрицательно сказывался на развитии животноводства и вообще на состоянии сельского хозяйства [4]. По нашим расчетам, это соотношение представлялось, как 1 : 2,1, т. е. почти достигало нормы. Такая структура в фольварочном хозяйстве в основном обеспечивала условия для его развития. Иная обстановка складывалась у крестьян. Соотношение сенокосов и пахоты у них преимущественно было, как 1 : 5 [5]. Недостаток сенокосов ставил крестьянское хозяйство в весьма затруднительное положение. Крестьяне вынуждены были постоянно искать в лесу и на болотах более или менее пригодные участки.

Весьма важный вопрос — удельный вес пахоты в общем земельном фонде. Польский экономист конца XVIII в. Т. Чацкий находил, что пахота по всей Речи Посполитой составляла к 1774 г. одну седьмую часть всех угодий. К иным результатам приходят советские историки. В. К. Яцунский считает, что пахота в белорусских губерниях в 1796 г. составляла от 20 до 26,3 %. По мнению Н. Н. Улащика, в Виленской губернии объем пахоты равнялся 24 % (1804 г.), а по Гродненской — 39,6 %

---

[3] АВАК, т. XXXV, стр. 410, 425—433, 462—464; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4207, лл. 4, 14; д. 4533, лл. 7, 8; д. 6423, лл. 27, 44; д. 7165, л. 13; д. 8435, л. 4; д. 9079, л. 2; д. 10879, л. 1; оп. 3, д. 4197, лл. 1—45; ЦГИА БССР. в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 221, лл. 25—76; оп. 3, д. 4, л. 4; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3991, л. 11; д. 3992, л. 2; д. 3993, лл. 3, 5; д. 3994, лл. 2, 5; д. 3995, лл. 2, 8; д. 3997, лл. 2, 7; д. 4000, лл. 2, 7; д. 4001, лл. 3, 6; д. 4002, лл. 2, 5; д. 4010, лл. 5, 19, 29; ф. 525, оп. 8, д. 1225, лл. 2, 10; ф. 1177, оп. 1, д. 3506, лл. 16—40; д. 2058, лл. 9, 39, 61, 70, 79; д. 5802, лл. 33—63; ф. 1274, оп. 1, д. 36, лл. 4, 5; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1481, лл. 8, 9; AGAD, AR, XXV, s. 190, k. 5; s. 774/2, k. 11; s. 823, k. 8; s. 824/2, k. 5; s. 1046, k. 5; s. 1429, k. 5; s. 1710, k. 6—10; s. 1812, k. 1—6; s. 3704/1, k. 7.

[4] См. Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965, стр. 182, 183.

[5] ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2058, лл. 82, 83; д. 3501, лл. 60, 61; д. 3514, лл. 2—12.

(1837 г.) [6]. Если сопоставить даже минимальные показатели, полученные советскими исследователями, с данными Т. Чацкого, мы увидим, что на протяжении последней четверти XVIII в. происходит постоянный прирост пахотных площадей.

О площади лесов в магнатских латифундиях имеется очень мало сведений. Как правило, леса и пущи находились в особом управлении, и их нельзя связывать с конкретными поместьями. Можно говорить лишь о тех лесах, которые были приписаны к отдельным владениям. В графстве Деречин, принадлежавшем Франциску Сапеге, насчитывалось в 1794 г. 48 032 морга всех господских и крестьянских земель. Из них 14 580 моргов, т. е. 30%, приходилось на леса. В графстве Тимковичи Михаила Радзивилла леса вместе с болотами занимали 28 %, а во владении Залесье Франциска Огинского «под лесом и бором» было 46 % земель (1783 г.). Во владениях несвижских Радзивиллов из 90 тыс. волок земли леса занимали 34 тыс., или 37 % (1819 г.) [7]. На Полесье и в примыкавших к нему районах леса и болота значительно превышали площадь пашни и лугов. Так, в имении Михаила-Казимира Огинского «Ополье» болота составляли 81% всей площади владения (1799 г.) [8].

Наиболее общие данные об удельном весе отдельных отраслей сельского хозяйства в экономике могут быть почерпнуты из балансов внешней торговли, составленных Литовской скарбовой комиссией. Нами произведена выборка данных о вывозе продуктов из Великого княжества Литовского за шесть лет (с 1785 по 1791 г.) по отраслям сельскохозяйственного производства (табл. 1) *. Ведущая роль в экспорте принадлежала полеводству (83,5 %). Животноводство занимало второе место (13,1%). Меньше показатели пчеловодства (1,8%), ого-

---

[6] См. Т. Czacki. O litewskich i polskich prawach. Wydanie K. Turowskiego. Kraków, 1861, str. 186, 187, 238—241; В. К. Яцунский. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. В кн. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России», стр. 125; Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 131, 132, 139.

[7] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 210, л. 1; д. 8437, л. 11; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11778, лл. 72—477; ф. 459, оп. 2, д. 1644, лл. 2, 3; ф. 1177, оп. 1, д. 2072, л. 8.

[8] ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 446, лл. 2, 3.

* Все таблицы помещены в конце книги.

родничества и садоводства (1,5 %) и совсем небольшие (0,1 %) — птицеводства. Приведенные цифры характеризуют экономику Литвы, западной и центральной Белоруссии в целом. Но из них нельзя выделить сведений, относящихся к белорусским землям и к фольварочному хозяйству. Поэтому нами дополнительно исследованы 5 латифундий, включавших 41 фольварк, по которым сохранились документы о денежном приходе от продажи продуктов, произведенных в фольварочном хозяйстве. Оказалось, что выручка от продажи зерна, семян льна и конопли составляла 84,2% денежного прихода, от реализации излишков сена — 3,1, молочных продуктов — 4,2, скота, мяса и шерсти — 7, птицы, а также яиц — 1,2, овощей — 0,3% [9].

До сих мы рассматривали товарную структуру. Но уровень товарности отдельных отраслей мог не совпадать с их удельным весом в фольварочном производстве. Поэтому нами выявлены и проанализированы бюджеты поместий, содержащие денежные оценки доходов фольварочного хозяйства. Эти оценки относились ко всей массе произведенного продукта (за вычетом семян полевых культур) независимо от того, был ли он и в какой части реализован. Итоговые данные по 20 латифундиям (69 фольваркам) показали, что на полевые культуры приходилось 69,6% дохода, на сено — 20%. Молочное хозяйство, откорм скота, настриг шерсти давали 8,2% дохода, птицеводство — 1,1, овощеводство и плодоводство — 0,6, разведение рыбы — 0,5%. Доход от пчеловодства был незначителен — менее 0,1% (см. табл. 2). Сравнивая эти данные с показателями реализации продуктов, нетрудно убедиться в различиях уровня товарности отдельных отраслей. Продукты полеводства и животноводства имеют более высокий удельный вес в приходе от реализации, чем в оценке доходов. Отсюда следует их более высокая степень товарности. Зато основная часть сена, а также целиком прудовая рыба потреблялись внутри поместий.

Следовательно, сельскохозяйственное фольварочное производство в крупных поместьях западной и центральной Белоруссии во второй половине XVIII в. носило

[9] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 226; д. 8438, лл. 8, 29; ЦГИА ЛитССР, ф. 459, оп. 1, д. 150, лл. 1—14; ф. 1292, оп. 1, д. 95, лл. 1—4; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1282, лл. 1, 2, 17—23.

многоотраслевой характер. Оно было представлено всеми видами хозяйственной деятельности, свойственными данной географической зоне. Главной отраслью сельского хозяйства являлось полеводство. Это обстоятельство, казалось бы, не вызывало до сих пор сомнений у историков. Однако не подкрепленное конкретными исследованиями, оно по существу оставалось только гипотезой. Вслед за земледелием видную позицию занимало животноводство. Его удельный вес в общей структуре составлял менее 1/10 части (рабочий скот не принимался во внимание.— *П. К.*). Из учтенных продуктов животноводства больший по оценке доход давало молочное хозяйство, а меньший — откорм скота на убой и настриг шерсти.

Если же учесть реализацию продукции, то мы получим обратное соотношение. В этом случае объем реализации скота, мяса и шерсти преобладает над молочными продуктами, такими, как масло, сыр, творог. Естественно, последние в большей мере шли на внутренние нужды. Разведение птицы, рыбы, выращивание овощей, фруктов занимало второстепенные позиции в фольварочном хозяйстве. Некоторые из этих отраслей (птицеводство, огородничество, садоводство) имели частично товарный характер.

Приведенные в настоящем исследовании цифры показывают ошибочность суждений Ф. И. Забелло об упадке фольварочного производства, особенно животноводства, птицеводства и рыбоводства.

2. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Земледельческое производство составляло важнейшую отрасль хозяйства магнатов. Чтобы проследить его эволюцию, нами были подсчитаны по сопоставимым объектам (латифундиям или их частям) господские посевы в 26 владениях, включавших 81 имение (табл. 3). Эти имения располагались в 10 из 11 поветов, входивших в исследуемую территорию, и принадлежали семи крупнейшим латифундистам Белоруссии. При подсчетах учитывалось общее количество зерна, высеянного, согласно записям инвентарей и амбарных книг, на господском поле в данном хозяйственном году, т. е. как озимые, так и яровые посевы. Местные объемные меры переведены в единую для последней трети XVIII в. меру — ви-

ленскую комиссионную бочку *. Выбор дат исходных и конечных по каждому владению (здесь и в последующих таблицах) зависит от наличия полноценных источников.

Во второй половине XVIII в. почти повсеместно отмечался рост господских посевов. Так, в 24 владениях из 26 площадь посевов увеличилась весьма значительно; в ряде случаев за 40 лет она возросла вдвое и более. До 50-х годов господские посевы расширялись преимущественно за счет освоения пустошей; с начала 60-х годов до конца столетия — за счет расчистки из-под леса новых участков, а также захватов части крестьянских земель. Одновременно с расширением господских посевов в существовавших магнатских владениях основывались и новые фольварки. Это подтверждают многочисленные свидетельства в документах по владениям Франциска Огинского (Молодечно), Юзефа Радзивилла (Клецк), Иоахима Потоцкого (Россь в Волковысском и Тростяница в Брестском повете), Александра Сапеги (Друя), Михаила Радзивилла (Тимковичи) [10]. С 50-х до 80-х годов XVIII в. численность фольварков возросла более чем на 1/4.

Интересно, что новые фольварки появляются также в тех районах, где раньше их было мало или они вовсе отсутствовали. Так, в Дрисвятах (Браславский повет), находившихся в условном владении, а затем перешедших в собственность Карла Радзивилла, в 1772 г. имелся один маленький фольварк, а в 1787 г. здесь уже появилось три имения. Аналогичное положение наблюдаем в поместье Дороги, расположенном в восточной части Новогрудского повета, в котором численность фольварков увеличилась вдвое, а посевы — втрое. То же самое можно отметить и в Уречье. За несколько лет до 1792 г. фольварки возникли в латифундии Михаила-Клеофаса Огинского Тетерин (Оршанский повет, западный берег р. Друти), до этого находившейся на оброке [11].

* «Виленская», иначе «литовская комиссионная» бочка — объемная мера, вмещавшая 407 л.

[10] ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3501, л. 62; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6683, лл. 5, 6; д. 8435, лл. 1—23; д. 8437, лл. 1—57; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, л. 42; «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 406—408.

[11] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2055, л. 82; д. 9014, лл. 157—172; ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 36, лл. 4, 5; AGAD, AR, XXV, s. 821, k. 2; s. 823, k. 8; s. 904, k. 1.

Таким образом, фольварочная система, наиболее развитая на юго-западе и в центре Белоруссии, во второй половине XVIII в. стала распространяться и в направлении Подвинья и Поднепровья.

Расширение посевных площадей не было единственным процессом, определявшим эволюцию земледелия в магнатских владениях. Оно сопровождалось качественными изменениями в способах ведения сельского хозяйства. Существенные сдвиги происходили в системе полеводства, агротехнических приемах, совершенствовались орудия труда, улучшался семенной фонд. В первой половине XVIII в. наряду с трехпольем довольно широкое распространение имела двупольная система. Она типична для периода восстановления хозяйства, разоренного войнами середины XVII — начала XVIII в., когда посевы были невелики, пустующих земель более чем достаточно, а скота и, следовательно, навоза для удобрения мало.

Пережитки двупольной системы в ряде мест сохранились и во второй половине XVIII в. [12] Однако господствующее положение в магнатском владении Белоруссии этого времени занимает трехполье. Об этом свидетельствуют инвентари и хозяйственные документы поместий, в том числе геодезические планы с данными об обмере пахоты под полями в трех клиньях [13]. В отдельных, наиболее развитых магнатских поместьях делались попытки введения многопольных севооборотов с травосеянием. Андрей Огинский, владевший обширными имениями в разных районах Белоруссии, составил в 1769 г. для своих владений инструкцию (так называемую «веляшковичскую»), которая содержит два варианта четырехполья. Четырехполье и травосеяние рекомендуются и в другой инструкции того же автора (1786 г.) [14].

По свидетельству современников, посетивших в начале XIX в. имение «Щорсы» Иоахима Хрептовича, они застали там сложившуюся систему многопольных севооборотов. Значительная часть площади засевалась кор-

[12] Давид-Городок (1753 г.), Смядынь (1781 г.), Погост (1786 г.). (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1708, л. 8; д. 6423, лл. 28—30, 44; оп. 3, д. 4197, лл. 44, 45).

[13] Ружаны (1762 г.), Свислочь (1768 г.), Тимковичи (1778 г.) (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8437, лл. 1—57; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 221, лл. 23—78; д. 292, л. 12).

[14] S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 57, 271.

мовыми культурами[15]. Поскольку аграрная реформа, преобразовавшая имение «Щорсы» по образцу капиталистического поместья, проводилась Хрептовичем в 1790 г.[16], есть основания считать, что и многопольные севообороты начали применяться в этом хозяйстве с конца XVIII в.

Основные полевые работы в большинстве магнатских владений выполнялись барщинными крестьянами, пользовавшимися своими сельскохозяйственными орудиями. Лишь в последней трети XVIII в. в более развитых магнатских владениях, в которых наряду с барщиной применялся в полеводстве наемный труд, приобретают собственные сельскохозяйственные орудия (сохи, косы, бороны, веялки и др.). Мы находим эти орудия в латифундиях Сапег (Ружаны, Деречин, Высокое), Антония Тизенгауза (Поставы, Бытень), Сангушко (Раков), Юзефа Радзивилла (Клецк). Несколько позже в магнатских фольварках появились более совершенные, чем у крестьян, сельскохозяйственные орудия: бесколесные плуги, железные бороны. Начинают появляться веялки — первый механизм в сельском хозяйстве. В источниках они называются «арфы», или «мельницы для очистки зерна». Инструкция Михаила-Казимира Радзивилла (1760 г.) требовала, чтобы механические веялки были в каждом фольварке, но фактически они имелись не везде. Простейшие веялки изготовлялись на месте, а более сложной конструкции импортировались из-за границы. Так, из Крулевца (Пруссия) в Деречин в 1794 г. было привезено 6 «арф». Импортные веялки применялись в Клецком княжестве (1794 г.), в Манкевичах (1797 г.)[17].

---

[15] См. Н. Н. Улащик. Орудия производства и системы земледелия в помещичьем хозяйстве Литвы и Западной Белоруссии в период разложения феодально-крепостнического строя. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г.». М., 1961, стр. 179—192.

[16] Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, стр. 261—264.

[17] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 26, 93—95; д. 6673, лл. 221, 232; д. 8264, лл. 9, 10; оп. 3, д. 47, л. 18; д. 53, л. 22; ЦГИА БССР, ф. 1324, оп. 1, д. 78, л. 71; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3537, л. 16; д. 3988, лл. 42, 43, 65, 84, 99, 109, 110, 122; д. 11529, лл. 50, 61, 72, 84, 93, 104, 115; там же, ф. 459, оп. 1, д. 243, л. 4; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 63; д. 1883, л. 4; М. Довнар-Запольский. Вотчинное учреждение графа И. Хрептовича, дополненное сыном его Адамом. «Университетские известия». Киев, 1905, № 8, стр. 109, 110; S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 55, 72.

Существенно улучшились во второй половине XVIII в. агротехнические приемы. Магнаты и центральная администрация их владений стали требовать от экономов «троения», т. е. трехразовой вспашки тяжелых почв. На легких почвах обходились двухразовой пахотой. Зяблевая вспашка считалась обязательной как после яровых, так и после озимых. Для борьбы с водной эрозией при пахоте предлагали учитывать наклон поля, проводить борозды и копать рвы для стока излишка влаги [18].

Первостепенное значение придавалось удобрению полей. Один из Радзивиллов писал, что накопление навоза для удобрения «является фундаментом хорошего хозяйства» [19]. Для увеличения количества удобрений в инструкциях предлагались различные меры: пасти скот на полях парового клина, заготавливать навозную жижу в отстойниках, готовить компосты. Навоз вывозили под озимые культуры, реже под яровые. Его не всегда хватало, поэтому, кроме посевов на «погноях» (удобренном поле), встречались и посевы на «простополье» (т. е. без навоза). Рекомендовалось вывозить навоз не зимой, а ранней весной и не оставлять долго открытым на поле, чтобы он не выветривался [20].

Конечно, не все предписания магнатских инструкций выполнялись, и не во всех принадлежавших им поместьях агротехника была на высоком уровне. Однако, судя по хозяйственным документам, можно сделать вывод, что инструкции не оставались только на бумаге. В экономически более развитых поместьях агрономические указания применялись на практике. А там, где общий уровень хозяйства был ниже, а резиденция магната находилась далеко, наилучшие рекомендации зачастую оставались лишь благим пожеланием.

Магнаты хорошо знали, что урожай во многом зависит от качества зерна. Они требовали хранить зерно в прочных амбарах, в которые бы не затекала вода. Посевной материал должен был засыпаться в отдельные закрома. На посев отбирали самое лучшее зерно. Перед

---

[18] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8149, л. 62; оп. 3, д. 47, лл. 4, 51; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 5, 73; д. 1410, л. 6; д. 4539, л. 8; S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 58, 78.

[19] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, л. 197.

[20] Там же, оп. 2, д. 9102, л. 56; РОБВУ, ф. 4 А, д. 4539, лл. 8, 9; д. 1275, л. 41; д. 1410, л. 17.

севом его еще раз провеивали. Сеяли только «свежее» зерно, т. е. последнего урожая, а не прошлых лет. Перед посевом пшеницы на «мокрых» почвах рекомендовалось производить известкование исходя из нормы: 1 осьмина извести на 10 осьмин зерна. При посеве яровых на особо сухих почвах зерно мочили в навозной жиже [21]. Сеяльщиками выделяли наиболее опытных крестьян. Во избежание злоупотреблений феодалы заставляли приводить их к присяге [22].

Магнаты не всегда соглашались с нормами высева, установившимися в крестьянском хозяйстве. В зависимости от качества почв в инструкциях иногда содержатся указания сеять рожь «редко, а не так густо, как это делают крестьяне» [23]. Наряду с общими указаниями сеять яровые гуще, а озимую рожь — реже (владение Смядынь Радзивиллов) [24] в инструкциях можно обнаружить и конкретные рекомендации посевных норм. Андрей Огинский отмечает, что в Литве и Белоруссии высевают в среднем по 36 гарнцев, или иначе 2 осьмины на морг земли [25]. Дифференцированные нормы высева по видам культур и качеству почвы содержатся в инструкции Антония Тизенгауза.

В исторической литературе имеются сведения о нормах высева, применявшихся в Литве и Белоруссии в XVI—XVIII вв. Д. Л. Похилевич называет общую среднюю норму высева зерна на морг земли (0,25 бочки виленской, т. е. столько же, сколько указано в инструкции Андрея Огинского) [26]. Эта норма, не дифференцированная по культурам, может быть положена в основу лишь наиболее общих расчетов. В. Вечорек и Е. П. Шлоссберг приводят нормы высева ржи, а А. Жабко-Потопович — различных культур. Однако для выводов, которые делают эти авторы, явно недостаточно материала, так как

---

[21] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8149, л. 62; РОБВУ, ф. 4 А, д. 4539, л. 8; S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 34, 50, 79, 270.

[22] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1410, л. 4; д. 4539, л. 8.

[23] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, л. 329; «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 484; S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 270.

[24] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8149, л. 62.

[25] Осьмина здесь — 1/8 бочки виленской.

[26] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Приложение II.

они ссылаются всего на один-два объекта [27]. Между тем нормы высева представляют большой самостоятельный интерес для истории полеводства и необходимы при исчислении посевных площадей, часто не указанных в источниках. Поэтому нормы высева различных культур устанавливались нами по архивным документам, содержавшим одновременно данные о посевах и о площадях, на которых они были произведены.

Расчеты по 11 магнатским владениям показали стабильность норм высева на протяжении ряда лет во второй половине XVIII в. Эти нормы составляли: озимой ржи — 0,25 бочки на морг пахоты (0,71 га), пшеницы — 0,30, ячменя — 0,40, овса — 0,49, гречихи — 0,23, гороха — 0,25, льна и конопли — 0,25 (данные для расчетов почерпнуты из документов владений: Несвиж, Радзивилмонты (Клецк), Давид-Городок, Малево, Мостviloвичи, Копыль, Тимковичи, Погост, Поставы, Бытень, Черлена, принадлежавших разным представителям рода Радзивиллов, Сапегам, Тизенгаузу) [28]. Если перевести объемную меру высева ржи в весовую, то на десятину пахоты в конце XVIII в. пришлось бы 6,7 пуда, что заметно ниже нормы высева, применявшейся в конце XIX в. в поместьях Гродненской и Минской губерний (8,4 пуда) [29]. Несомненно, более низкий уровень агротехники не позволял в XVIII в. так использовать единицу площади, как это оказалось возможным сто лет спустя.

Значительный интерес представляет структура посевов. Некоторые цифровые данные о посевах того периода содержатся в работе у Ф. И. Забелло, но они приведены без динамики. Е. П. Шлоссберг утверждает, будто струк-

---

[27] См. W. Wieczorek. Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVIII w. Poznań, 1929, str. 10; A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII na tle ewolucji stosunków w rolnictwie. Warszawa, 1929, str. 85, 86; Е. П. Шлоссберг. Фольварочно-барщинное хозяйство и движение феодальной ренты в Белоруссии в XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г.». Киев, 1962, стр. 219.

[28] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 1348, л. 2; д. 1714, лл. 76—87; д. 4665, л. 4; д. 4710, л. 10; д. 6419, лл. 704—708, 718; д. 6673, л. 731; д. 8443, лл. 4, 5; д. 9079, л. 10; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988; д. 4010, л. 5; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1912, л. 47.

[29] Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в., вып. 1. СПб., 1902, стр. 146—149; Свод урожайных сведений за годы 1883—1915. М., 1928, стр. 12, 16, 17, 43, 89, 94.

тура посевов в Белоруссии на протяжении XVII—XVIII вв. почти не изменялась[30]. Иные результаты получили мы при исследовании структуры посевов по материалам магнатских вотчин за период с первой половины XVII до второй четверти XIX в. Расчеты производились на основе амбарных книг и отчетов экономов[31]. Они показали, что в XVII в. рожь занимала более половины посевных площадей. Это свидетельствует об экстенсивном ведении магнатского хозяйства в данный период, односторонней его ориентации, в основном направленной на экспорт ржи. В XVIII в., особенно во второй его половине, и тем более в первой половине XIX в. удельный вес ржи уменьшился за счет яровых культур. Несомненно, такое изменение обусловлено постепенным превращением поместного хозяйства в многоотраслевое, его частичной интенсификацией, ростом животноводства и предпринимательства, предъявлявших спрос на яровые культуры. К концу XVIII в. возросли посевные площади под озимой пшеницей. Среди яровых первое место принадлежало овсу. Самую небольшую площадь занимали лен и конопля. В качестве полевой культуры во владениях Антония Тизенгауза высевался рапс. В 20-е годы XIX в. на полях стали возделывать картофель. С этого же времени заметное распространение получили посевы клевера[32].

В структуре фольварочных посевов во второй половине XVIII в. прослеживается тенденция к увеличению веса товарных культур. Магнаты стремились к расширению посевов льна и конопли. Однако это им не удавалось. В условиях феодализма эти трудоемкие культуры выращивали в основном крестьяне. Следует отметить,

---

[30] См. Т. І. З а б е л а. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства. У зб. «Запіскі Аддзелу гуманітарных навук». Працы клясы гісторыі, кн. 3, т. II. Менск, 1928, стар. 102—105; Е. П. Ш л о с с б е р г. Фольварочно-барщинное хозяйство и движение феодальной ренты в Белоруссии в XVII—XVIII вв., стр. 219, 220.

[31] См. П. Г. К о з л о в с к и й. Динамика урожайности и посевных площадей, изменения структуры посевов в крупных поместьях Белоруссии в XVIII — первой половине XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г.», стр. 353, 354, 360.

[32] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 338; д. 2055, л. 82; д. 8149, л. 81; д. 6813, лл. 1, 2; д. 8677, лл. 1—18; ф. 1324, оп. 1, д. 78, л. 26; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3530, лл. 8, 9; д. 4010, л. 15; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 49; д. 3947, л. 28.

что в инструкциях постоянно встречаются напоминания о важности посевов льна и конопли, повторяются требования магнатов расширять отводимую им площадь[33]. Вместе с тем некоторые владельцы латифундий, в частности Андрей Огинский, не навязывали своим управителям какой-либо единой схемы, но советовали при определении структуры посевных площадей исходить из сочетания коммерческих соображений с природными условиями, т. е. избирать те культуры, которые являются в данной местности наиболее выгодными. «Там, где растет анис и пшеница, не надо сеять ржи, где растет ячмень — не сеять овса, там, где лен и конопля являются ходким товаром, сеять как можно больше льна и конопли...»[34]

Во второй половине XVIII в. в магнатских хозяйствах Белоруссии впервые появляются сортовые, в том числе импортные, семена. В латифундиях Сапег Ружаны, Деречин, во владениях Карла, Юзефа и Михаила Радзивиллов наряду с местными семенами высевались следующие сорта: рожь «египетская», «саксонская», «шведская», пшеница «арабская», овес «венгерский». Удельный вес импортных семян иногда был довольно значительным. Так, в имении «Ганусово» Несвижского княжества 50% посеянного овса значилось «венгерским» (1790 г.), а в девяти фольварках Чернавчицкого графства рожь «египетская» составляла 10% посевов этой культуры. Однако в большинстве имений сортовые семена использовались в малых количествах[35].

Как известно, в XVIII в. в Белоруссии и в помине не было никаких уборочных машин, уборка производилась вручную. Магнаты отдавали предпочтение жатве серпом и требовали, чтобы всюду, где только возможно, хлеба жали, а не косили. При этом проявлялась забота о том, чтобы солому срезали низко, не оставляя высокой стерни[36].

Одним из важнейших признаков образцового веде-

---

[33] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3606, л. 30; д. 8149, л. 63; д. 9102, л. 57; «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 477.

[34] S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 251.

[35] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1339, лл. 131—156; д. 6668, лл. 64—77; д. 6673, лл. 185—354; д. 9384, лл. 241—244; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 5, 45; д. 1514, л. 12.

[36] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8149, л. 62; РОБВУ, ф. 4 А, д. 4539, л. 8.

ния хозяйства считалось соблюдение оптимальных сроков сельскохозяйственных работ. Рационализация фольварочного хозяйства в 60—90-е годы XVIII в. привела к появлению многочисленных предписаний об этих сроках. Ранняя обработка почвы и посев рассматривались как залог хорошего урожая, своевременная уборка хлебов должна была предотвратить потери зерна. Встречаются рекомендации начинать жатву, когда хлеба еще «немного зеленоваты», с тем, чтобы окончательно зерно просохло уже в копнах. В инструкциях мы находим перечень очередности и календарные сроки сельскохозяйственных работ. Однако на практике сроки часто нарушались, так как работавший по принуждению крепостной крестьянин не был заинтересован в их соблюдении.

Определенную роль в развитии магнатского сельского хозяйства сыграла агрономическая наука. Вторая половина XVIII в.— период распространения в Белоруссии многочисленных хозяйственных инструкций, издававшихся за подписями магнатов и предназначенных в качестве руководства для экономов и управителей владений. Инструкции обобщали и пропагандировали народный опыт и современные достижения науки. Некоторые из них (Андрея Огинского, Анны Яблоновской) были отпечатаны в типографиях (1786 г.) и применялись также другими землевладельцами. Агрономические знания популяризировались в периодической печати и в книгах по разным отраслям сельского хозяйства. В Гродно в конце 60-х — начале 70-х годов XVIII в. по указанию Антония Тизенгауза разбивается ботанический сад, открываются школы ветеринаров и землемеров [37].

Все мероприятия, направленные на улучшение земледелия, нашли отражение в урожайности, являющейся, как указывал В. И. Ленин, важнейшим показателем уровня развития производительных сил в сельском хозяйстве. Однако до недавнего времени в историографии Белоруссии не было специальных исследований урожайности в эпоху феодализма [38].

---

[37] См. И. Г. Гибянский. Граф Антоний Тизенгауз и гродненские королевские мануфактуры. Пг., 1961, стр. 13—15.

[38] Определением урожайности в Литве и западной Белоруссии в первой половине XIX в. занимался Н. Н. Улащик (См. Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 155—158. По более раннему периоду имеется лишь одна статья автора настоящей работы).

В трудах по истории аграрных отношений Речи Посполитой или отдельных входивших в ее состав земель (Литва, Белоруссия) содержатся общие характеристики динамики урожайности. При этом одни авторы находят, что урожайность с середины XVI до конца XVIII в. (или только на протяжении XVIII в.) снижалась (В. А. Мякотин), другие — что она сохранялась на одном уровне «сам-3» (М. В. Довнар-Запольский, Г. Ловмянский), наконец, есть мнение, что урожайность на протяжении XVIII в. хотя и росла, но рост этот был незначительным, т. е. достигнутый уровень составлял «сам-3» — «сам-3,5» (А. Жабко-Потопович, Д. Л. Похилевич, Е. П. Шлоссберг). Но надо учитывать, что высказывания В. А. Мякотина и Г. Ловмянского не подкреплены фактическим материалом, М. В. Довнар-Запольский и Е. П. Шлоссберг ограничиваются приведением одного-двух фактов, А. Жабко-Потопович и Д. Л. Похилевич основывают свои наблюдения на королевских владениях[39]. При столь противоречивых высказываниях историков требовалось изучить данные об урожайности по документам магнатских владений. В процессе исследования была отвергнута фигурирующая в инвентарях классическая для феодализма формула: «Одно зерно на отсев, второе — на потребление владельца, а третье — на продажу», что означало бы урожай «сам-3»[40]. Условность такого расчета совершенно очевидна хотя бы потому, что он повторяется в неизменном виде на протяжении полутора столетий для различных имений, разных культур и географических районов. В. Куля и А. Жабко-Потопович считают, что применявшаяся в договорных расчетах формула «сам-3» не отражает действительного положе-

---

[39] См. H. Łowmiański. Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach (do r. 1795). Wilno, 1935, str. 70; A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII, str. 75, 139, 140; В. Мякотин. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. СПб., 1889, стр. 75; М. Доўнар-Запольскi. Сацыяльнаэкономiчная структура Лiтоўска-Беларускае дзяржавы ў XVI—XVIII сталецьцях, стар. 13; Д. Л. Похилевич. Наймана праця в сiльському господарствi Бiлорусiї та Литви, стар. 107; Е. П. Шлоссберг. Фольварочно-барщинное хозяйство и движение феодальной ренты в Белоруссии в XVII—XVIII вв., стр. 220.

[40] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8430, л. 17.

ния[41]. Несостоятельность таких оценок подтверждают хозяйственные книги[42].

В основу нашего исследования были положены данные источников о фактических посевах, сборах и умолотах зерна (амбарные книги магнатских фольварков, отчеты экономов, акты ревизий). По некоторым владениям такие сведения сохранились за длительные периоды, иногда на протяжении более ста лет, почти без перерывов (например, по Несвижу). По другим — эти сведения есть не за все годы. Поэтому в одних случаях средние арифметические выводились за целый ряд лет, а в других — имеющиеся данные приводились по отдельным годам. Последние сведения, конечно, менее ценны, но в совокупности с другими и они способствуют определению эволюции урожайности. Подсчеты урожайности произведены в «самах» по всем важнейшим культурам в 22 латифундиях, включавших 106 магнатских имений (табл. 4). Для большей наглядности в таблице отражена урожайность только важнейшей культуры — озимой ржи.

Как явствует из приведенных данных, средняя урожайность по 16 латифундиям в последней четверти XVIII в. составляла «сам-6,15». Различия в урожайности между отдельными латифундиями объяснялись не только природными условиями (например, Друя располагается на северо-западе, где каменисто-песчаные почвы), но и экономическими: в Несвиже хозяйство было подорвано, Молодечно же разорял опекун владельца. Таблица раскрывает изменения урожайности за период, превышающий полтора столетия. В XVII — первой половине XVIII в. урожаи были низкие («сам-1,5» — «сам-3,1»). В третьей четверти XVIII в. в 5 из 8 латифундий они возросли. И наконец, в последней четверти XVIII в. наблюдается весьма значительный рост урожайности — более чем в два раза по сопоставимым объектам.

[41] См. W. Kula. Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963, str. 127, 128; A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII, str. 138.

[42] Так, во владении Чернавчицы урожайность озимой ржи, по предположениям администрации, должна была составлять за 1780—1794 гг. «сам-6,9», в действительности же получено по фактическим умолотам «сам-7,4» (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9390, лл. 7—11).

Аналогично изменялась и урожайность остальных культур.

Более подробные данные о динамике урожайности в магнатских поместьях по культурам в отдельности содержатся в нашем исследовании, опубликованном ранее. Там же произведено исчисление общей динамики урожайности всех культур с помощью показателей, взвешенных пропорционально доле каждой культуры в общей массе посевов [43].

Попытаемся теперь сопоставить наши данные со сведениями об урожайности в поместьях Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. до периода войн и разорения. К сожалению, соответствующего полного исследования в исторической литературе нет, а приводятся лишь отдельные сведения. Так, по данным Г. Ловмянского и Е. Охманского, урожайность в XVI в. составляла «сам-3», а, согласно расчетам С. Касперчака, исчислившего фактический урожай в нескольких фольварках Белоруссии конца XVI — начала XVII в., средний урожай озимой ржи был равен «сам-2,6» [44]. По данным В. И. Мелешко, в первой половине XVII в. урожай ржи в местности, прилегающей к Могилеву (правда, это уже другая часть Белоруссии, восточная), составлял «сам-2,5», ячменя — «сам-3,7», овса — «сам-1,8» [45]. Низкой была урожайность и в радзивилловских имениях. В Новом Дворе, возле Слуцка, в 1633 г. урожайность озимой ржи равнялась «сам-1,3», ржи яровой — «сам-3,2». Только ячмень давал высокие урожаи. Немногим выше показатели по Клецку за 1645 г.— озимая рожь составляла «сам-2,7» [46].

---

[43] См. П. Г. Козловский. Динамика урожайности и посевных площадей, изменения структуры посевов в крупных поместьях Белоруссии в XVIII—первой половине XIX в., стр. 349—365.

[44] См. H. Łowmiański. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego, t. 1. Wilno, 1931, str. 223, 224; J. Ochmański. W kwestii agrarnego charakteru miast Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI w. Studia Historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego. Poznań, 1959, str. 291; S. Kasperczak. Rozwój gospodarki folwarcznej na Litwie i Białorusi do połowy XVI wieku. Poznań, 1965, str. 152.

[45] См. В. И. Мелешко. Социально-экономическое развитие и политическая жизнь Могилева в XVI—первой половине XVII в. Кандидатская диссертация, стр. 226, 227.

[46] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1913, л. 116; д. 7383, лл. 3—16.

Таким образом, урожайность второй половины XVIII в. по изучаемым объектам значительно превысила уровень XVI — первой половины XVII в. Отсюда следует, что ее рост в рассматриваемый нами период означал не восстановление земледелия до какого-то ранее существовавшего уровня, характерного для начала фольварочно-барщинной системы, а представлял собой новый этап ее развития.

До сих пор мы имели дело с отдельными владениями. Фискальные документы конца XVIII в. позволяют получить некоторые данные об урожайности уже не по отдельным объектам, а по сплошным территориям. Такие сведения содержатся в показаниях землевладельцев поветовым комиссиям о доходах с их хозяйства, зафиксированных в реестрах «добровольного налога 10-го гроша». Облагался чистый доход, а расходы (такие, как плата администрации, наем и др.) разрешалось высчитывать. Вычет производился путем занижения дохода до «2 зерен» урожая (подробнее об этом см. в § 5, гл. III). Отсюда следует, что фактический урожай расценивался по крайней мере в «сам-4» («одно зерно» на семена, одно — на покрытие всех расходов землевладельца и два — в доход) [47]. Если учесть чрезмерные опасения подорвать высоким налогом благосостояние шляхты, высказанные в самом законе и в протоколах налоговых комиссий, а также жалобы комиссий на особую неурожайность земель своего повета, станет очевидным, что оценка урожая в «сам-4» была весьма умеренной, относилась не к передовым хозяйствам, а скорее к тем, которые находились на среднем и ниже среднего уровня. Таким образом, наши расчеты по урожайности в магнатском хозяйстве подкрепляются данными общегосударственных оценок.

Знаменательно, что на территориях, соседних с изучаемой нами, на которых существовала кое-какая сельскохозяйственная статистика, в 80—90-е годы XVIII в. были получены показатели урожайности, близкие к нашим. В восточной Белоруссии и Московской губернии они составляли для помещичьих и крестьянских хозяйств,

---

[47] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 2830, л. 2; д. 2032/II, л. 1; д. 2833, л. 2; д. 2837, л. 1.

вместе взятых, по ржи «сам-3,5», в Рижской — «сам-4,5», Ревельской — «сам-5,5»[48].

3. ЖИВОТНОВОДСТВО

Развитие поместного животноводства в Белоруссии XVIII в. систематически не исследовалось, а суждения историков о нем противоречивы. Магнатское животноводство мы изучали по источникам, почерпнутым из фамильных фондов, которые позволили получить ряд сопоставимых данных по одним и тем же поместьям за разные годы.

Динамика численности скота отражена в табл. 5. В нее включены данные об общей численности поголовья без подразделения по возрасту и породности. Из-за неполных сведений о лошадях данные о них в таблицу не включались. Как видно из таблицы, поголовье скота в магнатских поместьях на протяжении второй половины XVIII в. повсеместно возрастало. Обращают на себя внимание высокие темпы роста, особенно в последнем десятилетии XVIII в. Так, в Клецком княжестве с 1790 по 1799 г. численность скота увеличилась почти наполовину, в Давид-Городке за 4 года того же десятилетия — на одну треть, в Высоком за 3 года — на четверть, а в Богуславцах за 4 года — более чем на две трети. Резкое сокращение поголовья скота в Давид-Городке в 1748 г. было вызвано эпизоотией, повлекшей падеж почти всего скота в этом имении. Возможно, и в Чернавчицах имело место аналогичное явление, последствия которого ликвидировались в третьей четверти столетия. Что касается мелкого скота — овец, коз, свиней, то он играл меньшую роль в магнатском животноводстве и в некоторых документах либо вовсе не упоминался, либо сведения о нем отсутствуют.

Таким образом, приведенные данные позволяют сделать вывод, что поместное животноводство в изучаемый период отнюдь не находилось в состоянии упадка, а, напротив, развивалось. Конечно, темпы роста, исчисленные по нашим источникам, не следует распространять на все поместья. Безусловно, больший рост давали поместья магнатов, обладавших необходимыми средствами.

---

[48] См. Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 356.

Рассмотрим уровень магнатского животноводства во второй половине XVIII в. в статическом плане. Для этого мы располагаем материалом по 106 имениям 25 владений (табл. 6). Поскольку эти владения были разной величины, возникли трудности при сопоставлении абсолютных цифр поголовья разных видов скота. Поэтому нами избран общий единый критерий: соотношение между численностью скота и площадью поместной запашки.

Разные виды скота пересчитаны в крупный рогатый скот. К одной голове крупного рогатого скота приравнено 10 овец или 4 свиньи [49]. Введен дополнительный показатель — количество голов скота на 10 моргов (7 га) пахоты. Таким образом, средний уровень обеспечения скотом составил 2,7 [50]. Анализ обеспеченности скотом отдельных владений позволяет выявить определенные закономерности.

Прежде всего выявляется различие между географическими зонами. Наиболее высокие показатели по скоту у владений, расположенных в Белорусском Полесье (Давид-Городок, Смядынь, Манкевичи, Лахва) и на северо-западной окраине (Друя). Как видно из таблицы, они располагали небольшими площадями пахоты (преимущественно до 200 моргов на имение). Есть основание считать, что в названных двух зонах Белоруссии животноводство имело больший удельный вес, чем в других. Этому благоприятствовали природные и экономические условия: моренный ландшафт с обилием лугов, близость к рижскому рынку на Браславщине и пойменные луга на Полесье. Вторая закономерность раскрывается при сопоставлении данных табл. 6, 3 и 4. Больше скота держали в поместьях с наиболее развитым зерновым производством (владения Высокое Сапег, Каменка и Поставы Антония Тизенгауза, Клецк Юзефа и Чернавчицы Михаила-Иеронима Радзивиллов). Овцеводство особенно было развито в Фарберкове, владении Карла Радзивилла.

Во второй половине XVIII в. стремление к увеличению численности скота отмечается во всех магнатских

---

[49] См. Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 190.

[50] Этот показатель выведен из средних по отдельным объектам, причем снято по два минимальных и максимальных показателя, дававших резкие отклонения.

владениях. Не довольствуясь выращиванием своего скота, магнаты дополнительно закупали его на местном рынке и за пределами Белоруссии (Друя, Сухличи, Раков, Налибоки, Давид-Городок, Манкевичи)[51].

С целью улучшения поголовья систематически производилась выбраковка скота. Инструкция по Несвижу предписывала экономам худший рогатый скот использовать на мясо, продавать или выменивать, а вместо него приобретать лучший (1790 г.). Регулярно производили выбраковку и продажу яловых коров в Давид-Городке, Друе. Экономы имений, входивших в состав Ружанского графства, в ноябре составляли реестры скота, непригодного для воспроизводства и для молочного хозяйства. В Деречине устраивали особый торг для продажи выбракованного и покупки лучшего скота[52].

Наиболее развитые хозяйства ввозили породистый скот из-за границы. С 40-х годов XVIII в. в источниках отмечается породистый рогатый скот в отдельных магнатских поместьях. В Черлену Сапег (1746 г.) было доставлено 47 голов голландского скота, в Чернавчицах все поголовье, хотя и небольшое (63 головы), состояло из породистых животных (1749 г.). К 60 — 80-м годам XVIII в. породистый скот стали разводить и в других магнатских владениях, но численность его была еще невелика[53].

Породистый скот в белорусском поместье можно разделить на две основные группы. В первую входил скот, ввезенный с юга. Это был серый степной украинский скот, наиболее пригодный как тягловая сила, хорошо поддающийся мясному откорму. Источники употребляют для его обозначения термин «бойковский» скот[54]. Кроме того, с юга завозили изредка другой вид рогатого скота — буйволов. Их было в Несвиже 11 и в Залесье 9. Вторая группа крупного рогатого скота доставлялась из западноевропейских стран. Это был скот голландской и

---

[51] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 170, 224, 238; д. 5704, л. 116; д. 8067, л. 97; оп. 3, д. 53, л. 137; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, л. 42; ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 30.

[52] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 167; д. 9102, л. 57; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, л. 43; д. 1341, л. 27; д. 1514, л. 20.

[53] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9374, лл. 12—48; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1901, л. 1.

[54] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 41—123; дд. 3991—4002; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1514, л. 46.

голштинской пород (Погост — 123 головы, Белица — 89, Делятичи — 86, Поставы — 76, Негневичи — 67, Несвиж — 44). Голландская порода включала в себя и остфризскую, отличавшуюся молочностью. Голштинская порода, также молочная, видимо, была близка к датской и получила очень хорошую характеристику современников [55].

С 30-х годов XVIII в. в Белоруссии начинают разводить тонкорунных овец. Первые мериносы появились (не считая спорадической закупки их в XVII в.) около 1731 г. в имениях Несвижского княжества Радзивиллов. Хронологически это совпадает с основанием Несвижской суконной мануфактуры [56]. С возникновением суконной и гобеленовой мануфактуры в Кореличах там также стали разводить тонкорунных овец (1747 г.), численность которых за 10 лет выросла в четыре раза и составила более 2 тыс. голов. Наличие испанских мериносов отмечается в 90-е годы XVIII в. в Фарберкове (459 голов) и других имениях Несвижского княжества. Тогда же в этих имениях появились и английские овцы [57]. Таким образом, в Несвиже разведение чистопородных мериносов началось ранее, чем во владениях ординации Замойских в Польше [58].

В белорусских источниках встречается термин «великопольские» овцы. Уточняя значение этого термина, необходимо учесть, что в начале XVIII в. испанские мериносы впервые появились за пределами этой страны, во Франции и в Германии. Здесь, прежде всего в Саксонии и Силезии, из них (частично путем скрещивания с местными овцами) была выведена улучшенная порода «электорал». Оттуда эта порода овец доставлялась в Белоруссию через Познанскую область (иначе Великую Польшу) [59]. Отсюда понятно, почему в самой Польше

---

[55] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5060, л. 4; д. 5898, лл. 4, 14, 15; д. 6423, л. 159; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 41—123; AGAD, AR, XXV, s. 190, k. 5.

[56] AGAD, AR, XXV, s. 2672/2, k. 1—68; s. 2677/I, k. 1—52.

[57] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3602, лл. 1—14; д. 3606, лл. 3—25.

[58] J. Bartyś. Hodowla owiec rasowych w dobrach ordynacji zamojskiej w pierwszej połowie XIX w. Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego, t. II. Wrocław, 1959, str. 476.

[59] См. В. Х. Фрибе. Руководство к усовершенствованию в России овцеводства. СПб., 1808, стр. 12—51; Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 199.

отсутствовал термин «великопольская» овца. Их там называли саксонскими. Они представляли собой метизированную разновидность мериносов. Инструкции магнатов второй половины XVIII в. уделяли много внимания разведению скота и уходу за ним[60]. Как правило, молодняк содержали отдельно от взрослого скота, причем раздельно телок и бычков. Так, во владении Потоцкого Россь (Волковысский повет) в 1761 г. бычки находились в фольварке «Боблово», а телки — в «Новоселках». Инструкция по владению Радзивиллов Негневичи (1761 г.) предписывала держать бычков в имении «Боратино», а телок — в «Делятичах». Только по истечении четырех лет скот возвращали в материнское стадо. Такие мероприятия должны были воспрепятствовать мельчанию скота. Раздельное содержание разнополого молодняка отмечается во многих поместьях[61].

За отелом следили очень внимательно. В некоторых крупных владениях велись «метрики» отела коров по специальной форме. В них отмечались дата отела, масть и пол новорожденного животного. Инструкции требовали, чтобы в период отела коров пастухи постоянно дежурили в коровниках. Годовой приплод зависел от численности в стаде продуктивного скота. Чаще всего он был равен 1/4 стада. Так, в имениях Тимковичского графства в 1793/94 г. приплод составил 261 голову на 1149 голов взрослого скота, т. е. 23%. В Клецком княжестве в 1786 г. на 534 головы взрослого скота приходилось 26% телят.

Следует отметить, что выделение из стада стельных коров, уход за ними, раздельное содержание молодняка разного пола — это были требования сельскохозяйственной науки второй половины XVIII в. В последнем можно убедиться при чтении книги В. Кукольника, обобщившего агрономические и зоотехнические знания, а также передовой опыт этого периода[62]. В ней он ссылался на некоторые работы западноевропейских авторов и на труды Вольного Экономического общества за 1766—

---

[60] РОБВУ, ф. 4 А, д. 4539, л. 7; д. 1341, л. 55; д. 1514, л. 45.

[61] «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 410, 411; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5898, л. 10; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 406, лл. 5—59.

[62] См. В. Кукольник. Начальные основания сельского домоводства. СПб., 1810, стр. 242.

1803 гг. Несомненно, что часть этих работ была известна магнатам. В более поздний период аналогичные рекомендации высказывал в своих работах Н. Н. Муравьев, член Московского общества сельского хозяйства и почетный член Белорусского Вольного Экономического общества [63].

Содержание породистого скота было связано с определенными трудностями. В инструкциях магнатов администраторам поместий содержатся многочисленные указания о создании лучших условий содержания и кормления голландского скота. Для него строили отдельные помещения [64]. Характерно, что такого рода указаний нет в отношении украинского скота. Эта порода была выносливее и лучше приспосабливалась к условиям Белоруссии.

Во второй половине XVIII в. в Западной Европе местами уже применялось круглогодичное стойловое содержание скота. Однако ни в одном белорусском поместье подобная система не практиковалась. Крупный рогатый скот полгода находился на подножном корму. Из такого расчета исходит инструкция Тизенгауза о кормах. Это соответствует и современным нормативам, предусматривающим в среднем по Белоруссии пастбищный период протяженностью 163 дня [65].

В первой половине XVIII в., когда скота было мало, пастбища на территории Белоруссии имелись в изобилии. Поэтому княгиня Радзивилл в упоминавшейся уже инструкции 1722 г. предписывала увеличить в имениях поголовье скота. Однако уже во второй половине столетия картина меняется. В районах развитого зернового хозяйства площадь пастбищ заметно сократилась. Ухудшилось их качество. Пасти стали больше на парах и в кустарниках. Ограниченность кормовых угодий послужила толчком для их удобрения, проведения мелиоративных работ, для начала травосеяния. Изменилась и оценка экономического значения кормовых угодий. Если в первой половине столетия владельцы охотно сдавали луга на покос крестьянам, то во второй его половине появились строгие предписания никому их не сдавать (Несвиж,

---

[63] См. Н. Н. Муравьев. Наставление о приведении в порядок управления скотными дворами. М., 1830, стр. 31, 41, 47, 48, 74.

[64] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 58.

[65] Справочник животновода. Минск, 1963, стр. 35.

1790 г.). «Сенокосы скашивать на фольварк до последнего морга» (Россь, 1796 г.) [66].

Рост поголовья поместного скота обусловил стремление магнатов наиболее рационально использовать пастбища. Так, согласно инструкции Потоцкого для владения Россь (1761 г.), пастбище «на пару или где бы оно ни находилось» с весны должно было разгораживаться жердями на участки. На таком участке надлежало пасти скот, пока он не выест всю траву, а затем переносить изгородь на другой участок [67]. Как известно, система загонной пастьбы скота рекомендуется и современной сельскохозяйственной наукой.

Другим методом рационального использования кормовой базы была отгонная система пастбищ и сезонная переброска скота из одних имений в другие. Разумеется, эту систему могли применять только магнаты и то во владениях с собственным центральным управлением. Так, в мае 1794 г. управитель Деречинского графства Сапег составил разнарядку для экономов всех имений о гуртовке скота по возрастам и об отгоне сгруппированных стад на отведенные им в разных местах летние пастбища. Аналогичный перегон скота производился в Клецком княжестве Радзивиллов. Согласно реестра от 22 мая 1780 г., из семи имений княжества («Радзивилмонты», «Мостviловичи», «Ахримовичи», «Островчицы», «Сухличи», «Цепра», «Малево») 80 голов крупного рогатого скота было отогнано в восьмое — «Усово». С наступлением осени скот вновь распределялся по имениям. 10 ноября 1793 г. в Деречине была составлена соответствующая разнарядка на зимовку 100 голов скота в этом имении. 29 сентября 1791 г. Антоний Радзивилл писал управляющему во владении Манкевичи, что туда направлен на зимовку гурт скота из Клецка (расстояние составляло около 200 км). Постоянная кооперация в животноводстве существовала между Клецким княжеством и владением Давид-Городок. Последнее обладало достаточным количеством сена, что объясняется природными условиями, но испытывало трудности со сбытом фольварочной продукции в связи с отдаленностью от больших городов и экс-

[66] «Instrukcje gospodarczę...», t. 1, str. 452; ЛНБ Ро, ф. Оссолинских, д. 5182/III, л. 108; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9102, л. 50, оп. 3, д. 4, л. 2.

[67] «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 411.

портных магистралей. Поэтому здесь производились откорм на мясо и передержка зимой крупного рогатого скота из других владений Радзивиллов. Источники сообщают о ежегодном поступлении в Давид-Городок сотен голов скота из Клецкого княжества, Погоста, «литовских» имений (1787, 1791, 1792, 1793 гг. и др.). Весной скот отгонялся обратно [68].

С наступлением холодов скот переводили на стойловое содержание. Его кормили сеном, соломой, зерновыми отходами, а также отходами от винокурения. Дойные коровы находились на особом кормовом режиме. Летом им добавляли крапиву и сорняки, что должно было увеличить надой молока. В некоторых имениях коровам давали перед доением траву, запаренную кипятком. В инструкциях были тщательно разработаны кормовые рационы сена, яровой и ржаной соломы для всех видов домашнего скота с подразделением на возрастные группы. При откорме брагой полагался меньший рацион грубых кормов. Голландскому скоту и быкам-производителям давали дополнительно мякину, различные зерновые отходы, рубленую пареную репу. Овец летом пасли на парах. Зимой рекомендовалось кормить их сеном, соломой, иногда добавлять гороховую или бобовую сушеную зелень, отруби, овес, высушенные ветки ивы или березы [69].

Повсеместно первоочередное значение придавалось откорму скота брагой при винокурнях. При этих предприятиях сооружались воловники и свинарники, в которые ставили скот на откорм. Для откорма вола на протяжении шести месяцев в соответствии с инструкцией Христины Сапега (Брестское воеводство) требовались шесть возов сена, «сечка», запаренная брагой или кипятком, и зерновые отходы. К концу периода откорма добавлялось зерно [70].

[68] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 42, 205, 261, 262, 328, 420; д. 4986, л. 44; оп. 3, д. 53, л. 209; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 25, 55.

[69] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 25, 34, 55, 80; д. 4539, л. 7; S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 107, 195; «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 411, 447; J. Bergerówna. Księżna Pani na Kocku i Siemiatyczach. Lwów, 1936, str. 104, 105, 111, 112.

[70] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 170, 224, 238, 270, 310, 328; д. 4532, л. 3; д. 4665, лл. 4, 5; д. 5704, л. 116; **РОБВУ, ф. 4 А,** д. 1275, л. 43; д. 1341, л. 27; РОБАН, ф. SK ед. хр. 4085; «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 406.

Таким образом, можно сделать вывод, что магнаты западной и центральной Белоруссии во второй половине XVIII в. разводили скот не только ради удобрений, но были также заинтересованы в получении мясной и молочной продукции. О продуктивности молочного животноводства говорится во многих источниках. В несвижских имениях Радзивиллов выход молочной продукции от коровы в год составлял «фаску» (бочонок) масла и копу сыров. В Поставах Тизенгауза и в Деречине Сапег, хотя эти владения расположены в сотнях километров от Несвижа, в различных экономико-географических зонах, была такая же норма. Полную меру продукции эконом сдавал с коров, отелившихся в период с Нового года до Иванова дня (24 июня). С коров, отелившихся после этой даты, и с первотелок молочной продукции причиталось вдвое меньше. «Фаска» была объемной мерой, равной 6, а иногда 5 гарнцам [71].

Повсеместное применение в инструкциях и расчетах одного и того же норматива выхода молочной продукции свидетельствует о том, что это не фактический выход, а лишь условная договорная величина. Что же касается фактических надоев, то учета их либо никто не вел, либо сведения не сохранились до наших дней. Однако польский историк Б. Барановский, изучавший разведение крупного рогатого скота в XVII и XVIII вв. на территории Куявской земли (Польша), находит, что «фаска» близка к действительному выходу, т. е. составляла 5—6 гарнцев, или 23 килограмма масла. А весь надой от коровы был равен примерно 720 л молока [72].

Что же представляла собой молочная продукция? Как видно из источников, масло изготовлялось соленое. На посол «фаски» масла определялось полгарнца соли. Сыры вялили и тоже солили. Встречаются упоминания о клинковой форме сыров [73].

Не весь молодняк предназначался для молочного производства или на откорм. Часть волов выращивалась

---

[71] ЦГИА БССР, ф. 694. оп. 2, д. 9102, л. 57; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 387, л. 3; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, л. 44.

[72] B. Baranowski. Chów bydła w drugiej połowie XVII i w XVIII wieku w Łęczyckiem i na terenach sąsiednich. Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego, t. 1, str. 225, 226.

[73] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9014, л. 192; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 364, лл. 1—12.

как тягловая сила. В конце XVII и первой половине XVIII в. рабочие волы, выращенные или закупленные магнатами, раздавались во временное пользование или продавались в кредит своим же крестьянам. Такая раздача происходила и во второй половине XVIII в. Например, во владении Огинских Молодечно, насчитывавшем 10 имений, в 1783 г. было роздано крестьянам 65 рабочих волов [74].

Однако в источниках второй половины XVIII в. все чаще встречается упоминание о содержании рабочего скота в поместном хозяйстве. В Высоком в 1797 г. на господской пашне работало 58 рабочих волов, в Радзивилмонтах — 12 «плужных волов» [75]. Обзаведение своим рабочим скотом означало отход от одной из основных черт феодального поместья — обработки пашни крестьянами с помощью их же орудий и скота. Оно было обусловлено изменениями, происходившими в магнатском поместье.

К овцеводству в белорусских поместьях относится многое из того, что было сказано при рассмотрении разведения крупного рогатого скота. Овец таким же образом гуртовали и перегоняли на летние пастбища; отводили места для зимовок. В Деречинском графстве английских овец пасли отдельно от местных и содержали в других имениях. Ягнят отделяли от взрослой отары в июле. Хотя овцы давали мясо, шкуры и сыр, основной их продукцией была шерсть. Стрижка производилась дважды в год — в мае и сентябре. Настриг с великопольской взрослой овцы составлял около фунта шерсти, местные овцы давали более фунта. Перед стрижкой овец мыли. Небольшой по весу настриг шерсти с великопольских овец соответствовал нормам получения шерсти от мериносов породы «электорал» (саксонской) [76].

Наряду с овцами иногда разводили коз, но эти животные не имели большого экономического значения для поместья.

---

[74] АВАК, т. XXXV, стр. 226, 227; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3506, л. 42; РОБАН, ф. 17, ед. хр. 138.

[75] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6683, л. 11; РОБВУ, ф. 4 А, д. 2010, л. 5.

[76] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3602, л. 8; д. 3606, л. 31; д. 5001, л. 11; ф. 1324, оп. 1, д. 105, л. 70; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 21, 25, 34, 55, 80; д. 1514, лл. 2, 33, 48.

Одной из старейших отраслей сельского хозяйства Белоруссии было свиноводство. Во второй половине XVIII в. в каждом поместье разводили свиней. В инструкциях и распоряжениях магнатов свиноводству уделялось большое внимание. Постоянно велся учет приплода. Считалось, что свиноматка должна давать в год четырех поросят. Это, конечно, не биологическая норма, а чисто расчетная, причем, видимо, минимальная. Породу улучшали в основном путем скрещивания закупленных высокопородных хряков с местными свиньями. Реже встречаются стада породистых животных (голландских). В отдельных имениях пытались акклиматизировать японскую породу свиней. Для откорма 5—7-летнего кабана в соответствии с инструкцией Радзивиллов (1790 г.) расходовалось по полбочки ржи и ячменя, по четверти бочки овса и гречихи, всего зерна в переводе на современный вес — 360 кг. Выход продукции должен был составлять: 2 пласта сала по 50 фунтов, 40 фунтов внутреннего жира, 40 колбас по поллоктя, 4 окорока. Для откорма годовалого животного отпускалось 6 осьмин зерна. Вид кормов зависел от местных условий. В поместьях Огинских (Залесье и др.) ржи не отпускали. Расходовали шесть осьмин ячменя, овса и гречихи, но добавляли брагу [77].

Составной частью многих магнатских хозяйств, выделенной в самостоятельно управляемую отрасль, было коневодство. Конные заводы размещались в различных районах Белоруссии. У Карла Радзивилла — в Негневичах, Кореличах, Липично, у Михаила Радзивилла — в Тимковичах, Смядыне, у Сапег — в Высоком, Деречине, Ружанах, у Франциска Огинского — в Молодечно, Залесье, у Антония Тизенгауза — в Каменке и др. [78] На отдельных заводах насчитывалось от нескольких десятков до полутора сотен племенных жеребцов и кобылиц.

Пастьба, кормление и уход за лошадьми регламентировались в магнатских поместьях не менее тщатель-

---

[77] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 224; д. 5705, л. 22; д. 9007, лл. 2, 7; д. 9014, лл. 192, 193; д. 9102, л. 57; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2115, л. 5; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 59; д. 1514, л. 5.

[78] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4356, л. 7; д. 5858, л. 5; д. 8267, л. 7; д. 8450, л. 3; оп. 3, д. 4, лл. 4, 5; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2198, лл. 1—25; д. 3736, л. 4; ф. ДА, д. 3991, л. 5; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 25; д. 1514, л. 20; д. 2010, л. 5; РОБАН, ф. 17, д. 137.

но, чем уход за рогатым скотом. По инструкции Антония Тизенгауза, на одну лошадь в семимесячный стойловый период расходовалось в сутки по 3 гарнца овса, 3 гарнца сечки, 15 фунтов сена и 8 фунтов соломы на подстилку. У Сапег на одну лошадь давали 2 гарнца овса в сутки. Жеребцов в корме ограничивали, усиленно кормили жеребят. В документах отмечается, что, кроме племенных табунов, в конюшнях магнатов имелись выездные лошади; они нами не учитывались. Во второй половине XVIII в. в поместьях появляются рабочие лошади. В Несвиже, Ружанах и Деречине на них выполняются некоторые полевые работы [79].

Ремонт и сооружение конюшен, коровников, хлевов — предмет постоянной заботы магнатов. Антоний Радзивилл предупреждал управляющего владением Манкевичи, чтобы он заранее подготовил для перегоняемого сюда скота утепленные коровники (1791 г.). Управитель Сапеги в Ружанах обязывал экономов утеплять на зиму все коровники (1789 г.). Инструкции требовали, чтобы бревенчатые стены коровника проконопачивались мхом, нижние их венцы снаружи присыпались землей, внутри настилались потолки, сооружались ясли и решетки, а через середину коровника проходил сток, выходящий наружу в отстойник. В помещении для телят рекомендовалось устанавливать корыта и менять в них дважды в день воду, зимой проветривать. Помещения для скота ежедневно должны были выметаться. Сток следовало посыпать песком, менять подстилку. Внутри коровников предлагалось сооружать стойла, отдельные для каждого животного. Для голландского скота настилались полы [80].

Если бы все требования инструкций выполнялись, то скотные дворы магнатов Белоруссии уже во второй половине XVIII в. достигли бы того уровня, какой рекомендовал Н. Н. Муравьев для образцовых скотных дворов в первой половине XIX в. [81] Несомненно, часть предлагаемых усовершенствований осуществлялась. Од-

---

[79] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5060, лл. 1—4; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 25, 31, 52, 62; д. 3947, л. 22; S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 195.

[80] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, л. 209; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 4, д. 1514, лл. 17, 23, 24, 293; «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 484.

[81] См. Н. Н. Муравьев. Наставление о приведении в порядок управления скотным двором, стр. 1—120.

нако даже в лучших поместьях далеко не все инструкции выполнялись. Управитель Ружанского графства 29 ноября 1789 г. с возмущением писал, что его распоряжение о ремонте и утеплении коровников, данное четыре недели тому назад, не выполнено экономами. А в имении «Полонном» эконом, увлекшись охотой на тетеревов, совсем запустил скотный двор: крыша прогнила, стены покосились, ворота дырявые. В Деречинском графстве не выполнялись указания об оборудовании телятников и уходе за телятами [82].

Подлинным бедствием для животноводства были эпизоотии. Массовый мор скота в 1744 г. охватил почти все земли Речи Посполитой, в том числе и изучаемую нами территорию. В 1752 г. падеж скота отмечен в Мире, в 1794 г. — в Тимковичах, в 1781 г. — в Залесье и Прудах. В Давид-Городке эпизоотии вспыхивали в 1767, 1771, 1785 гг. С целью профилактики против болезней скот предписывалось чистить утром и вечером щетками, не пасти овец в сырых местах и не выгонять их весной и осенью слишком рано. Мериносов поили лекарством, содержащим водку и соль. Соль давали крупному рогатому скоту. При вспышках эпизоотии запрещалось появляться со скотом на базарах. Рекомендовалось жечь костры и производить обкуривание [83].

Однако эффективность этих мер была ограничена, так как слабость административного аппарата Речи Посполитой не давала возможности организовать строгий карантин.

4. ДРУГИЕ ОТРАСЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Во владениях магнатов существовали и другие отрасли растениеводства и животноводства, имевшие самостоятельное экономическое значение.

Огородничество — старейшая отрасль сельскохозяйственного производства. Во второй половине XVIII в. наметились две противоположные тенденции в фольва-

[82] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 4; д. 1514, лл. 23, 24.

[83] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3606, л. 32; д. 5898, л. 10; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 30, 68; д. 4539, л. 7; S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 31, 51, 72, 88, 89, 90, 106, 107, 111, 272; «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 403, 410, 411, 453; A. Żabko-Potopowicz. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII, str. 161.

рочном огородничестве. В одних инструкциях (Михаила-Казимира Радзивилла 1760 г., Франциска Сапеги 1794 г.) рекомендовалось ограничить площади под огородами в пользу более товарных полевых культур. Но одновременно предлагалось лучше возделывать огороды, чтобы с меньшей площади получить больший урожай. В других случаях предлагалось расширять огородные посевы, чтобы повысить денежный доход с огородов (Антоний Радзивилл, 1792—1798 гг.). Мотивы этих предписаний обусловлены ростом товарности поместного хозяйства. Значительная часть огородной продукции поступала на базары городов и местечек. Так, из владения Юзефа Радзивилла Давид-Городок в 1776—1780 гг. было вывезено и продано более половины всех выращенных овощей и от 60 до 98% всех семян огородных культур [84].

Заметно обогатился состав огородных культур. В XVII в. он был очень беден: свекла, капуста, морковь, лук, огурцы, петрушка. К середине XVIII в. в огородах выращивали еще и чеснок, пастернак, мак. С 60—90-х годов добавляются брюква, порей, сельдерей, шпинат, фасоль, клубника, кольраби. Новые культуры появляются в огородах центральных усадеб латифундий. Это, видимо, связано с возросшими потребностями магнатской кухни [85].

К числу наиболее товарных видов огородных культур относились анис, применявшийся в винокурении, мак, а также лук и чеснок, которые пользовались спросом в корчмах.

С 80-х годов XVIII в. в огородах некоторых магнатских владений (Поставы, Бытень, Ружаны, Высокое, Деречин и др.) и у отдельных средних владельцев появился картофель. В инструкции, изданной для владений князей Радзивиллов, предписывалось внедрять посевы картофеля в деревнях, поскольку «картофель в неурожайные годы часто спасает от голода бедных людей». Эконому, в чьем ведении находилась деревня, в которой

---

[84] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 222, 223; оп. 3, д. 47, л. 17; д. 53, лл. 115, 118, 165, 245; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 49.

[85] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, л. 7; д. 11529, л. 10; ф. 1177, оп. 1, д. 2058, л. 5; д. 3506, лл. 16—31; ф. 1274, оп. 1, д. 36, лл. 4, 5; AGAD, AR, XXV, s. 118, k. 8; s. 190, k. 5; s. 774, k. 3; s. 823, k. 2; s. 904, k. 1; s. 1396, k. 4—5; s. 1436, k. 9; s. 1446, k. 6; s. 1812, k. 1; s. 2565, k. 5; s. 2675/2, k. 6; s. 3178, k. 6; s. 3704/1, k. 6.

получен наибольший урожай, выдавалась премия в размере 50 злотых, а крестьянину, вырастившему картофель,— 20 злотых. Огороды сыграли роль промежуточной базы для интродукции картофеля и перевода его на поля [86].

В этот период в магнатских поместьях Белоруссии начинает применяться парниково-тепличная система. Парники сооружались лишь в огородах центральных усадеб, притом только у крупнейших латифундистов. Мы их находим у Радзивиллов, Сапег, Тизенгауза, Огинских (в Клецке, Деречине, Поставах, Ракове, Молодечно, Залесье) [87].

Огородной культурой был хмель, который выращивали все крупные и средние землевладельцы Белоруссии. Во второй половине XVIII в. в связи с ростом вотчинной винокуренно-пивоваренной промышленности площади, отводимые под эту культуру, быстро расширялись. Об этом свидетельствуют многочисленные документы по владениям Сапег и Радзивиллов [88]. Вместе с тем значительную часть хмеля феодалы получали от крестьян в виде натурального оброка.

Если обратить внимание на географическое расположение изученных объектов, станет очевидным, что огородничество больше всего было развито в поместьях, находившихся на юго-западе и в центре Белоруссии. Чем дальше к северо-востоку, тем оно было слабее. В крупной латифундии Огинского Тетерин на западном берегу р. Друти огороды лишь частично засевались овощами, а в основном здесь возделывали коноплю [89].

Садоводство, как и огородничество, возникло в Белоруссии задолго до XVIII в., однако ранее оно было слабо развито. В описаниях господских дворов XVII в. упоминания о садах встречаются крайне редко, крестьяне же их не разводили. Появление относительно крупных

---

[86] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, л. 75; ф. 1324, оп. 1, д. 78, л. 26; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, л. 7; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 49; д. 2010, л. 4; д. 3947, л. 28; АВАК, т. XXXVIII, стр. 254.

[87] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6683, л. 3; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 3—7; ф. 1177, оп. 1, д. 2058, л. 5; д. 3616, л. 21; ф. 1274, оп. 1, д. 36, лл. 28—30; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 20, 48.

[88] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, л. 19; д. 53, л. 118; ф. 1324, оп. 1, д. 44, л. 9; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2058, л. 5; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 22; д. 1514, л. 42.

[89] ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 36, лл. 4, 5.

фруктовых садов связано с дворцовым и парковым строительством, развернувшимся в Белоруссии так же, как и в России, особенно с середины XVIII в. Некоторые документы позволяют проследить эволюцию садоводства в поместьях с начала века. В Глубоком Ошмянского повета, вотчине князей Радзивиллов, в 1702 г. на огороде высадили и привили саженцы фруктовых деревьев. К 1761 г. на том месте уже раскинулся фруктовый сад, который в источнике назван «огромным». В имении «Селец» Лидского повета, также принадлежавшем Радзивиллам, в 1753 г. еще не упоминалось о фруктовом саде, а к 1790 г. он уже имелся. В первой половине столетия в магнатских латифундиях почти не было специалистов-садовников. Во второй половине века садовники числятся в постоянном штате наемных работников во всех центральных усадьбах крупных владений. Часто садовников приглашали из-за границы, но большинство составляли местные крестьяне [90].

С каждым годом становился разнообразнее состав плодовых насаждений. Еще в середине столетия в садах росли только яблони, груши и вишни. В 80-е годы в источниках упоминаются черешня, слива, смородина и крыжовник. Делаются попытки выращивать виноград. Фруктовый сад в Молодечно у Огинского насчитывал 66, а в фольварке «Блудово» того же графства — 102 дерева. В Молодечно находился питомник на 256 саженцев (1783 г.). У Тизенгауза в саду центральной усадьбы Поставского графства было в том же году 206 плодовых деревьев. Кроме того, сады имелись в 5 из 11 остальных фольварков этого владения. В Деречине насчитывалось 446 плодовых деревьев (89 яблонь, 107 груш, 85 слив, 25 черешен, персиковое и абрикосовое деревца). Там же высадили виноград над каналом и в парке. Для расширения сада было создано четыре питомника, в которых находилось 1880 саженцев. Пожалуй, наиболь-

---

[90] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, л. 1; д. 9374, л. 15; д. 9378, лл. 4, 5; д. 9384, лл. 188—201; д. 10816, л. 10; д. 10839, л. 10; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 351, л. 11; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 21, 22; ф. 459, оп. 1, д. 243, л. 8; ф. 1177, оп. 1, д. 2060, л. 8; д. 3577, лл. 6, 7; ф. 1274, оп. 1, д. 36, лл. 28, 30; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1292, лл. 3, 4; д. 1333, л. 10; д. 1341, л. 49; д. 1912, л. 45; д. 2010, л. 8; AGAD, AR, XXV, s. 1044, k. 3; s. 1047, k. 3; s. 3704/1, k. 6; s. 3708, k. 8.

шим из фруктовых садов в Белоруссии являлся сад в графстве Сапег Высокое (Брестский повет, 1794 г.). В нем имелось 736 деревьев и кусты винограда [91].

Однако такие богатые сады встречались лишь в самых крупных латифундиях. У средней шляхты были лишь небольшие сады.

Некоторые магнаты предпринимали попытки внедрения садоводства у крестьян. Радзивиллы через свою администрацию рекомендовали крестьянам высаживать возле жилищ дички, а затем прививать их. Они обещали денежные премии тем, кто вырастит фрукты. Сапеги предлагали обсаживать дичками и неплодовыми деревьями улицы сел и насыпные дороги. Но все полезные советы оставались благими пожеланиями, так как те же магнаты, которые их давали, усиливали феодальный гнет. Это тормозило развитие крестьянского хозяйства и препятствовало его отраслевому росту [92].

Параллельно с садоводством в Белоруссии развивалось дворцовое парковое строительство, на которое магнаты затрачивали огромные суммы. Так, для выполнения работ по планировке и разбивке парка в Молодечно Франциск Огинский нанял бригаду из ста землекопов, которым только в 1787 г. было выплачено около десяти тыс. злотых [93]. Парковое строительство, кроме архитектурно-художественного, имело некоторое хозяйственное значение. Внедрялись новые для Белоруссии виды деревьев (грабы, каштаны). В магнатских резиденциях строили оранжереи, в которых выращивались плодовые и декоративные деревья и кустарники, а также цветы. В кирпичном здании оранжереи в Высоком в 1794 г. росли лавры (32 дерева), фиговые деревья (41), тис (24), гранаты (22), испанский самшит (12), лимоны, апельсины, жасмин и цветы. Четыре кирпичные оранжереи были возведены в Деречине. В одной находились лавры, гранаты и цветы, во второй — преимущественно апельсиновые деревья, в третьей — ананасы, в четвертой — фиги (инжир). В резиденции Огинского в Молодечно садовники добились плодоношения апельсинов.

---

[91] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 3—7, 24—122; д. 11529, лл. 11, 12, 15, 102; д. 11778, лл. 6—8; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3506, лл. 13, 36.

[92] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, л. 75; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 22.

[93] ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3998, л. 5.

В Несвиже, Ивани, Кореличах также имелись оранжереи с цитрусовыми [94].

Магнаты извлекали доходы из тепличного хозяйства. Сапеги, которым принадлежали Высокое и Деречин, организовали в 80—90-е годы и вели на коммерческих началах такое хозяйство под Варшавой. От продажи выращенных в теплицах ананасов, фиг, дынь, абрикосов, персиков, а также щавеля, шпината, петрушки, салата зимой и цветов круглый год они выручали в иные месяцы до тысячи злотых. Но в основном тепличное хозяйство магнатов не имело товарного характера, поскольку реализация его продуктов в документах белорусских имений не числится. Его значение состоит в интродукции новых культур и показе прогрессивного метода ведения сельского хозяйства [95].

Небольшую, но непременную отрасль всякого фольварочного хозяйства составляло птицеводство. Как известно, в Белоруссии разводили кур, уток, гусей и индеек. Обычно птичий двор передавался в аренду администратору («пахт») с тем, чтобы он обеспечил за счет приплода определенный денежный доход, внес его в кассу, а также при отчете предъявил магнатам установленное количество продуктивной птицы, так называемую «инвентарную норму».

Анализ инвентарей и отчетности экономов позволил получить данные о состоянии птицеводства в магнатских владениях западной и центральной Белоруссии по 12 владениям, включавшим 65 фольварков. При этом учитывалась только так называемая «старая», или «инвентарная», птица, без приплода текущего года. В среднем на фольварк приходилось 133 головы, что для XVIII в. не так уже мало. 39% домашней птицы составляли куры, 25 — гуси, 21 — утки и 15% — индейки. В отдельных резиденциях магнатов разводили фазанов [96].

---

[94] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11529, лл. 9, 10; д. 11778, л. 8; ф. 1177, оп. 1, д. 3506, л. 13; AGAD, AR, XXV, s. 1436, k. 5; s. 1812, k. 1; s. 2172, k. 109; s. 2676/2, k. 189.

[95] РОБВУ, ф. 4 А, д. 3916, лл. 1—59.

[96] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3606, лл. 3—25; д. 9390, лл. 12—14; ф. 1324; оп. 1, д. 78, л. 26; д. 105, л. 70; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, дд. 3988, 3991, 3992, 3993, 3994, 3995, 3997, 4000, 4001, 4002; ф. 1177, оп. 1, д. 2072, л. 5; д. 3868, лл. 4, 5; РОБВУ, ф. 4 А, д. 2010, л. 5; AGAD, AR, XXV, s. 1436, k. 20; s. 2675/2, k. 94; s. 2676/2, k. 21—92; s. 3178, k. 9.

Птица и яйца прежде всего предназначались для господской кухни, но часть продукции продавалась, о чем свидетельствуют данные хозяйственного учета [97].

Об эволюции птицеводства в поместьях свидетельствуют цифры, полученные путем сопоставления данных о количестве птицы в одних и тех же владениях за разные годы. Нами подсчитаны изменения количества птицы в 40 имениях 6 латифундий (Высокое, Залесье, Кореличи, Молодечно, Несвиж, Чернавчицы). Поголовье ее увеличилось с 1976 до 5370, т. е. со 100 до 258% [98].

Определенное место в фольварочном хозяйстве занимало пасечное пчеловодство. Мы находим пасеки в Белице, Погосте, Глубоком, Манкевичах, Поставах, Каменке, Дорогичине — владениях Радзивиллов, Тизенгауза, Сапег, Островского. В большинстве своем пасеки насчитывали менее 10 ульев. Только в «Радзивилмонтах», центральном имении Клецкой латифундии, имелась большая пасека, расположенная на 4 моргах, окруженная высоким забором [99]. Упоминаний о вотчинном пчеловодстве в рассматриваемый нами период значительно меньше, чем по XVII в. Можно сделать вывод, что господское пчеловодство в Белоруссии во второй половине века шло на убыль. Мед и воск поступали в хозяйство магнатов не столько из фольварков, сколько в виде натурального оброка, взимавшегося с крестьян. Эволюция пчеловодства объясняется формой фольварочно-барщинного хозяйства. Трудоемкий, требующий внимания вид хозяйственной деятельности трудно было обеспечить крепостной рабочей силой.

Наряду с рыбным промыслом на озерах и реках землевладельцы Белоруссии вели также небольшое прудовое рыбное хозяйство, являющееся одной из отраслей сельскохозяйственной деятельности. Здесь выращивали

---

[97] ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2125, л. 5; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, лл. 31, 32; AGAD; AR, XXV, s. 2172, k. 106.

[98] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3602, лл. 6—14; д. 3606, лл. 3—25; д. 9390, лл. 12—14; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11529, лл. 49—114; ф. 1177, оп. 1, д. 2072, л. 5; д. 2123, л. 4; д. 3493, лл. 5, 11, 12; д. 3868, лл. 4, 5; РОБВУ, ф. 4 А, д. 2010, л. 5; AGAD, AR, XXV, s. 2674/1, k. 1—52; s. 2676/2, k. 21—92.

[99] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6683, лл. 6, 7; оп. 3, д. 17, л. 95; д. 53, лл. 245, 246, 274; ф. 1324, оп. 1, д. 105, лл. 32, 33; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, л. 83; д. 3994, л. 2; АВАК, т. XXXV, стр. 370; AGAD, AR, XXV, s. 190, k. 5; s. 1049, k. 2; s. 3178, k. 6.

карпов, линей, щук, сомов, карасей, язей. Прудовая рыба поступала на стол магнатов. Поэтому рыбные пруды в основном были сосредоточены в центральных усадьбах поместий. Однако излишек рыбы продавался. Во владениях главной линии Радзивиллов прудовое хозяйство велось в их резиденции — Несвиже, а также в поместьях Любча, Погост, Дороги, Ишколдь, Ивань, Койданово. Пруды постоянно охранялись, с браконьерством велась борьба. Систематически производилось зарыбление прудов. Имелись пруды для молоди и нагульные пруды. Отлов в заполненных прудах запрещался. Когда подходил срок, воду спускали, собирали рыбу, составляя при этом реестр с разбивкой по видам, и затем держали ее в специальных бассейнах. Оттуда рыбу брали на кухню или для продажи. Рыбная продукция несвижских прудов оценивалась на довольно крупную сумму —1200 злотых в год. Аналогично организовано было рыбное хозяйство у других магнатов. У Сапег в Высоком рыбу разводили в канале у стен замка, в Деречине и Ружанах — в очищенных прудах. Такие же искусственно зарыбленные пруды имелись у Огинских (Молодечно) и Тизенгауза [100].

Во второй половине XVIII — начале XIX в. леса составляли весьма значительную часть богатства магнатов Белоруссии. Достаточно сказать, что при таксировке земельных владений, оставшихся после смерти Доминика Радзивилла, произведенной в 1819 г., леса были оценены на сумму 30 063 тыс. злотых, т. е. 24% от общей оценки всего имущества (125 745 тыс. злотых) [101]. Лесные угодья составляли 30—40% всей площади. Спрос на лес, лесотовары на протяжении рассматриваемого периода все время рос, рубки расширялись. В результате сокращалась общая площадь лесов, причем особенно быстро уменьшались запасы ценных пород. Это вынудило магнатов принимать меры к восстановлению леса. Прежде всего они запретили крестьянам рубить лес, им разрешалось собирать в лесу только валежник или производить рубку по указанию лесника. По существу это уже была зачаточная форма выборочной санитарной рубки. Сле-

---

[100] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, лл. 20, 21, 59; ЦГИА ЛитССР, ф: ДА, д. 11529, л. 25; ф. 1177, оп. 1, д. 3493, л. 13; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 81, 82; д. 1466, л. 6.

[101] ЦГИА ЛитССР, ф. 459, оп. 2, д. 1639, л. 28.

дующий шаг, направленный на восстановление леса,— запрет рубки молодой поросли, поднявшейся на площадях, ранее находившихся под лесом [102].

В западной части Белоруссии в экономически более развитых поместьях Радзивиллов и Сапег приступили к посадкам леса. Инструкция Михаила-Казимира Радзивилла требовала от экономов, чтобы они организовывали в феврале сбор сосновых шишек, просушивали их в теплом помещении и высевали в марте во вспаханные перед посевом борозды. Аналогичные распоряжения давал управитель графства Деречин, принадлежащего Сапегам. В апреле 1794 г. он обязал эконома засеять семенами сосны поле с песчаной почвой, ранее являвшееся пашней [103].

Ознакомление со структурой сельского хозяйства и его отдельными отраслями в крупных поместьях Белоруссии позволяет сделать вывод, что они во второй половине XVIII в. не остались в стороне от общего для России и других стран Европы подъема сельскохозяйственного производства. Стимулом его развития был рост товарно-денежных отношений и возникновение капиталистических элементов в экономике.

5. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ПРОМЫСЛЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО

Интенсификация магнатского хозяйства наиболее ярко проявилась в развитии вотчинного промышленного предпринимательства. Какую же роль играли магнатские заведения в промышленности края и каково было их значение для экономики вотчины?

Основным источником при рассмотрении этого вопроса также служат документы магнатских латифундий. Кроме того, нами использованы некоторые фискальные документы Литовской скарбовой комиссии (до 1795 г.) и российской администрации (до 1800 г.).

Перепись мукомольных мельниц, произведенная Литовской скарбовой комиссией в 1777 г. в Брестском по-

---

[102] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 17, л. 165; д. 47, лл. 18, 59; оп. 7, д. 523, л. 37; ф. 1503, оп. 1, д. 55, л. 36; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2072, л. 27; д. 5654, л. 2; ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 21; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1466, л. 14.

[103] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, л. 18; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 52 а.

вете, охватила все предприятия такого рода как в частных, так в государственных и церковных владениях. На части территории повета, входящей ныне в состав Белоруссии, имелось 178 водяных колес на мукомольных мельницах и 25 поставов в ветряках [104]. По нашим подсчетам, на долю магнатов приходилось 71 водяное колесо и 5 поставов ветряных мельниц, что составляло соответственно 40 и 20% их общего числа [105]. Между тем удельный вес магнатских владений на той же территории, исчисленный нами по количеству населенных дворов (дымов), составлял только 21% всех дымов (4784 дыма из 22 526) [106]. При этом необходимо учитывать, что магнаты в основном обладали более крупными водяными мельницами. Ветряные в Белоруссии имели малую мощность и обычно один постав.

По данным Топографического описания Минской губернии, завершенного в 1800 г., в ней насчитывалось 88 «заводов» и «фабрик». Как видно из источника, самые мелкие предприятия не учитывались, поскольку сделана оговорка: «Сверх того находятся рудни, на которых делают сошники» [107]. Описаны предприятия нескольких отраслей: суконные (без мелких), металлообрабатывающие, стекольные, кирпично-черепичные, поташные, кожевенные, бумажные. Мукомольные мельницы и лесопилки подсчитаны без указания владельцев. Винокурни и известковые заводы не учтены (последние, видимо, в связи с малыми размерами).

Из этих 88 предприятий магнатам принадлежало 39, т. е. 44,3%. В то же время удельный вес магнатских вотчин в землевладении составлял около одной трети. Снова, как и в Брестском повете, мы видим более высокий уровень промышленного развития магнатских владений по сравнению с общим уровнем края. По отдельным отраслям на долю магнатов приходилось более половины предприятий: стекольно-зеркальных и фаянсовых 5 из 8,

---

[104] ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 471, лл. 1—8.

[105] Во владениях Сапеги (Высокое, Селец) — 25 колес и 3 ветряка, Чарторысского (Волчин, Речица брестская) — 15 колес и 2 ветряка, Радзивилла (Чернавчицы) — 11 колес, Потоцкого (Тростяница) — 8 колес, Ходкевича (Копылово) — 7 колес, Поцея (Ельна) — 5 колес.

[106] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11587, лл. 1—78.

[107] Белоруссия в эпоху феодализма, т. III, стр. 108—112 (подсчет наш. — *П. К.*).

поташных — 12 из 23, суконных и бумажных — половина. Относительно меньшим оказалось их участие в металлообрабатывающих и кирпично-черепичных предприятиях. Такое распределение свидетельствует о более значительном промышленном потенциале магнатских владений, так как зеркальное, фаянсовое и суконное производства отличались высокой организацией.

Это обстоятельство подтверждают и сведения Мануфактур-коллегии о промышленных предприятиях в Белоруссии за 1797—1803 гг. В этом документе отмечены только крупные предприятия. Таких заводов и фабрик, возникших до 1800 г. в западной и центральной Белоруссии, насчитывалось 13, а если вычесть 3, расположенных в Минске и Гродно, то останется 10 [108]. В документе пропущена стекольно-зеркальная мануфактура Радзивиллов в Налибоках. Таким образом, всего следует считать 11 вотчинных мануфактур [109]. Из них 8 принадлежало магнатам, 2 — представителям зажиточной шляхты и 1 — монастырю.

По отраслям магнатские мануфактуры и крупные предприятия распределялись следующим образом. Бумажных «фабрик» было две: Михаила Бжостовского в Шидловицах и одна Ксаврия Хоминского (ранее Тизенгауза) в Поставах. Стекольно-хрустальные «фабрики» размещались в Уречье и Налибоках, обе принадлежали Доминику (ранее Карлу) Радзивиллу. Фарфоро-фаянсовая «фабрика» Михаила-Казимира Огинского находилась в Телеханах. В Ружанах действовали полотняная и суконная «фабрики». Они были собственностью Францискa (ранее Александра) Сапеги. В 70—80-х годах этого же столетия наиболее быстрый расцвет мануфактур наблюдался в королевской Гродненской экономии, управляемой тогда магнатом Антонием Тизенгаузом. Он основал в Гродно и его пригородах Городнице и Лососне ряд крупных мануфактур. К 1780 г. их число достигло 21. Однако постепенно большинство гродненских мануфактур закрылось, и к 1800 г. их сохранилось только две. Частновладельческие же, магнатские мануфактуры

---

108 Белоруссия в эпоху феодализма, т. III, стр. 126—131.

109 Автор не ставит перед собой задачу изучения отдельных промышленных предприятий с целью их научной классификации и именует «мануфактурами» те, которые так названы в литературе.

оказались более устойчивыми; они существовали и в XIX в.[110]

Для того чтобы получить более полные сведения о магнатской вотчинной промышленности и определить ее отраслевой состав, нами изучено 50 владений, принадлежавших 15 магнатам. Полученные данные по 32 из них позволили составить таблицу (см. табл. 7). Остальные владения не могли быть в нее включены из-за неполноты сведений. Так, по владениям Соллогуба, Неселовского, Хрептовича и ряду других нет данных о винокурнях и мельницах, хотя они у них имелись. У Огинских и Потоцкого таких предприятий было фактически больше, чем указано в таблице. Далее, объекты, включенные в таблицу, не исчерпывают всех владений тех магнатов, которые в ней представлены. Поэтому таблица не может являться полным списком всех вотчинных предприятий магнатов. Но автор и не ставит перед собой цели составления такого списка. Охватывая владения почти всех магнатов Белоруссии, разбросанные по всей изучаемой территории, таблица позволяет судить о плотности размещения предприятий в поместьях, об их видах по отраслям промышленности и соотношении этих отраслей.

Бросается в глаза разнообразие предприятий: пищевые, текстильные, металлообрабатывающие, деревообрабатывающие, силикатные, бумажные, пороховые и ряд других. Больше всего было винокурен и мельниц. Винокурни составляли более половины (50,4%) всех магнатских промышленных предприятий, и, несомненно, винокурение являлось ведущей отраслью вотчинной промышленности. Второе место — 33,2% занимали мельницы и прочие пищевые предприятия. Среди других отраслей выделяются в количественном отношении текстильные предприятия. Они были очень разнородны: от сукновальных мельниц до суконных, полотняных, шелкоткацких и ковровых мануфактур. Стекольные, зеркальные и фарфоро-фаянсовые предприятия представлены в таблице известными мануфактурами Уречья, Налибок, Свержения. К группе железоделательных и металлообрабатывающих предприятий отнесены также меднолитейные, выпускавшие котлы и трубы для винокурен. Мелкие железоделательные «рудни» и небольшие предприятия по

[110] T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t. II, str. 247.

обжигу извести в большинстве источников не учитывались.

Как уже отмечалось выше, не все предприятия включены в таблицу. Дополнительно следует назвать такие крупные объекты, как доменная печь и медеплавильный «завод» Хрептовича в Вишневе, стекольные «заводы» Соллогуба в Илье и Неселовского в Мыши, фаянсовый Огинского в Телеханах[111].

Для определения насыщенности промышленными предприятиями магнатских поместий сопоставим данные таблицы об общем количестве предприятий с численностью дымов, находившихся в изучаемых латифундиях. Если исключить винокурни и мельницы, среди которых было очень много мелких, то окажется, что одно предприятие приходилось на 180 дымов.

В разных латифундиях плотность промышленных предприятий была различной. Например, во владении Поставы Антония Тизенгауза в 1783 г. функционировали 11 винокурен, 7 мукомольных мельниц, сукновальня, полотняное производство, поташная буда, 3 лесообрабатывающих предприятия (лесопилки, колесное производство), 7 кирпично-черепичных «заводов», 2 известковых, бумажная «фабрика» и кожевенный «завод» — всего 35 предприятий на 676 дымов. В небольшом владении Франциска Огинского Залесье (170 дымов) в 1796 г. имелось 8 винокурен, 4 мельницы, сукновальня и лесопилка[112]. Естественно, эти предприятия отправляли продукцию за пределы поместья.

Характеристика крупнейших магнатских мануфактур — текстильных, стекольных, фарфоро-фаянсовых (в Несвиже, Слуцке, Ружанах, Налибоках, Уречье, Кореличах и др.) не входит в наши задачи, поскольку их организация, объем производства, рабочая сила и уровень товарности освещены в ряде исследований А. М. Карпачева, В. Кули и других авторов[113]. Что касается более мелких предприятий, то о многих из них источники со-

---

[111] См. А. М. Карпачев. Мануфактуры с принудительным трудом. История БССР, т. 1. Минск, 1961, стр. 215—219; Вотчынная мануфактура. Гісторыя Беларускай ССР, т. 1, стар. 357—360; М. Ф. Болбас. Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861 гг.). Минск, 1966, стр. 243—254.

[112] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 3—131; ф. 1177, оп. 1, д. 2058, лл. 1—85.

[113] Историографию вопроса см. в гл. I.

держат скупые сведения, иногда ограничиваются лишь констатацией их существования. Поэтому сплошной подсчет рабочей силы и объема производства продукции в магнатских владениях нельзя произвести. Тем не менее четкое представление об этих предприятиях можно получить.

Наиболее развитая отрасль пищевой промышленности этого периода — винокурение. Производственные мощности винокурен были неодинаковы. Мелкие винокурни при арендуемых корчмах имели один-два котла. Почти каждая латифундия располагала крупной винокурней, которой ведала магнатская администрация. На винокурне в Давид-Городке насчитывалось 20 кирпичных горнов с котлами. Годовое производство средней винокурни, находившейся в управлении магнатской администрации, составляло 1000—3000 гарнцев водки. Например, винокурня в Уречье давала (1775 г.) 966 гарнцев, четыре предприятия в Клецком княжестве (1795 г.) — 11 061 гарнец, одна в Острове Деречинском — 3280 гарнцев (1778 г.) [114].

Магнаты придавали большое значение качеству выпускаемой винокурнями водки. В инструкции по владениям Радзивиллов (несвижская линия) предписывалось, чтобы водка была без запаха перегара, отличалась прозрачностью, содержала не более 1/3 части воды и т. д. Кроме обычной, производилась сортовая водка, чаще всего анисовая. В Высоком вырабатывалось также небольшое количество апельсиновой водки, предназначенной для господского двора Сапег [115].

Наряду с винокурнями магнаты содержали пивоварни. Но пивоварение не получило в Белоруссии широкого распространения.

Следующий по значимости и распространенности вид пищевых предприятий — мукомольные мельницы, преимущественно водяные (свыше 90%), работали обычно на одном-двух колесах. Реже встречались более крупные, четырехколесные.

Среди предприятий, вырабатывавших продукцию технического назначения, были весьма распространены по-

---

[114] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, л. 533; д. 9014, л. 177; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1517, л. 109.

[115] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 17, л. 96; д. 47, л. 25; д. 53, л. 184; РОБВУ, ф. 4 А, д. 2010, л. 7.

ташные буды. Так, в Черессе буда имела четыре котла и давала ежегодно 345 пудов поташа. В деревне Осовец Смядынского графства поташная буда размещалась в 17 строениях (из которых 4 жилых «для будников»). Поташная буда Радзивиллов в Гресске давала в год около 100 пудов поташа с каждого котла [116].

На кирпичном «заводе» Карла Радзивилла в Сморгони в одной печи одновременно обжигалось 6 тыс. штук кирпича (1788 г.). Большей мощностью обладал «завод» Сапег в Высоком, дававший в один обжиг 22 тыс. штук кирпича и 8 тыс. штук черепицы. Сдавая в аренду крепостному предпринимателю свой кирпичный «завод» возле Клецка, размещавшийся в 4 строениях с двумя печами, Юзеф Радзивилл заключил с ним договор на ежегодную поставку 150 тыс. штук кирпича [117].

Мелкими предприятиями были сукновальни, обычно работавшие на одном мельничном колесе (Тетерин, Докудово).

В опубликованных источниках сведения об объеме производства приводятся только по отдельным вотчинным предприятиям. Например, доменная печь в Вишневе выплавляла в год около 23 тыс. пудов железа. Уречский стекольный завод выпустил в 1797 г. продукции на 4148 руб., Ружанская суконная мануфактура — 4752 аршина на 1500 руб. (1801 г.). Около 500 стоп бумаги производила ежегодно Поставская бумажная «фабрика» [118].

Фамильные архивы магнатов позволяют расширить эти сведения. Так, по подсчетам Карла Радзивилла, предъявленным суду, на Несвижской суконной мануфактуре за три года (1764—1767) произведено 468 поставов сукна [119].

Историками уже отмечался быстрый рост вотчинной промышленности в Белоруссии [120].

---

[116] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 4197, л. 3; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 16; AGAD, AR, XXV, ss. 378, 380.

[117] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, л. 76; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11529, л. 24; ф. 525, оп. 8, д. 1201, л. 6.

[118] М. Ф. Болбас. Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861 гг.), стр. 144, 255; Белоруссия в эпоху феодализма, т. III, стр. 126, 127, 131.

[119] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, л. 36.

[120] А. М. Карпачев. Мануфактура с принудительным трудом. История БССР, стр. 215—219; М. Ф. Болбас. Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861 гг.). Приложение, стр. 240—255.

На протяжении второй половины XVIII в. возрастал объем магнатского винокурения. Если в 1776 г. в Давид-Городке было произведено всего 650 гарнцев водки, то в 1780 г.— уже 2718, а в 1792—7688 гарнцев. Во владении Михаила Радзивилла Погост в 1775—1777 гг. перекурено 303 корца ржи, а в 1784—1785 гг.—426 корцев [121].

Для того чтобы определить, в какой мере это положение можно отнести и к другим видам магнатской промышленности, нами проанализированы опубликованные данные о мануфактурах. Оказалось, что из 22 магнатских предприятий этого типа, расположенных на изучаемой территории, в первой половине XVIII в. было основано только 3 мануфактуры, остальные же 19 (86%) возникли во второй половине этого столетия [122]. Труднее датировать более мелкие предприятия. И все же магнатские архивы позволяют проследить их количественный рост. Так, во владении Кореличи в 1757 г. насчитывалось 10 промышленных предприятий. А к 1771 г., несмотря на то, что часть имений из этого владения была передана Радзивиллом в залог, в оставшейся у него части численность предприятий возросла до 13 (в том числе большая мельница на 6 поставов). Здесь же открылось несколько новых корчем. В трех имениях, составлявших владение Глубокое (без города), в 1761 г. имелось 7 промышленных предприятий, а к 1783 г. их стало уже 17. Увеличилось количество винокурен и мельниц [123]. Упоминание о возникновении новых промышленных предприятий повторяется в документах, относящихся к большинству магнатских владений.

Во второй половине XVIII в. оснащение магнатских предприятий, как и всей промышленности Белоруссии, стало заметно улучшаться, а технологические процессы совершенствоваться. Около 1790 г. была введена в действие первая большая доменная печь, сооруженная на железоделательном «заводе» магната Хрептовича в имении «Вишнево» Ошмянского повета («завод» сущест-

[121] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 224; д. 6423, лл. 114, 164; д. 6673, л. 225.

[122] Подсчитано по данным, содержащимся в работах А. М. Карпачева (Мануфактура с принудительным трудом. История БССР, т. 1, стр. 215, 219) и М. Ф. Болбаса (Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861 гг.), стр. 24—255).

[123] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3606, лл. 4—6, 20—25; AGAD, AR, XXV, s. 1047, k. 2, 3, 16, 20; s. 1049, k. 1—28; s. 1812, k. 1—38.

вовал с 1780 г.). Однако большинство предприятий этой отрасли по-прежнему представляло собой примитивные «рудни». Сложное оборудование применялось в магнатских стекольных и текстильных мануфактурах. На суконном и полотняном производствах Сапег в Ружанах насчитывалось около 20 наименований оборудования [124]. В Несвиже у Радзивиллов суконная мануфактура размещалась в нескольких постройках. В них были установлены ткацкие станки, прялки с веретенами, барабаны с катушками, мотовила, гребни для трепки, шерсточесальные щетки и ряд других приспособлений. В отдельном помещении находилось шляпное производство. В нем насчитывалось свыше 20 предметов оборудования. Рядом с суконной мануфактурой было полотняное производство на 124 рамы (1767 г.) [125].

Поташные буды обычно располагались вблизи лесных массивов, обеспечивавших их сырьем. Гресская буда Радзивиллов состояла из 8 производственных и более 10 хозяйственных построек (1775 г.). В двух главных строениях, рассчитанных каждое на обеспечение полного производственного цикла, находились кадки для отмачивания золы, вмурованные над очагами широкие плоские котлы («корыта»), в которых вываривался поташ, печи для его кальцинирования. На этом предприятии было 20 горнов и 3 печи. Здесь же располагались кузница, бондарная мастерская, складские постройки [126].

Главным двигателем на промышленных предприятиях в тот период было водяное колесо. Это отразилось и на терминологии. Мельницами именовали самые различные предприятия. Так, по данным инвентаря 1767 г., в Несвижском княжестве насчитывалось 17 «мельниц», в том числе 3 ветряные. Из остальных 14, работавших на водяных колесах, 3 были вовсе не мукомольными — пороховая, рудная и лесопильная. Из 1048 «мельниц», имевшихся в 1800 г. (по данным «Топографического описания») на территории Минской губернии, 932 составляли

---

[124] См. А. М. Карпачев. Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма. «Вопросы истории», 1962, № 8, стр. 61; М. Ф. Болбас. Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861 гг.), стр. 144.

[125] AGAD, AR, XXV, s. 2676/2, k. 190—195.

[126] См. T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t I. Kraków—Warszawa, 1897, str. 353; AGAD, AR, XXV, s. 378, k. 1, 2.

мукомольные водяные, 76 — мукомольные ветряные и 40—лесопильни [127]. Лесопильни на водяных колесах обычно упоминаются в документах. Силой воды приводились в движение все механизмы и на железоделательном «заводе» в Вишневе [128]. Лишь отдельные очень мелкие предприятия работали на конной тяге [129].

Следует отметить, что О. Гедеманн, изучавший состояние лесной промышленности в бассейне Западной Двины, утверждал, будто там в отличие от земель Королевства Польского («Короны») в XVIII в. совсем не было лесопилок с водяным двигателем и что работали на них только вручную [130]. Это утверждение полностью опровергается приведенными данными.

Вместе с тем некоторые производственные процессы, как и в прежние века, обеспечивались мускульной энергией человека. Выросшие из крестьянских промыслов мелкие предприятия, производившие холст, бондарные и колесные изделия, основывались целиком на ручном труде. То же следует сказать о выделке кож, рубке леса, строительных работах. Даже на тех предприятиях, на которых имелись механические двигатели, значительная часть операций выполнялась вручную.

Из документов видно, откуда поступали на магнатские предприятия оборудование, тара, топливо, сырье. Простейшее оборудование, особенно деревянное, и такая же тара изготовлялись на месте. При крупных винокурнях и поташных будах имелись бондарные мастерские, в которых делали бочки, кадки и всякую другую посуду. Топливо доставляли из своих лесов. Более сложное оборудование приобреталось на стороне, если в самом поместье не было предприятий, которые бы его изготовляли. Юзеф Радзивилл, например, закупил для четырех винокурен Клецкой латифундии в 1796 г. 28 медных котлов, 26 других сосудов и 84 медные трубы. Все эти изделия были куплены на медеплавильном заводе Хрептовича в Вишневе. Олово для припайки (583 фунта) купили у купчихи, вдовы Шолома. Управитель по-

---

[127] Белоруссия в эпоху феодализма, т. III, стр. 108; AGAD, AR, XXV, s. 2676/2, k. 17, 18.

[128] См. М. Ф. Болбас. Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861 гг.), стр. 144.

[129] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, л. 59; д. 53, л. 166.

[130] O. Hedemann. Dawne puszcze i wody. Wilno, 1934, str. 68.

местья Раков Михаила-Клеофаса Огинского Шишковский покупал на внутреннем рынке гвозди и сталь для ремонта мельницы и оборудования [131].

Значительная часть предметов, необходимых для производства, импортировалась. В 1794 г. из порта Крулевец во владение Сапег Деречин было доставлено оборудование для лесопильни (пилы с напильниками, сверла, топоры и другой инструмент), а также бутылки и пробки для розлива спиртных напитков на винокурне. В другое поместье того же владельца, Высокое, в 1796 г. поступили из Гданьска 500 бутылок, 12 коп английских пробок, медный котел для винокурения, а в следующем году — медные котлы и гребни для суконной фабрики на сумму 4927 злотых [132].

Основным источником сырья являлись сельское хозяйство и природные ресурсы самого поместья. Однако рост вотчинной промышленности опережал развитие сельского хозяйства, и своего сырья становилось недостаточно. Чтобы избежать простоя предприятий, магнаты вынуждены были частично закупать его на стороне. Но не все охотно это делали. Антоний Радзивилл, чтобы обеспечить свои винокурни зерном, пошел на некоторое отклонение в рецептуре и в 1795 г. писал управляющему в Манкевичи: «Ржи хватит полностью, овса тоже, а ячмень, если его будет маловато, можно будет дополнить овсом или гречихой». И тем не менее уже в 1799 г. Радзивилл вынужден был закупить для своих винокурен в Манкевичах и Высоком 200 бочек (76 т) ржи. А для винокурни в Уречье он закупил рожь в 1797 г.[133] Другой магнат, Матвей Огинский, писал своим администраторам: «Если бы фольварочного урожая не хватало для винокурения, надлежит подсчитать выручку, которую может дать перекурка зерна, закупить зерно там, где оно подешевле, а потом, продав водку, покрыть расход на сырье и чистый доход внести в мою кассу» (1765 г.) [134]. Для винокурения и пивоварения докупали ячмень и хмель (Раков, Манкевичи).

---

[131] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4207, л. 3; д. 6673, лл. 629, 630; оп. 3, д. 53, лл. 55, 196; д. 4197, лл. 30—34; ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 29; AGAD, AR, XXV, s. 378, k. 2.

[132] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 63; д. 1282, л. 10; д. 2010, л. 9.

[133] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, лл. 203, 258, 327.

[134] ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3314, л. 1.

Крупные мануфактурные предприятия — стекольно-зеркальные и текстильные — постоянно использовали наряду с собственным сырьем покупное местное и импортное. Несмотря на то что в фольварках Несвижского княжества разводили мериносов для нужд мануфактуры, шерсти не хватало. Управитель Радзивилла покупал ее за деньги, «где удастся достать» [135]. Зола для поташных буд доставлялась из магнатских пущ. Ее выжигали крепостные, приписанные к будам, и сдавали за плату, которая засчитывалась им в погашение денежного оброка (Гресск—1768, 1775 гг., Лахва—1795 г.). Иногда золу покупали у крестьян, выдавая в уплату зерно [136].

Как упоминалось выше, по некоторым предприятиям сохранились отрывочные сведения, и поэтому подсчет рабочей силы в вотчинной промышленности произвести невозможно. По имеющимся данным, на магнатской винокурне или мельнице чаще всего по найму работали мастер с помощником, а подвозка дров для винокурения осуществлялась барщинным трудом. Штат более крупной винокурни в Манкевичах состоял из винокура, его помощника и двух учеников. Всем им платили деньгами и продуктами. Кроме того, там было четверо подсобников, отбывавших барщинную повинность понедельно (1792 г.) [137]. На сукновальнях (Докудово, Тетерин) количество работников было такое же, как и на мукомольных мельницах. Небольшой постоянный штат пильщиков (2—4 человека) числился на лесопильнях. На бумажной «фабрике» в Поставах работали по найму мастер, три взрослых работника и ученик. Переработку золы в поташ производили в будах постоянные работники, чаще — наемные. На небольшой буде (4 котла) в Черессе в 1778 г. их было 5 человек [138], в Гресске, обладавшем в пять раз большей мощностью оборудования,— соответственно больше. На кирпичном заводе в Ганусове работало 4 кирпичника, 6 паробков и 6 подсобников. Лес и кирпич подвозили 8 барщинников [139].

---

135 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, л. 4.

136 Там же, л. 3; оп. 2, д. 6154, л. 12; AGAD, AR, XXV, s. 378, k. 5—8.

137 ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3577, лл. 6, 7; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, л. 118.

138 ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 21, 22; ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 16.

139 ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1340, лл. 8, 22, 23.

Если сырье магнаты стремились по возможности получать в своем хозяйстве, то продукция вотчинной промышленности в основном шла на рынок [140]. Составители «Топографического описания» Минской губернии, перечисляя предприятия разных владельцев, отмечали, что «на всех вышеописанных заводах выделанные вещи употребляются для домашнего обихода, частью и на продажу» (1800 г.) [141]. С завода Радзивилла в Сморгони кирпич продавался в поместья соседних землевладельцев (1766 г.). Из владения Тизенгауза Бытень на рынок поступали: грубошерстное сукно, холст, растительное масло, бондарные изделия, дранка (1784 г.). Из Залесья Огинского продавалось грубошерстное сукно [142]. Наиболее товарными отраслями магнатской промышленности были производство поташа и винокурение. За исключением некоторого количества, потребляемого в качестве сырья на вотчинных предприятиях, поташ шел на экспорт. Вывоз в Крулевец поташа составлял одну из важнейших статей дохода огромных владений, унаследованных Домиником Радзивиллом в 1790 г. [143] Ежегодный экспорт этого товара из поместья Чересс Станислава Радзивилла приносил ему около 4,5 тыс. злотых. В 1783 г. Огинский вывез в Крулевец поташа на 5 тыс. злотых. Магнаты Массальский, Юдицкий, Потоцкий, владевшие поташными заводами вблизи Речицы, также направляли их продукцию в Крулевец. Поташ экспортировали и из Черейского графства Сапег [144].

Водка, производимая на магнатских винокурнях, реализовалась на внутреннем рынке. О роли винокурения в магнатском хозяйстве можно судить по таким цифрам. В латифундии Сапег Деречин от продажи алкогольных напитков выручено 12 799 злотых, т. е. 9,8% общей суммы прихода (1793 г.), а в латифундии Высокое (1797 г.) — 26 519 злотых, т. е. 46,6% дохода. Значе-

---

[140] А. М. Карпачев. Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма. «Вопросы истории», 1962, № 8, стр. 62.

[141] Белоруссия в эпоху феодализма, т. III, стр. 109.

[142] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3537, лл. 11, 16; ф. 1177, оп. 1, д. 2125, л. 4; д. 3516, л. 25.

[143] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 523, л. 37.

[144] ЦГИА БССР, ф. 295, оп. 1, д. 5, лл. 9, 10; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 16; ф. 1177, оп. 1, д. 6173, л. 2; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, л. 56.

ние винокурения не исчерпывается цифрами дохода. Оно связывало различные отрасли хозяйства латифундии в единый экономический комплекс. В инструкциях и распоряжениях магнатов отчетливо видна взаимосвязь элементов хозяйственного круга. Винокурение приносило денежный доход от реализации водки и доставляло брагу для откорма скота. Откорм давал высокую выручку от продажи скота. Содержание скота способствовало получению удобрений, необходимых для повышения урожайности полей. Рост урожайности в свою очередь обеспечивал возможность расширения винокурения [145].

Недостаток источников не позволяет особо подсчитать доход от промышленных предприятий в структуре общего дохода магнатских владений и определить его средний уровень. Это удается сделать лишь по отдельным хозяйствам. Во владении Поставы доход от промышленных предприятий составлял 25 602 злотых из общей его суммы 99 640 злотых (1783 г.) — 26%, в Смядыне—18 400 из 58 920 злотых, т. е. 32% [146]. Но поскольку названные поместья относятся к наиболее развитым, такие показатели следует отнести к максимальным.

Приведенные данные дают основание утверждать, что вотчинная промышленность магнатов запада и центра Белоруссии во второй половине XVIII в. достигла заметного развития. Притом это развитие сочеталось с подъемом сельскохозяйственного производства в фольварках, было с ним теснейшим образом связано и составляло единый экономический процесс роста товарности поместья, распространявшегося с запада на восток.

Иной точки зрения придерживается В. И. Мелешко, изучавший крупное поместье в восточной части Белоруссии. По его утверждению, в этой зоне наибольшее значение в экономике крупных феодалов (короля и магнатов) имели лесные промыслы (заготовки и сплав леса, производство на экспорт поташа), рудни, а также другие предприятия. В целом восточная часть Белоруссии отличалась тем, что при слабом развитии фольварка определяющим было промысловое направление господского хозяйства. В одной из своих работ В. И. Мелешко дока-

---

[145] ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2272, л. 5; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, лл. 37, 44, 54, 211, 230, 245.

[146] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 4197, л. 46; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 131—135.

зывает, что в Белоруссии эволюция сельского хозяйства шла двумя путями: на западе поместье переходит к товарности через фольварк, а на востоке — через эксплуатацию чиншевого крестьянства [147].

Отсутствие единой методики учета не позволяет численно сопоставить вотчинную промышленность запада и востока Белоруссии. Что же касается ее отраслевой структуры, то в ней четко определяется устойчивая линия — преобладание на востоке предприятий по добыче и первичной обработке сырья, а также по производству сошников, имеющих за собой уже многовековую традицию, и сосредоточение широко известных мануфактур, всех или почти всех крупных новых предприятий по производству потребительских товаров и прежде всего текстильных на западе. В XVIII в. эти последние предприятия отличались более сложной технологией и в большей мере определяли уровень промышленного развития края.

Как известно, промышленная революция в Европе началась именно на текстильных предприятиях, от которых горнодобывающая промышленность долго еще отставала. Вот почему нам представляется, что промыслы в экономике поместья на востоке в связи с недостаточным развитием земледелия хотя и играли действительно бо́льшую, чем на западе, роль, однако в целом уровень экономического развития на западе Белоруссии был выше. В условиях Белоруссии фольварочное сельское хозяйство, промышленность и торговля развивались во взаимосвязи, стимулируя друг друга. Дальнейший рост фольварка и развитие вотчинной промышленности составляли единый путь, на который толкали землевладельцев развивавшиеся товарно-денежные отношения. Вполне закономерно, что этот путь в конце столетия привел восточную Белоруссию одновременно к переходу на барщинно-фольварочное хозяйство и появлению крупных мануфактур в Шклове, Кричеве, Горках.

---

[147] В. И. Мелешко. Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г.», стр. 257—260; Из истории аграрных отношений в Восточной Белоруссии в период упадка Речи Посполитой (с середины XVII в. до 1772 г.). «Acta Baltico-Slavica», t. V. Białystok, 1967, str. 62—74; Сялянская гаспадарка Усходняй Беларусі і рынак у другой палавіне XVII—XVIII ст. (Весці АН БССР, серыя грамад. навук, 1969, № 1, стар. 82, 83).

Наряду с промышленностью большое значение в хозяйстве магнатов западной и центральной Белоруссии имел лесной промысел.

Строительство и эксплуатация промышленных предприятий поглощали огромное количество строевого леса и дров. Потребление леса на внутрихозяйственные нужды постоянно росло. Увеличивалась и товарная вырубка, вызванная повышенным спросом стран Западной Европы на мачтовый лес [148]. Уже в 1756 г. один из управителей имениями Радзивилла докладывал ему о росте цен на строевой лес в Крулевце и ходатайствовал об увеличении сплава. В 1768 г. «комиссар» Радзивилла сообщал, что в Крулевце и Клайпеде возрос спрос на «брусья» (мачтовый и строевой лес), в связи с чем он организовал разработку древесины и сплав ее по Неману. По подсчетам, произведенным в 1797 г., только из одной Яшунской пущи за 6 лет было вывезено в Крулевец лесотоваров на 200 тыс. злотых. О доходности лесного сплава свидетельствуют тогдашние цены. В Крулевце за одну грот-мачту платили 720 злотых, за бизань — 180, а за копу брусьев — 540 злотых [149]. Большие разработки леса вел полоцкий воевода Тадеуш Жаба в Подвинье. Только потери от завышения при расчетах объема работ он исчислял суммой в 50 000 злотых (1782 г.) [150].

Далеко не всегда магнаты сами экспортировали лес. Чаще всего они заключали контракты на лесоразработки и сплав с местными или приезжими купцами. Так, в частности, поступали Андрей и Франциск Огинские. Этой же системе оказывали предпочтение опекуны малолетнего Доминика Радзивилла [151].

В магнатском поместье существовали и другие промыслы. Из них экономическое значение имели только лесное пчеловодство и рыболовный промысел. Бортный промысел ко второй половине XVIII в. почти полностью превратился в крестьянское занятие. Магнату выгодно было без всяких забот получать от крестьян половину сбора меда как с пасек, так и с бортей в виде натураль-

---

[148] См. O. Hedemann. Dawne puszcze i wody, str. 54.

[149] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, лл. 7, 10; оп. 3, д. 17, лл. 167, 168; д. 25, л. 65.

[150] См. O. Hedemann. Dawne puszcze i wody, str. 60.

[151] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 523, л. 37; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3925, л. 1; ф. 1274, оп. 1, д. 467, л. 1.

ного оброка. В конце концов это была не такая уже малая доходная статья. Так, в Смядыне от крестьян поступало ежегодно 200 берковцев меда, оценивавшихся на сумму 583 злотых. Лишь в отдельных документах изредка встречаются упоминания о господском пчелином промысле. У Радзивиллов в имении «Селец» находилось 12 бортных деревьев с пчелами (1753 г.). Господские борти имелись и в Туровском графстве Потоцких. Кстати, в том же Турове производилась заготовка рыбьего жира, медвежьего, бобрового и барсучьего сала [152].

Более заметную роль играла в магнатском поместье ловля озерно-речной рыбы. Обычно ее ловили крепостные крестьяне-рыбаки взамен барщины. Лов рыбы практиковался круглогодично. На подледный лов в помощь рыбакам посылали барщинных крестьян с топорами. Наиболее распространены были щука, окунь, язь, линь, карась, лещ и плотва. В бассейне Припяти водились в небольшом количестве осетры [153].

Выловленную рыбу заготавливали впрок. Летний улов коптили, осенний и зимний солили, а часть замораживали. В больших масштабах рыбная ловля велась в поместьях, расположенных на Полесье: в Турове, Лахве, Давид-Городке, Манкевичах. Лучшую часть улова отправляли к столу магната. Много рыбы продавалось на местном рынке. В Давид-Городке в 1766—1772 гг. было продано свыше 100 тыс. штук копченой и вяленой рыбы (она учитывалась поштучно). Рыбокоптильни — «курени» имелись во всех четырех перечисленных поместьях. У Антония Радзивилла было два «куреня»: в Манкевичах и на фольварке «Высокое». Годовая арендная плата от одного из них составляла 600 злотых. В небольшом имении Юзефа Радзивилла «Семигостичи» Пинского повета за озерную рыбу выручали 300 злотых (из 937 злотых общего годового дохода), а в Смядыне Мозырского повета аренда озер давала 1400 злотых в год [154].

Развитый рыбный промысел существовал на северо-западе Белоруссии. Доход от аренды этого промысла во

---

[152] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 4197, л. 45; AGAD, AR, XXV, s. 3704/I, k. 9: «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 516, 517.

[153] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, л. 215; оп. 3, д. 53, л. 210; ф. 295, оп. 1, д. 5, л. 34; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 31.

[154] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 217, 218, 246; оп. 3, д. 53, лл. 210, 282; д. 4197, л. 45; оп. 7, д. 523, л. 66; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 2833, л. 129; «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 515, 516.

владении Карла Радзивилла Дрисвяты составлял 6 тыс. злотых в год при общем доходе 23 тыс., т. е. 26%. Аналогичную картину мы видим и в других поместьях Браславского повета: Богинь графа Мануцци, Заверье богатого шляхтича Мирского. Немалые доходы — по 4 тыс. злотых в год — приносили рыбные промыслы в имениях Друйского графства Сапег [155].

Большое значение придавали магнаты состоянию пристаней, строительству речных судов. Так, Александр Сапега имел свои пристани на Немане в имениях «Воля» и «Мосты» [156]. Строительством судов энергично занимались Радзивиллы. Во владении Михаила Радзивилла Чернавчицы в 1792 г. было затрачено 1049 упряжных и 76 пеших барщинных дней на заготовку и трелевку лесоматериалов в Брест для постройки шкут, а также на подвозку туда продуктов, предназначенных на экспорт [157].

Брест был главным речным портом на Буге, как Гродно — на Немане. Второе по значению место в среднем течении Немана занимали Мосты, а в верхнем течении — Свержень. С ним соперничали Еремичи.

Магнаты сумели извлечь выгоду из общего экономического оживления в крае. Администрация Карла Радзивилла требовала, чтобы все купцы, скупавшие товары на экспорт в его владениях, расположенных в центральной Белоруссии, сплавляли их только через пристань Свержень и только на радзивилловских судах (1768 г.) [158]. Но и без принудительных мер магнатские пристани, расположенные возле них амбары, речные флотилии широко использовались купцами и шляхтой за соответствующую плату. Суда Александра Сапеги, следовавшие с грузом владельца из Деречина в Крулевец, на обратном пути доставляли импортные товары гродненских купцов — соль и вино (1761 г.). Такие же перевозки осуществлялись его сыном Франциском из Высокого в Гданьск и обратно (1791 г.) и Юзефом Радзивиллом из Сверженя (1783 г.) [159].

---

[155] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 2830, лл. 21, 22, 23, 41, 48; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, лл. 6, 7.

[156] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, лл. 8—10.

[157] РОБАН, ф. SK, ед. хр. 4085.

[158] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, л. 10.

[159] Там же, оп. 2, д. 6678, л. 7; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1427, л. 1; д. 2010, л. 8.

Пожалуй, наиболее ярко динамику магнатского хозяйства во второй половине XVIII в. характеризует строительство производственных зданий и хозяйственных строений. Так, в Белице (1758 г.) и Ивани (1767 г.), принадлежавших Карлу Радзивиллу, были построены новые мельницы. В Островчицах, поместье Юзефа Радзивилла, в 1761 г. начала действовать новая лесопильня, в Денисковичах — новая винокурня на 8 горнов и мельница (1788 г.). Давид-Городок к 1798 г. обогатился новой плотиной, двумя новыми водяными мельницами, винокурней. Аналогичная картина наблюдается в 1794 г. в Манкевичах, во владениях Сапег Ружаны (1789 г.) и Деречин (1793 г.), в поместьи Франциска Огинского Залесье (1791 г.) [160]. Одновременно с сооружением новых ремонтировались существовавшие объекты.

О масштабах вотчинного строительства можно судить по следующим данным. В Деречине, владении Сапеги, в 1793 — 1794 гг. одновременно строились: винокурня, кирпичный завод, плотина у сукновальни, плотина у мельницы в Березках, главный склад в центральном имении, страховой крестьянский «магазин» в Крупове, гумно, конюшня, летние помещения для скота, осети в нескольких имениях для сушки льна и конопли, речные суда, «кафенгауз» (вид ресторана) для посетителей ярмарки в Зельве, корчма. Ремонтировались мельницы, корчмы, хозяйственные постройки в имениях, торговые ряды. В другой латифундии того же магната — Ружанах в 1795 г. приступили к перестройке флигелей под полотняную и суконную мануфактуры, сооружению красильни, жилого помещения для работников мануфактур, постройке двух новых винокурен, а также воловника, свинарника, конюшни и сарая возле действующей большой винокурни, заезжего дома, кроме имеющегося «кафенгауза» [161].

У Радзивилла в поместье Манкевичи в 1796 г. строились в двух имениях три гумна с амбарами, сенной сарай, новый скотный двор, состоявший из шести коровников, «дойника», двух телятников, хлев, мост через

[160] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1742, лл. 3, 4; д. 2087, л. 18; д. 6087, л. 3; оп. 3, д. 53, лл. 261, 268, 287; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2125, л. 8; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 7—21; д. 1514, л. 17; AGAD, AR, XXV, s. 191, k. 2—4; s. 1436, k. 10.

[161] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 2—82; д. 1466, лл. 1—12.

р. Горынь. Ремонтировался амбар, заборы. Незадолго до этого (1792—1795 гг.) в том же владении были построены мельница, две большие винокурни, скотный двор, четыре воловника у винокурни. Стройка велась в ускоренном темпе. Владелец торопил, заботился о том, чтобы закупленный им кирпич и известь были быстрее использованы [162]. Масштабы магнатского производственного строительства позволяют говорить о строительной горячке, охватившей латифундистов Белоруссии во второй половине XVIII в.[163]

В тесной связи с производственным велось дорожное строительство. Магнаты и шляхта, заинтересованные в торговых связях, участвовали в прокладке магистральных, сухопутных дорог и водных путей, имевших значение для всей Речи Посполитой. На это строительство они сгоняли своих крепостных и расходовали денежные средства на наем землекопов. Но в первую очередь магнаты занимались дорогами, проходившими по их владениям, в том числе местными. В Ружанах и Деречине администрация Сапег следила за состоянием дорог. Сооружали насыпи через болотистые места, укрепляли дороги фашинами, копали вдоль дорог канавы для стока вод, обсаживали дороги деревьями, строили и ремонтировали мосты. Некоторое внимание уделяли улучшению состояния деревенских улиц (1781—1785 гг.). Во владении Тимковичи Михаила Радзивилла уставом для волости предусматривались установка на скрещении дорог указателей с надписями и обязательный ремонт дорог силами крестьян (1770—1780 гг.) [164].

---

[162] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, лл. 137, 148, 196, 197, 242, 261, 268.

[163] Мы не освещаем здесь дворцового и паркового строительства. Его бурный расцвет относится к тому же периоду. И хотя оно не имело производственных целей, тем не менее оказывало большое влияние на экономику поместий, поглощая денежные средства, рабочую силу и строительные материалы.

[164] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, лл. 80, 81; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 430, л. 7; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 21—23, 37, 52 а, 77; д. 1514, лл. 17, 43.

Глава III

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТОВАРНОСТЬ ХОЗЯЙСТВА

1. РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ

Рыночные связи поместного хозяйства Белоруссии второй половины XVIII в. нашли некоторое отражение в работах В. И. Пичеты и К. И. Керножицкого, отмечавших их расширение в рассматриваемый период. Но эти авторы сводят рыночные связи в основном к внешней торговле.

Д. Л. Похилевич находит, что крупное поместье приспосабливалось к запросам как внешнего, так и внутреннего рынка. Однако свои наблюдения названные авторы не подтверждают документальными материалами, если не считать нескольких расчетов, сделанных К. И. Керножицким по отдельным староствам [1]. Внешнюю и внутреннюю торговлю крупного поместья восточной Белоруссии исследовал В. И. Мелешко [2]. Рыночные связи магнатского поместья западной и центральной Белоруссии изучаются впервые.

С целью определения участия магнатов во внешней торговле важнейшим для того времени товаром — рожью нами исчислен среднегодовой экспорт ржи из 86 имений, расположенных в разных географических районах, и выведен показатель экспорта (0,8 бочки), приходящегося в расчете на один крестьянский дым

---

[1] См. В. И. Пичета. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940, стр. 59—61; К. И. Кернажыцкі. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі. Менск, 1935, стар. 49—50; Д. Л. Похилевич. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., стр. 388.

[2] См. В. И. Мелешко. Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г.», стр. 259, 260.

(см. табл. 8) [3]. Поскольку данный показатель характерен для всех магнатских хозяйств Великого княжества Литовского в границах после 1772 г., он позволил исчислить общий объем экспорта ржи из этого типа хозяйств в натуре. А затем сопоставление полученной цифры с данными внешнеторговых балансов за 1786—1791 гг., составленных Литовской скарбовой комиссией, показало, что на долю магнатов приходилось 66,9% всего экспорта ржи [4]. Конечно, наш расчет приблизителен, так как получен он косвенным путем. И все же это дает основание утверждать, что магнаты играли доминирующую роль в хлебном экспорте, хотя они не были монополистами в хлебной торговле.

Данные табл. 8 позволяют проследить направление грузопотоков экспортного хлеба. Преобладающая часть магнатских поместий использовала в качестве водного пути Неман с его притоками и направляла рожь в Крулевец. Из бассейна Припяти хлебные грузы доставляли к неманским пристаням по сухопутью [5]. Юго-западная окраина Белоруссии (Брестский и Волковысский поветы) сплавляла хлеб по Бугу и его притоку — р. Нарев в порты устья Вислы (Гданьск, Эльблонг) [6]. Значительно меньшую роль в хлебном экспорте из рассматривае-

---

[3] Количество крестьянских дымов характеризовало размеры имения. Выведенный нами показатель (коэффициент) позволяет сравнивать имения разной величины и их группы.

[4] Магнатские хозяйства Великого княжества Литовского насчитывали в своем составе 93 732, т. е. 25% всех дымов (374 888). (См. ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 4067, лл. 1—24). Считая по 0,8 бочки, весь их экспорт составлял 74 978 бочек. Оценка на таможнях — 18,3 злотых бочка (Л. С. Труска, Р. В. Ясас. Внешняя торговля Великого княжества Литовского в последние годы его существования, стр. 30). Общая оценка магнатского экспорта ржи 18,3×74 978=1 372 097 злотых. По балансу Скарбовой комиссии среднегодовой экспорт «зерна» составлял 5 564 007 злотых. (В. И. Мелешко. К вопросу о состоянии экономики Белоруссии и Литвы в конце XVIII в. «Советское славяноведение», 1969, № 2, стр. 70, 71). Не считая льносемени и другого зерна, на основе данных Л. С. Труски и Р. В. Ясаса, на рожь придется 2 049 446 злотых. От этой суммы магнатский экспорт ржи (1 372 097 злотых) составлял 66,9%.

[5] Так, из Смядыни рожь на экспорт подвозили в Тимковичи, а оттуда сплавляли в Крулевец (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8438, л. 8).

[6] Иоахим Потоцкий из владения Россь (Волковысский повет) в 1761—1762 гг. грузил рожь через Тыкоцин на Гданьск. «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 401, 407, 417.

мой территории играли Западная Двина с ее портом Ригой [7].

Рожь была главным, но не единственным экспортным продуктом. С 70-х годов XVIII в. в архивных документах все чаще встречаются упоминания о вывозе на внешние рынки пшеницы. Она стала занимать заметное место в экспорте крупнейших магнатов Белоруссии — Радзивиллов [8]. Кроме зерна, они очень часто вывозили льняное семя и пеньку [9].

Одной из старейших отраслей магнатской внешней торговли была продажа за границу лесоматериалов и продуктов переработки древесины. Об этой отрасли торговли речь шла при рассмотрении магнатских лесных промыслов, поэтому на ней мы больше останавливаться не будем. Отметим только, что экспорт лесотоваров осуществлялся в бо́льших размерах из владений, расположенных на северо-западе, северо-востоке и юго-востоке изучаемой территории, через порты Ригу и Крулевец [10]. Более подробную структуру внешней торговли магнатов можно представить по документам сплава, организуемого ежегодно каждым латифундистом. В табл. 9 дана характеристика отдельных сплавов, именуемых в источниках «нижними», т. е. экспортными, поскольку грузы перевозились на судах вниз по течению рек. Как видно из таблицы, рожь преобладала в экспорте из западных и отчасти центральных владений [11]. Другая же часть центральных и северо-западные поместья экспортировали главным образом льняное семя, пеньку, волокно, лес и продукты переработки древесины.

Таким образом, вся совокупность документов, относящихся к экспорту, свидетельствует о порайонной специализации магнатского хозяйства.

---

[7] Друя не вывозила хлеба, но соседнее владение Станислава Радзивилла Чересс Браславского повета экспортировало хлеб в Ригу (ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 16).

[8] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6678, лл. 5, 9; оп. 3, д. 17, л. 95.

[9] ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 6; РОБАН, ф. 17, д. 1815, л. 1.

[10] ЦГИА БССР, ф. 295, оп. 1, д. 5, лл. 9, 10; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 16; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, л. 56.

[11] Только рожь была предметом сплава Михаила-Иеронима Радзивилла из Тимкович в Крулевец (1790 г.) и Сапеги из Высокого в Гданьск (1796 г.). ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4962, л. 96; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1282, лл. 1—10.

Отчеты «верхних сплавов» позволяют судить о структуре магнатского импорта. Ввозившиеся из-за границы магнатами товары можно разделить на три категории: предметы личного потребления (в том числе предметы роскоши), товары массового спроса и товары, имевшие производственное назначение. В исторической литературе бытует мнение, что феодалы были заинтересованы главным образом в импорте товаров первой группы [12].

Однако анализ архивных документов не подтверждает этой точки зрения. Так, в 1761 г. Александр Сапега доставил в Деречин из Крулевца сукна и пряностей на 3333 злотых (29,5% стоимости всех ввезенных им товаров), соли на 5328 злотых (47,2%) и товаров производственного назначения на 2635 злотых (23,3%). В числе купленных им товаров значатся: железо, свинец, котлы, железные и скобяные изделия, стекло. Юзефу Радзивиллу поступило в 1783 г. из того же порта в Клецк и другие его владения 640 бочек соли на 15 039 злотых, 6 бочек сельди гетеборгской (шведской) и 2 бочки сельди голландской, предметы личного потребления: вина, дорогая водка, ткани. Кроме этих товаров, им были привезены железо, медные котлы и трубы для винокурения, свинец. В 1788 г. из Крулевца во владения Андрея Огинского ввезены следующие товары: соль лиссабонская — 20 лаштов, гетеборгская — 24 бочки, железо. Подобные товары завозил Франциск Сапега из Гданьска в Высокое-Литовское. Наряду с французским вином и английским пивом сюда было доставлено множество производственных товаров (железо, английская жесть, стекло, стеклотара), а также соль прусская и гетеборгская. В Высокое и Деречин в 1794—1797 гг. привозились из Гданьска и Крулевца оборудование для промышленных предприятий, веялки [13].

Сухопутные внешнеторговые связи магнатских хозяйств имели второстепенное значение. Наиболее существенным был пригон волов с Украины, закупавшихся торговыми агентами магнатов в Бердичеве для последующего откорма [14].

[12] См. В. И. Пичета. Основные моменты развития Западной Украины и Западной Белоруссии, стр. 52.

[13] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6678, лл. 8—10; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 6173, л. 9; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1282, лл. 1—10; д. 1341, л. 63; д. 1427, лл. 1—4; д. 2010, л. 9.

[14] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, лл. 184, 185, 282, 283.

На внутренний рынок поставлялись продукты всех отраслей фольварочного хозяйства и изделия вотчинных предприятий. Как видно из табл. 10, объем реализации ржи в натуре и полученной путем ее переработки водки на внутреннем рынке был значительным, хотя и уступал экспорту (0,3 бочки в расчете на дым). Яровые хлеба, крупа, мука, скот, мясо, птица, шерсть, кожа, семена огородных культур, рыба, излишки сена реализовались преимущественно на внутреннем рынке (поместья Высокое, Деречин, Бытень, Ружаны, Залесье, Клецк, Тимковичи, Лахва, Манкевичи, Туров, Раков и многие другие) [15].

Сельскохозяйственные продукты продавались на местном рынке как в самой латифундии, так и за ее пределами. Для перевозок в порядке повинности привлекались крестьяне. В значительной части исследованных источников содержатся данные, свидетельствующие о регулярной доставке господской продукции в столицу Великого княжества Литовского Вильно. Только из владения Молодечно туда ежегодно направлялось по 452 подводы. Поместья Молодечно, Залесье, Клецк поставляли в Вильно для продажи на базарах рожь, пшеницу, коровье масло и другие продукты сельского хозяйства [16]. Таким образом, Вильно по отношению к западной и центральной Белоруссии играло ту же роль крупнейшего торгового центра, какая в восточной части принадлежала Могилеву и Витебску.

Документы содержат данные о вывозе магнатами продуктов на продажу также и в другие города и местечки Великого княжества Литовского [17]. Продукция из фольварков продавалась оптом и в розницу. Большие партии зерна и скота сбывались на месте по заранее заключенным контрактам или отправлялись в другие города. Розничная продажа убойного скота и семян овощей населению велась на базарах и торжках (Селец, Дере-

---

[15] ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2165, л. 7.

[16] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, л. 86; д. 8437, л. 46; ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 16; ф. 1177, оп. 1, д. 2058, лл. 29, 55; д. 2085, лл. 2—4; д. 3481, л. 21; д. 3501, л. 64; д. 3506, л. 42; д. 3516, лл. 18—19; д. 3575, лл. 1, 5; д. 3737, л. 7; д. 3946, л. 69.

[17] ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 16; ф. 1292, оп. 1, д. 95, лл. 1—4; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 36.

чин, Раков, Залесье и др.) [18]. Молочные продукты и птица реализовались непосредственно на базарах. Весьма часто практиковалась и сдача в аренду молочного хозяйства и птичьих дворов [19].

Наиболее товарной отраслью магнатского предпринимательства было винокурение. В изученных нами 22 имениях 96% водки продавалось на внутреннем рынке. Преобладали две формы сбыта алкогольных напитков. Первая, наиболее распространенная — оптовая поставка откупщикам по контрактам. И вторая — розничная реализация в питейных заведениях самого магната. Эта вторая была прибыльнее, но требовала вложения определенных средств. Некоторые магнаты строили и содержали в управлении своей администрации корчмы, постоялые дворы и гостиницы, в которых продавали спиртные напитки, произведенные на вотчинных винокурнях или привезенные из-за границы. Такие заведения (кафенгаузы, остерии) имелись у Сапег в Зельве и Друе, у Юзефа Радзивилла в Клецке, у Михаила-Клеофаса Огинского в Тетерине, у Антония Тизенгауза в Поставах [20]. Кроме питейных заведений, магнаты содержали торговые точки и склады как в самих латифундиях, так и в королевских городах [21].

Магнаты выступали на внутреннем рынке также и в роли покупателя. Предметами их спроса являлись строительные материалы: кирпич, изразцы, черепица, известь, стекло (Деречин, Несвиж, Клецк, Молодечно, Слуцк, Тимковичи, Раков и другие владения). Расширение

---

[18] В Ружанах в мае 1790 г. отпустили 100 бочек ржи на месте, в Деречине отгрузили 300 бочек сморгонскому купцу. Откормленных в Манкевичах украинских волов Радзивилл продавал клецким купцам партиями по 70 голов (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, лл. 43, 53; РОБВУ, ф. 4-А, д. 1341, л. 36; д. 1514, л. 48).

[19] ЦГИА БССР, ф. 1324, оп. 1, д. 105, л. 71; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2125, л. 8; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 28; д. 3947, л. 9; д. 2085, л. 3.

[20] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 1714, л. 418; д. 6683, лл. 7—8; оп. 3, д. 53, л. 292; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3530, л. 1; д. 3988, лл. 28—33; ф. 1177, оп. 1, д. 2125, л. 4; ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 7; ф. 1292, оп. 1, д. 95, лл. 1—4; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, л. 33; д. 1341, л. 52; д. 2010, л. 7.

[21] Огинский содержал торговый склад на Лукишках в Вильно, склад и амбар на Сольце под Варшавой, а Тизенгауз — торговый склад в Поставах для реализации полотна и скобяных изделий (ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 211, л. 1; ф. ДА, д. 3988, лл. 28—33).

строительства вынуждало магнатов докупать по рыночным ценам и такие товары, которые обычно производились в их же имениях (балки, смола, колесная мазь, сажа), так как в нужный момент этих изделий в их собственных хозяйствах не хватало. На внутреннем рынке закупались также полосовое железо, железные изделия, металлическое оборудование винокурен, мельниц и лесопилок (Залесье, Высокое, Тимковичи, Раков и др.), сырье для вотчинных предприятий: зерно, шерсть, красители, сахар и т. п.[22]

Магнаты покупали на ярмарках также лошадей, волов рабочих и для откорма, свиней для разведения и на откорм. Мед, лен, льняное семя приобретались ими отчасти для хозяйственных нужд, отчасти для перепродажи (после некоторой обработки). В числе покупаемых продуктов значились говяжий жир, свиное сало, щетина, сено, солома[23].

Хозяйственная активность магнатов, выходившая за пределы собственного фольварка, охватывала не только промыслово-предпринимательскую, но и торгово-посредническую деятельность. В ней выделялись два направления. Во-первых, магнаты продавали в натуральном или отчасти переработанном виде продукты, которые получали от крестьян в виде натурального оброка либо по дешевке скупали у них для последующей перепродажи. Во-вторых, они ввозили из-за границы или из других районов Белоруссии ряд товаров для перепродажи населению. В обоих случаях коммерческая сторона дела сочеталась с грубой феодальной эксплуатацией. Последняя выражалась как в установлении принудительных цен, так и в приоритете магнатов в купле-продаже. Такая система ущемляла крестьянское хозяйство.

Главной статьей торгового посредничества магнатов была импортная соль. Ее продавали крестьянам своих

---

[22] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, л. 4; оп. 3, д. 53, лл. 203, 327, 346; ф. 1324, оп. 1, д. 105, л. 67; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2125, л. 8; д. 3314, л. 1; д. 3516, л. 25; ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 29; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1162, лл. 22, 34; д. 1275, л. 38; д. 1341, лл. 22—37; д. 2010, л. 9.

[23] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, лл. 36, 37; оп. 3, д. 25, лл. 125, 126; д. 55, л. 5; ф. 1324, оп. 1, д. 105, л. 69; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3530, л. 15; ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 16; ф. 1177, оп. 1, д. 1316, лл. 3, 4; ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 30; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, лл. 6, 7.

волостей [24]. Сложные посреднические операции с солью, льносеменем и пенькой производились в Черессе (1788 г.) [25]. Кроме соли, магнаты перепродавали закупленные ими сельдь, табак, железные сошники, скот (Высокое-Литовское, Деречин, Россь, Молодечно). Пенька и мед, полученные в виде оброка, также частично продавались [26].

Выяснив структуру и направление внешних и внутренних рыночных связей магнатского поместья, сопоставим их по объему. В соответствии с данными табл. 10 это соотношение по ржи составляет приблизительно 7 : 3. Более полные сведения содержит табл. 11, в которой учтено также внутрихозяйственное потребление. На долю последнего приходилось 23% всего производства ржи, в то время как экспорт ее поглощал 57, а внутренний рынок — 20%. В этих цифрах свидетельство высокого уровня товарности производства ржи, ориентации магнатского поместья на преимущественный сбыт ее за границу.

Однако в хлебном балансе магнатов значительное место занимал и внутренний рынок, хотя между отдельными поместьями заметны различия в уровне товарности ржи и в характере рыночных связей. Как подтверждают табл. 10 и 11, наибольшей товарностью ржи выделяются юго-западные поместья. Владения, не участвовавшие в хлебном экспорте, давали самые высокие показатели по расходу ржи на винокурение.

---

[24] В Тимковичах только за 1778 г. выручка от продажи соли составила 11 909 злотых. Принудительная продажа соли по раскладке применялась во всех владениях Карла Радзивилла, а также в вотчинах Сапег (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, лл. 36, 37; д. 8438, л. 29; РОБВУ, ф. 4 А, д 1341, л. 68).

[25] Владелец этого поместья скупал осенью в Друе на базаре льносемя по 5 злотых за пуру, а в Риге продавал по 14, пеньку скупал по 80 злотых, продавал по 104 злотых. Возвращавшиеся из Риги по санному пути подводы доставляли ему соль, закупленную по цене 14 злотых за бочку, и отвозили ее на базар в Глубокое, где она продавалась по 26 злотых (ЦГИА ЛитССР, ф. 525, оп. 8, д. 1225, лл. 15, 16).

[26] ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3506, л. 42; д. 3516, лл. 18, 19; д. 3572, л. 23; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 20, 21; д. 2010, л. 4; оп. 3, д. 53, лл. 301, 351; «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 409.

2. ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЛАТИФУНДИЯМИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

Рассмотрение земельной собственности и землевладения магнатов позволило выявить тенденцию перехода части поместий, принадлежавших старой знати, во владение представителей денежно-предпринимательской верхушки среднепоместной шляхты. Однако и к концу XVIII в. магнаты сохранили преобладающую часть своих латифундий. Отдельные из них предпринимали попытки ликвидации аренды и, если позволяли средства, выкупали заложенные имения (Несвиж, Тимковичи, Давид-Городок) [27].

Имениями, которыми магнаты владели сами, управляла наемная администрация. Важнейшей чертой такого управления являлась высокая степень его концентрации. Так, Койдановское графство Карла Радзивилла в Минском воеводстве, находившееся в посессии кн. Воронецкой, насчитывало в 1790/91 г. около 1300 волок (26 тыс. десятин) пахоты и 2324 крестьянских дыма [28]. Владение Клецк Юзефа Радзивилла состояло к 1790 г. из 15 имений. Общая площадь пахоты достигала 2 тыс. волок (около 40 тыс. десятин). В графстве Тимковичи, принадлежавшем кн. Михаилу-Иерониму Радзивиллу (Новогрудский повет), по данным землемерного обмера, в 7 имениях и 30 деревнях насчитывалось 1105 волок, или свыше 22 тыс. десятин пахоты (1778 г.). Общая же площадь всех земель этого графства, включая сенокосы, пастбища, леса и неудобные земли (без пущи), составляла 1762 волоки, т. е. свыше 35 тыс. десятин. На этой территории находилось 1626 крестьянских дымов [29].

Александр-Михаил Сапега владел в западной Белоруссии наряду с другими латифундиями двумя рядом расположенными графствами Ружанским и Деречинским, каждое из которых управлялось в централизованном порядке. В Деречине было 14 имений и 55 деревень с 959 волоками обрабатываемых земель и населением

---

[27] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1706, л. 1; д. 1707, л. 1; д. 1708, л. 1; д. 1711, л. 1; д. 1714, лл. 1—124; д. 1913, лл. 49, 254; д. 2262, л. 2; д. 5006, лл. 104. 112; д. 5045, лл. 18—48; д. 5060, лл. 1, 32; д. 5084, лл. 5—6; д. 8418, л. 21; д. 8426, л. 2; д. 8433, л. 1; д. 8435, л. 1; д. 9259, лл. 2, 8, 9, 13, 43, 53, 67, 77; д. 10979, лл. 1—3.

[28] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3377, лл. 1—4.

[29] Там же, д. 6673, лл. 127—130; д. 8437, лл. 1—57.

свыше 10 тыс. человек в 1508 дымах. Ружанское графство уступало Деречинскому не более чем на одну треть [30].

Основной территориально-хозяйственной единицей магнатского владения являлась крупная латифундия, именовавшаяся «графством» или «княжеством». Она делилась на более мелкие единицы — «ключи», имевшие свою администрацию, но не обладавшие хозяйственной самостоятельностью. В состав «ключа» входило два или несколько фольварков. Некоторые графства не имели ключей и состояли из отдельных фольварков с прикрепленными к ним деревнями.

Архивные документы позволяют установить структуру управления, фактически действовавшую во владениях виднейших магнатов Белоруссии. Она состояла из трех ступеней: центрального аппарата, управления фольварками и сельской администрации. В Несвижском княжестве, главном владении рода Радзивиллов, в 1790 г. управление возглавлялось «экономом». Ему подчинялись «подстаросты», ведавшие отдельными фольварками. Они вели хозяйство, руководствуясь инструкцией, изданной для них главным управлением, и указаниями эконома. Отдельные фольварки (Свержень) возглавлялись «наместниками», выполнявшими те же функции, что и подстаросты. Важную роль в местном управлении играл «писарь по доходам» (Несвиж), он совмещал функции бухгалтера, кассира и контролера [31].

Аналогичным было управление и в других владениях главной линии Радзивиллов. Одна из крупнейших их латифундий — Слуцкое княжество управлялось «генеральным экономом». Оно делилось на три ключа: Иванский, Старчицкий и Погостский во главе с «администраторами» (1761 г.). Несколько позже вместо «генерального эконома» была введена должность «комиссара княжества» Слуцкого и Копыльского (1768 г.) [32].

Внутри фольварков, сочетая распорядительские функции с личным трудом, хозяйство вели тиуны («гуменные»), ведавшие амбаром, посевами и обмолотом зерна,

---

[30] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11778, лл. 72—480; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 221, лл. 1—82.

[31] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9102, л. 56; д. 10816, лл. 1—3.

[32] Там же, оп. 1, д. 334, л. 9; оп. 3, д. 38, л. 1; оп. 7, д. 523, лл. 66, 67.

экономки («господыни»), занимавшиеся скотным двором, молочной продукцией, домашним ткачеством, овчары и др.

Местные органы подчинялись главному управлению всеми владениями князя. Главный управляющий именовался «генеральным комиссаром». В состав главного управления входили комиссары или ревизоры, производившие ревизии экономий, ключей и фольварков, бухгалтер, а также должностные лица, ведавшие отдельными отраслями хозяйства. Важнейшим среди них считался генеральный комиссар по сплаву. Он не только вел все экспортные операции, определявшие весомую часть княжеского бюджета, но руководил также теми отраслями производства, которые поставляли продукты на продажу. Самостоятельную отрасль управления составляло княжеское лесное хозяйство. Им ведали лесничие и ловчие с подлесничими и подловчими. Дорожным строительством занимались мостовничие [33].

Фольварочное управление опиралось на должностных лиц сельской волости: войта, подвойского, лавников, десятников, представлявших подчиненную господскому двору крестьянскую общину [34].

Администрация других магнатских владений второй половины XVIII в. имела много общего с радзивилловской [35].

Наиболее четкой организацией отличалось управление во владениях Антония Тизенгауза. Администрация его вотчин (Поставы, Каменка, Бытень) была сходной с системой, введенной им же в королевских экономиях [36]. В Поставах весь аппарат делился на 5 «департаментов»: главного управления (бухгалтер, канцеляристы, землемер), губернаторский (губернатор, писарь, строитель, заведующий складами), «фабричный», питейный («кабацкий и винокуренный») и бумагоделательный. В трех

---

[33] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, лл. 2—10; оп. 2, д. 9102, л. 56; д. 10816, лл. 1—3; д. 10839, лл. 10, 11, 12; оп. 7, д. 523, лл. 66, 67; д. 685, л. 193.

[34] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. Вильнюс, 1956, стр. 143—146.

[35] ЦГИА ЛитССР, ф. 1324, оп. 1, д. 44, л. 5; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, л. 41; д. 1282, лл. 3, 4; д. 1341, лл. 2—9; д. 1410, лл. 2—19; д. 1466, лл. 1—17; д. 1514, л. 50.

[36] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., стр. 167, 168.

последних руководителями работ являлись мастера. Кроме административного персонала, во всех департаментах, не исключая губернаторского, числились мельники, плотники, винокуры, работники лесопилки и др. Весь этот персонал делился на классы: от 1-го — губернатор, до 9-го — винокур. Особое место занимал подлесничий [37].

Появление во второй половине XVIII в. в магнатских поместьях новых специализированных управлений, ведавших отдельными производствами, вместо прежних администраторов с универсальными функциями отражало глубокие изменения, происшедшие в хозяйстве. Особое управление производственными предприятиями, питейными и общетоварными складами, внешнеторговыми оборотами мы находим и у Сапеги, и у Огинских, и у Радзивиллов. «Количество служащих должно быть пропорциональным количеству задач»,— гласила «Экономическая инструкция» 1786 г. [38] А поскольку в последнее десятилетие XVIII в. количество служащих в магнатских вотчинах непрерывно возрастало, можно сделать вывод об увеличении задач, которые приходилось решать администрации, а стало быть, о развитии поместного хозяйства.

Изменения коснулись также делопроизводства и учета. Как свидетельствуют источники, вторая половина XVIII в. отличалась значительным усложнением учета в магнатских поместьях. В имениях были заведены кассовая книга, реестры скота со всеми происходящими изменениями, амбарная книга по зерну и другим продуктам, приходо-расходные ведомости по посевам, переработке и реализации продуктов, ежедневный журнал-дневник эконома, книга использования барщинных дней. Отпуск продукции или передача ее из одного фольварка в другой и на центральные склады производились экономами только по письменным распоряжениям — «ассигнатам» магната или главного управления имениями. Внутри хозяйства всякий отпуск материальных ценностей, любые денежные выплаты удостоверялись квитанциями и расписками. Например, молочные продукты и птица для стола Франциска-Ксаверия Огинского от-

---

[37] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 22, 23.
[38] S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 260.

пускались из его фольварков по «кухонным распискам» [39].

Учет низших звеньев аппарата контролировался и дополнялся персоналом среднего звена. Писарь по доходам, кассир, бухгалтер вели ряд книг по отдельным фольваркам и всей латифундии в целом, постоянно сверяя их с первичными данными. Экономы имений представляли в управление графства для проверки свои документы, а также месячные, полугодовые и годовые отчеты.

Из книг важнейшими являлись берчаки и книги учета барщинных дней, определявшие взаимоотношение фольварка с крестьянами. Книги учета барщинных дней появились лишь в последней трети XVIII в. По более раннему периоду они отсутствуют, и в архивных описях, составленных в XVIII в., о них нет упоминаний. Эти книги отличались точностью и пунктуальностью записей. В них содержался перечень выполняемых крестьянами самых различных работ с указанием (в днях) количества затраченного времени.

Столь тщательный учет барщины свидетельствовал прежде всего о стремлении максимального ее использования для растущих нужд магнатского хозяйства и вместе с тем о ее нехватке. Одновременно регистрация барщинных дней как составная часть калькуляции сельскохозяйственных работ и строительства выражала новое отношение к рабочей силе, которая переставала быть только даровым источником дохода землевладельца и начинала рассматриваться как одно из существенных вложений в производство, приобретавшее денежное выражение. Это особенно ярко начало проявляться в последнее десятилетие XVIII в., когда натуральные вложения в хозяйство магнатских поместий стали переводиться на денежный эквивалент, чего ранее не наблюдалось. На деньги переводились израсходованные сырье, продукты питания, бесплатная барщинная рабочая сила. На основании подсчета в денежном выражении составлялись калькуляции, определявшие доходность имений, самоокупаемость промышленных предприятий, целесообразность дальнейших вложений. В акте ревизии графства Друя, к примеру, чистая прибыль от винокурения

[39] ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2085, л. 4.

исчислена с учетом амортизации оборудования и рыночных цен сырья, хотя это производство было рассчитано на переработку зерна, произведенного в фольварках того же владения (1793 г.) [40].

Для 80—90-х годов XVIII в. характерны оценки доходности магнатских имений, основанные на денежном учете, включающем натуральные поступления и расходы (Бытень, Каменка, 1783 г.) [41]. На рубеже XVIII и XIX вв. практиковалась и общая оценка магнатских владений путем капитализации 20-летнего дохода из расчета ежегодного дохода имения в 5% капитала [42]. С. Д. Сказкин отмечает, что с развитием товарно-денежных отношений рента превратилась в процент на капитал, затраченный на ее приобретение [43].

В этой связи заслуживает внимания и частое сопоставление в экономических выкладках магнатов долговых процентов, выплачиваемых залоговыми владельцами, и дохода имений, а также их оценки [44]. Напрашивается вывод, что к концу XVIII в. в представлении самих магнатов и их администрации земельное владение уже потеряло в значительной мере свою самодовлеющую ценность, свойственную понятиям развитого феодализма. Оно превратилось в ценность товарную, в источник дохода, приравниваемый к денежному капиталу.

Во второй половине века вся деятельность магнатского управления осуществлялась на основании упоминавшихся выше письменных инструкций, которые издавались самим владельцем или от его имени главным управлением. Инструкции, ведущие свое начало с XVI в. (в какой-то мере инструкцией была и сама волочная Устава), получили широкое распространение в частном землевладении во второй половине XVIII в. По более раннему периоду как в публикациях, так и в архивах

---

[40] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 3463, л. 30; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 21, 22; ф. 1177, оп. 1, д. 2072, л. 5; д. 2085, лл. 3, 4; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, л. 46.

[41] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3991, л. 11; д. 4010, лл. 9, 10.

[42] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 523, лл. 4—7; 32, 35, 111; ЦГИА ЛитССР, ф. 459, оп. 2, д. 1644, лл. 2—6; ф. 1274, оп. 1, д. 7, л. 8 а; д. 330, лл. 1—8.

[43] С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века, стр. 181.

[44] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 10842, л. 1; д. 10889, лл. 1—18; оп. 7, д. 523, лл. 7, 15.

обнаружены лишь единичные документы этого вида. По своему содержанию инструкция охватывала два круга вопросов: общие принципы ведения хозяйства (во второй половине XVIII в.— в духе физиократов) с обязательными рекомендациями лучших приемов и методов и административные предписания о порядке управления. В них устанавливался круг обязанностей отдельных должностных лиц, содержались предписания о делопроизводстве, учете, сроках и порядке отчетности, определялись служебные взаимоотношения между представителями администрации. Нарушение инструкции влекло за собой материальную ответственность должностных лиц и могло явиться основанием для их увольнения [45].

Значительное место в инструкциях отводилось отношениям фольварочной администрации к крестьянам и обязанностям, возлагавшимся на низовую сельскую администрацию. От десятников требовалось осуществление жесткого полицейского надзора за поведением крестьян. Они должны были «как в зеркале» видеть всю жизнь каждого крестьянина, знать о его успехах и неудачах дома и за его пределами и немедленно доносить в господский двор обо всем предосудительном. Эконом имел в деревнях «доверенных и преданных лиц», которые доносили ему о поведении крестьян [46]. Введение шпионажа за крестьянами в норму «закона» свидетельствовало об обострении классовых противоречий, явившемся прямым следствием попыток магнатов рационализировать хозяйство за счет усиления крепостнической эксплуатации.

Контроль за выполнением инструкций и предписаний магната или его главного управления возлагался на специальных ревизоров (люстраторов), которые периодически объезжали имения, проверяли состояние учета, уровень ведения хозяйства, формулировали предложения по его улучшению, повышению доходности. В актах люстраций, составленных ревизорами по Деречину и Друе (1794—1795 гг.), содержатся такие рекомендации, как открытие железоделательного предприятия, ликвидация одних и создание других фольварков и т. п. [47]

[45] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 632, лл. 1—6; S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 44—72, 251—257.

[46] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5920, л. 19; S. Pawlik. Polskie instruktarze..., t. 1, str. 230, 231.

[47] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, лл. 3—48; д. 1410, лл. 3—27.

Наконец, немалую роль в управлении играл сам магнат. Карл Радзивилл вел оживленную переписку с комиссаром Донатом по самым разнообразным хозяйственным вопросам (1767—1768 гг.) [48]. Антоний Радзивилл в письмах администратору Дешине обращал его внимание на все детали хозяйства [49].

Губернатор или эконом графства в свою очередь направлял письменные распоряжения экономам и подстаростам фольварков. Важнейшим средством личного контакта с ними губернатора были еженедельные «экономические сессии», практиковавшиеся во многих латифундиях (Несвиж, Тимковичи, Деречин, Ружаны и др.) [50]. На них администраторы отдельных имений отчитывались за использование барщинных дней минувшей недели, состояние сельскохозяйственных и строительных работ, наличие той или иной продукции. Здесь же получали и новые задания на следующую неделю, разнарядки на рабочую силу. Распоряжения губернатора вносились в книгу, носившую название «протоколов еженедельных экономических сессий».

Сохранившиеся протоколы сессий Деречинского и Ружанского графств за 80—90-е годы XVIII в. раскрывают картину практической деятельности администрации магнатского поместья. Из них явствует, что крупная латифундия, насчитывавшая по 10 и более имений, управлялась централизованно, как единое хозяйственное целое. Структура посевов определялась по единому плану с взаимными поставками зерна из одного фольварка в другой. То же касалось и сена. Скот распределялся по фольваркам в зависимости от характера угодий, времени года, наличия кормовых запасов и пастбищ. Фольварки специализировались: одни — на молочном хозяйстве, другие — на откорме скота. Зерно и другие продукты для рыночной реализации поставлялись фольварками по разнарядке. Промышленные предприятия по переработке сырья планировали объем производства исходя из возможностей всех волостей латифундии, а иногда и других владений. Рабочая сила учитывалась в масштабе всей вотчины. Широко практиковалась переброска рабочей силы из одного имения в другое не только на строи-

---

[48] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 1, д. 334, лл. 2—8.
[49] Там же, оп. 3, д. 70, лл. 26, 32, 68.
[50] Там же, оп. 2, д. 9102, л. 56; оп. 3, д. 47, л. 22; д. 68, л. 2.

тельные и извозные, но и на полевые работы, причем барщинный и наемный труд сочетались в различных комбинациях, взаимно заменяя и дополняя друг друга в зависимости от текущих хозяйственных нужд и наибольшей эффективности[51].

В свете приведенных данных магнатское поместье конца XVIII в., находившееся в управлении собственной администрации, предстает перед нами как товарное хозяйство, стремившееся приспособиться к рынку и приобретавшее, таким образом, некоторые черты, сходные с организацией буржуазного поместья. Вместе с тем протоколы экономических сессий раскрывают и слабые стороны магнатского хозяйства, заложенные в его крепостнической основе. Несмотря на все усилия администраторов владений Сапег, пытавшихся применить на практике достижения агрономической науки, богатое и слаженное хозяйство испытывало серьезные трудности. Подневольный труд крепостных давал мизерные результаты. Хотя по всем расчетам, основанным на принятых нормах выработки, рабочей силы казалось достаточно, на деле же ее не хватало. Намеченные сроки завершения работ срывались, их качество зачастую было неудовлетворительным. Не помогали никакие предупреждения экономам о грозящей им немилости князя, о материальной и личной ответственности. В этих наиболее развитых имениях уже во второй половине XVIII в. крепостное право становилось тормозом на пути дальнейшего экономического прогресса.

Слабые стороны магнатского хозяйства отчетливо выступают и в самой его организации. Стремясь сохранить барщинную основу хозяйства, магнаты все более и более расширяли аппарат управления. Раздутый аппарат не только дорого стоил. Он становился неповоротливым, да к тому же и обворовывал своего «благодетеля». В документах встречаются указания на то, что подстаросты использовали барщину в своих личных интересах, пьянствовали на средства крестьян, брали от них взятки. Мартин Белашевич, губернатор Бельского графства Доминика Радзивилла, проворовался к 1795 г. на 9537 злотых. Администратор Друйского графства Александра Сапеги девять лет разбазаривал зерно и занижал в от-

---

[51] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 1—82; д. 1514, лл. 1—50.

четах данные об урожаях [52]. Одним из средств борьбы со злоупотреблениями, а также мерой повышения активности административного персонала некоторые магнаты считали детальную разработку обязанностей должностных лиц. Во владениях Михаила-Иеронима Радзивилла существовали подробнейшие инструкции для эконома, писаря по доходам, писаря по винокурению, писаря гуменного, бухгалтера, кассира. Даже для неграмотных сельских войтов была разработана и отпечатана в типографии непомерно длинная инструкция. Одна из радзивилловских инструкций требовала, к примеру, очистку зерна производить только в присутствии гуменного писаря. А чтобы тот успел приехать в каждый фольварк, сроки обмолота определялись по графику, заранее составленному губернатором [53]. Конечно, подобные предписания лишь тормозили выполнение текущих хозяйственных работ.

Ознакомление с эволюцией системы управления латифундиями проливает свет на характер магнатского поместья Белоруссии конца XVIII в. Сложившаяся система была порождена развитием производительных сил в магнатском поместье и в то же время она отражала зарубежную практику. На определенном этапе она способствовала дальнейшему развитию поместного хозяйства, повышению его товарности, росту доходов, хотя и не могла преодолеть тех трудностей, которые обусловливались противоречием между развитием экономики поместья и его крепостнической основой.

3. ФЕОДАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ

Получение прибавочного продукта за счет труда крестьянина — конечная цель всей хозяйственной и административной деятельности феодального землевладельца. Эта цель достигалась главным образом посредством взимания феодальной ренты в виде барщины, денежного чинша и натурального оброка, а также косвенно, с помощью использования монополий и баналитетов.

Эволюция феодальной ренты в магнатских владениях изучалась нами ранее в плане истории крестьянства.

---

[52] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 219, л. 16; д. 9102, л. 56; оп. 7, д. 632, л. 3; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1275, л. 41.

[53] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, лл. 13, 14, 80, 81.

В настоящее время возникает необходимость осветить ее в ином ракурсе, с позиций поместного хозяйства, привлекая к этому новые документы, полученные из советских и польских архивов. В центре внимания мы ставим сейчас отработочную ренту, так как она определяла характер поместья: было ли оно сеньоральным или основанным на господском хозяйстве.

Выше уже говорилось о том, что процесс восстановления фольварочно-барщинного хозяйства в магнатских владениях был завершен к 50-м годам XVIII в., хотя перевод чиншевых крестьян на барщину еще продолжался. Крестьян переводили в разряд тяглых в индивидуальном порядке, деревнями и целыми волостями. В связи с этим существенный интерес приобретают данные географического распространения барщины. Для их получения автором произведены два расчета. Один осуществлен на основании тарифа подымного налога 1790 г. и охватывает все крестьянство 15 белорусских поветов, оставшихся после 1772 г. в границах Великого княжества Литовского (табл. 12). Другой содержит данные только о крестьянах 50 магнатских владений, по которым имеются сопоставимые архивные материалы (табл. 13). Расчеты дают следующую картину. Из общего количества крестьянских сельских дымов (жители местечек здесь не учтены.— *П. К.*) в белорусских поветах княжества тяглых было 72% [54]. Выше этой цифры показатели юго-западных поветов: Брестского, Гродненского, Волковысского, Слонимского, Пинского (80—93%). На среднем уровне находились поветы центрального пояса Белоруссии, протянувшиеся от Ошмянского и Лидского к Минскому, южной части Полоцкого до Мозырского (54—74%). И наконец, расположенные на севере и востоке Браславский, Оршанский и Речицкий поветы насчитывали менее половины тяглых дымов (43—49%). Иначе говоря, в них преобладала оброчная система феодальной эксплуатации.

Как видно из табл. 13, удельный вес тяглых дымов по магнатским владениям в целом оказался несколько ниже. Территориальное же распространение барщины подчинялось тем же закономерностям, что и во всех фео-

---

[54] Такие же результаты были ранее получены Г. Ловмяньским. (H. Łowmiański. Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach (do r. 1795), str. 66).

дальных владениях Белоруссии. Наиболее высокий процент тяглых был на юго-западе — 76%, меньший — 59% в средней полосе и самый низкий, ниже половины — 34% на северо-востоке. Таким образом, область распространения барщины в магнатских владениях полностью совпадала с показателями товарности поместья. Магнатский фольварк — порождение роста товарно-денежных отношений. Там, где эти отношения были развиты больше, более высоким оказывался удельный вес фольварочного хозяйства и барщины. Там, где они слабее проникали в экономику латифундистов, последние в большей мере опирались на сеньоральные права, на натуральный оброк и денежный чинш. В специфических условиях изучаемой нами территории чинш не означал еще высшей ступени развития феодального поместья, а представлял собой более ранний этап, на смену которому шел фольварк с дворянским предпринимательством его владельца. Расходясь по радиусам от Бреста и Гродно, барщинная система после завершения процесса восстановления хозяйства на протяжении второй половины XVIII в. продвигалась к северу и востоку.

Так, в 60-е годы XVIII в. появление или увеличение барщины в связи с возникновением новых фольварков отмечается на восточной окраине Новогрудского воеводства (Дороги, Уречье), в 70-е — на Браславщине (Дрисвяты), в 80-е — возле новой границы с Россией, в Оршанском повете (Тетерин) [55]. Напомним в связи с этим, что, как известно, фольварочно-барщинная система хронологически раньше развилась и приняла еще большие масштабы в Польше и восточной Германии. Поэтому не следует, на наш взгляд, рассматривать переход к фольварочно-барщинной системе на востоке Белоруссии и укрепление ее в центре и на западе в конце XVIII — начале XIX в. лишь как результат реакционной политики царизма. Развитие ее в этом направлении шло под влиянием экономического закона, действовавшего в период позднего феодализма в Восточной Европе, содержание которого раскрыто в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Политический фактор мог способствовать такому развитию, но не оказывал на него определяющего

---

[55] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2055, л. 82; д. 9014, лл. 157—172; ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 36, лл. 4, 5; AGAD, AR, XXV, s. 821, k. 2; s. 823, k. 8; s. 904, k. 1.

влияния. Говоря о феодализме, Ф. Энгельс отмечал, что политические средства «только содействуют усилению и ускорению необходимого экономического процесса»[56].

Что же касается чиншевой реформы, проведенной графом Иоахимом Хрептовичем в его владениях Щорсы и Негневичи, то на рассматриваемой территории она была единичным явлением. Оценка реформ Хрептовича уже дана Д. Л. Похилевичем, а сами реформы широко освещены в научной литературе[57].

Вторая половина XVIII в. характерна не только переводом на барщину прежних, чиншевых крестьян Белоруссии, но и возложением отработочных повинностей на другие категории феодально-зависимого населения, которые ранее ими почти или вовсе не обременялись. Это были прежде всего земяне, бояре, крестьяне-слуги, а также жители местечек. Процесс утери боярами и крестьянами-слугами их прежнего привилегированного положения обстоятельно освещен Д. Л. Похилевичем[58]. Нами же прослежено по магнатским владениям Белоруссии распространение отработочной ренты на часть земян, бояр, прежних крестьян-слуг[59]. Как видно из документов, мещане ранее только платили чинш и выполняли очень ограниченное число отработочных повинностей. К концу же XVIII в. объем их повинностей заметно расширился.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что одним из главных направлений эволюции феодальной ренты в магнатских владениях Белоруссии второй половины XVIII в. было значительное увеличение численности тяглых крестьян, расширение круга лиц, обязанных выполнять отработочные повинности. Другое направление состояло в увеличении той доли труда, которую тяглые крестьяне вынуждены были отдавать феодалу. Это достигалось путем повышения нормы барщины и интенсив-

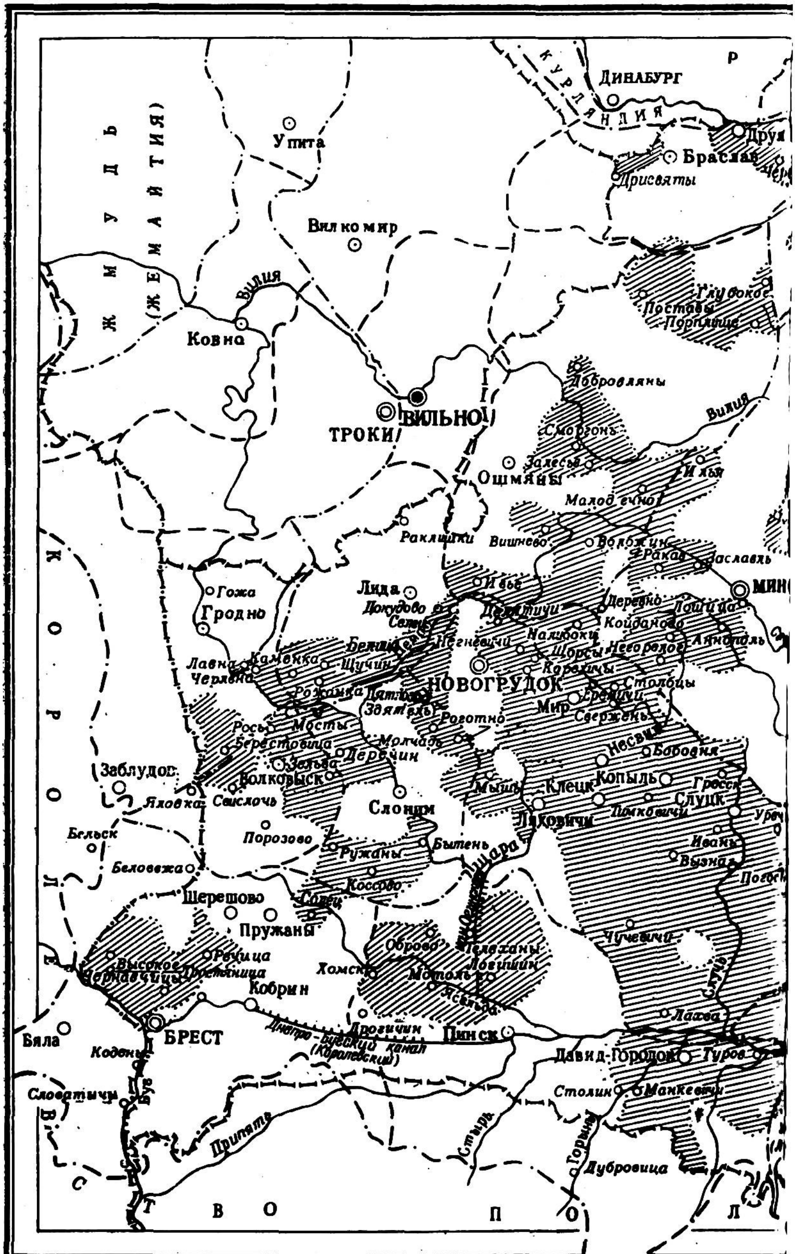
---

[56] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 497, 498.

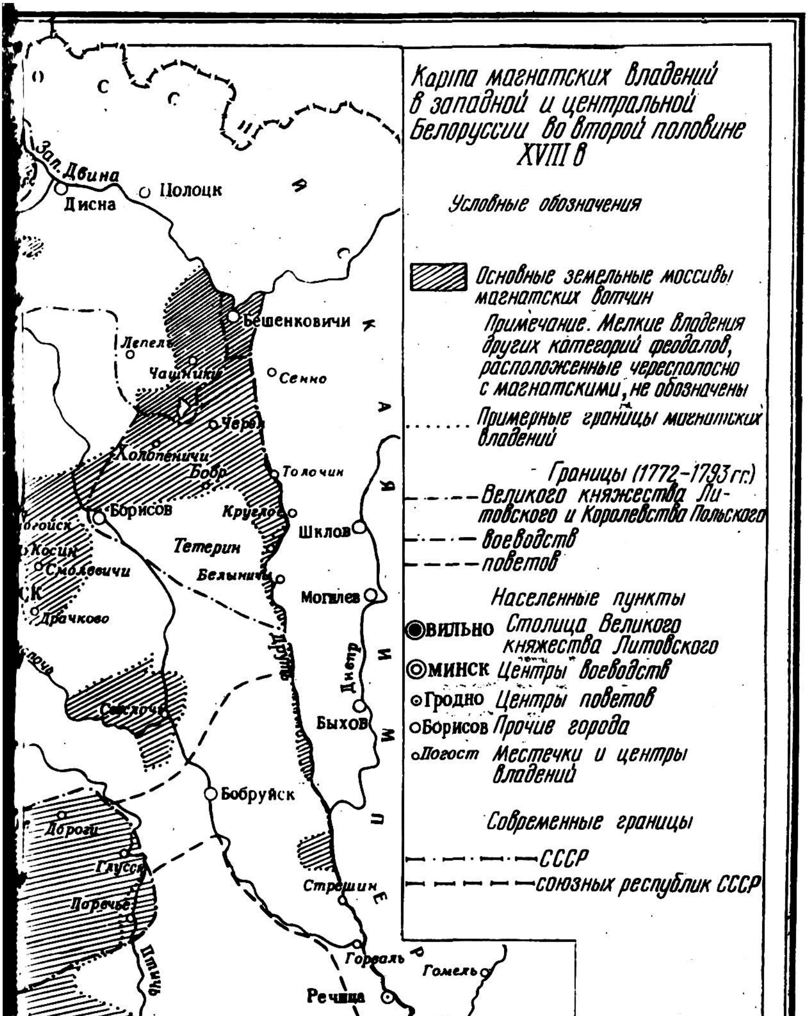
[57] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., стр. 134—137; М. В. Довнар-Запольский. Вотчинное учреждение графа И. Хрептовича, дополненное сыном его Адамом. «Университетские известия». Киев, 1905, № 8.

[58] Д. Л. Похилевич. Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVII—XVIII вв. Сб. «Средние века», вып. 21. М., 1962, стр. 141—168.

[59] П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв., стр. 116—120.

КУРЛЯНДИЯ
ДИНАБУРГ
Браслав
Друя
Дрисвяты
Упита
ЖМУДЬ (ЖЕМАЙТИЯ)
Вилкомир
Вилия
Ковна
Глубокое
Поставы
Порплище
Добровляны
ВИЛЬНО
ТРОКИ
Сморгонь
Залесье
Ошмяны
Ильи
Молодечно
Раклишки
Вишнево
Воложин
Ракав
Заславль
Лида
Ивье
Гожа
Гродно
Докудово
Делятичи
Деревно
Поцица
Койданово
Налибоки
Аннополь
Негневичи
Шорсы
Негорелое
Каменка
Щучин
Лавна
Черлена
НОВОГРУДОК
Кореличи
Столбцы
Рожанка
Мир
Ереничи
Свержень
Росьб
Мосты
Роготно
Берестовица
Молчадь
Несвиж
Зельва
Деречин
Бобовня
Заблудов
Волковыск
Мышь
Клецк
Копыль
Слуцк
Грессk
Яловка
Свислочь
Слоним
Ляховичи
Порозово
Бытень
Иваны
Бельск
Ружаны
Вызна
Беловежа
Шара
Коссово
Шерешово
Пружаны
Чучевичи
Оброво
Телеханы
Речица
Хомск
Логишин
Мотоль
Высокое
Черначичи
Кобрин
Ясельда
Бяла
БРЕСТ
Дрогичин
Пинск
Днепро-Бугский канал (Королевский)
Давид-Городок
Туров
Лахва
Случь
Коденъ
Столин
Манкевичи
Словатычи
Буг
Припять
Стырь
Горынь
Дубровица
ТВО
П О Л

Карта магнатских владений в западной и центральной Белоруссии во второй половине XVIII в
Условные обозначения
Основные земельные массивы магнатских вотчин
Примечание. Мелкие владения других категорий феодалов, расположенные чересполосно с магнатскими, не обозначены
Примерные границы магнатских владений
Границы (1772–1793 гг.)
Великого княжества Литовского и Королевства Польского
воеводств
поветов
Населенные пункты
ВИЛЬНО Столица Великого княжества Литовского
МИНСК Центры воеводств
Гродно Центры поветов
Борисов Прочие города
Погост Местечки и центры владений
Современные границы
СССР
союзных республик СССР
Зап. Двина
Дисна
Полоцк
Бешенковичи
Лепель
Чашники
Сенно
Черея
Холопеничи
Бобр
Толочин
Борисов
Круглое
Шклов
Теперин
Смолевичи
Белыничи
Могилев
Драчково
Друть
Днепр
Быхов
Свислочь
Бобруйск
Дороги
Глуск
Стрешин
Птичь
Горваль
Гомель
Речица
Петриков
Мозырь
Сож
Холмеч
Лоев
Смядынь
Брагин
Каменщина
Чернигов

ности труда. Из всех видов отработочных повинностей лучше всего поддается учету главная их форма — еженедельная барщина тяглых.

Изменения нормы барщины на протяжении второй половины XVIII в. отражены в табл. 14. Как видно из нее, общая закономерность выражалась в росте или стабильности нормы барщины. В последней четверти XVIII в. она составляла от 8 до 16 дней с волоки. Заметно выступало различие по зонам. На юго-западе норма равнялась 12—16 и более дням (Чернавчицы, Лавна, Деречин, Селец), в средней полосе — 8—12 (Несвиж, Клецк, Кореличи, Сморгонь и др.), дальше к северу и востоку — не больше 8 дней (Ивань, Погост, Глубокое).

Таким образом, уровень развития фольварочного производства в каждой географической зоне определял не только удельный вес в ней тяглых крестьян, но и норму барщинных повинностей.

Однако увеличение барщины, нормы которой были зафиксированы в инвентарях, наталкивалось на самое упорное сопротивление крестьянства. Инвентари, как правило, составлялись на месте, нормы повинностей обсуждались с крестьянами на сходках либо с их представителями или по крайней мере объявлялись им. Крестьяне цепко держались «за старину». И это объяснялось не приверженностью их к старине, а стремлением развивать свое хозяйство в условиях роста товарно-денежных отношений, чему мешала барщина. Поэтому всякое нарушение норм, указанных в инвентаре, вызывало массовые жалобы магнату на администраторов и посессоров, которых крестьяне считали виновниками. Только во владениях Карла Радзивилла за 60—80-е годы XVIII в. половина всех поданных крестьянами жалоб содержала протесты против превышения норм барщины[60]. К. Маркс подчеркивал решающую роль традиций в феодальных производственных отношениях. Он писал: «Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон»[61]. Изучая западноевропейское крестьянство, С. Д. Сказкин пришел к выводу, что «самый размер и характер повинностей ста-

---

[60] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4982, лл. 9—24; д. 5001, лл. 31—35; оп. 4, д. 5858, лл. 1—366.

[61] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 357.

новится обычаем, и эти повинности рассматриваются и крестьянами и сеньорами как законные, а отступление от них — как нарушение стародавнего обычая, как нечто противозаконное» [62].

При таких обстоятельствах, несмотря на полное бесправие крепостных, магнаты зачастую избегали открытого повышения нормы еженедельной барщины и изыскивали для увеличения отработочных повинностей различные окольные пути.

Прежде всего они стремились повысить интенсивность труда. Этой цели служили режим рабочего дня и урочные задания. Значительно усилился надзор за процессом труда крестьян на барщине. Появились многочисленные инструкции и предписания, адресованные управляющим, экономам, войтам и даже десятникам. В них содержались указания о выходе в поле на рассвете, об окончании работы только с закатом солнца, о продолжительности дневного отдыха людей и рабочего скота. Вошли в обиход твердые нормы выработки, уроки [63]. Большим злом для крестьян стало авансирование барщины. В страдную пору администрация магнатских владений заставляла их работать на господском поле сверх «положенного» числа дней в неделю.

Еженедельная барщина была основной, но далеко не единственной отработочной повинностью. Она дополнялась «толоками» — «гвалтами», «сторожевщиной». Так, в Чернавчицах в 1792 г. отработано крестьянами всего 153 430 дней, из которых на еженедельную барщину приходилось 109 564 дня (71%). Соответственно в Ракове на барщину в 1789 г. приходилось 89%, в Залесье в 1783 г.—89; в Молодечно в 1797 г.—91% [64]. Таким образом, только толоки и сторожевщина отнимали от 10 до 30% времени, отработанного крестьянами в магнатских имениях. Кроме того, существовала еще «подводная» (гужевая) повинность. Хотя в инвентарях фигурировали определенные нормы гвалтов и подвод, на деле же к их

---

[62] С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века, стр. 110.

[63] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, лл. 22—55, 57—60, 74, 75, 80, 81.

[64] Там же, д. 53, л. 26; оп. 2, д. 9409, лл. 1, 2; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2072, лл. 23—24; д. 5802, л. 71; ф. 1274, оп. 1, д. 7, лл. 6, 7.

выполнению привлекали по первой надобности. Развивающаяся торговля увеличивала объем грузов и количество перевозок. Рост товарности магнатского поместья прежде всего сказывался на объеме дополнительных повинностей, поскольку они являлись как бы разовыми, и увеличить их магнату было легче, чем норму барщины. По материалам литовской деревни того же периода М. А. Ючас определил, что рост отработочной ренты происходил главным образом за счет авансирования барщины, увеличения толок, молотьбы и подвод [65].

Приведенные выше данные в достаточной степени характеризуют динамику отработочной ренты того времени.

Поскольку в исторической литературе не всегда четко проводится хронологическая грань между процессом восстановления и нового развития в XVIII в., возникает необходимость обратиться к сведениям более раннего периода, предшествовавшего войнам и разорению. Согласно документам, проанализированным Д. Л. Похилевичем, барщина в частновладельческих поместьях Брестского, Слонимского, Лидского поветов к середине XVII в. составляла по 6 дней с волоки в неделю (Витулин — 1633 г., Люшнево —1646 г., Щара —1653 г., Раклишки — 1654 г.) и лишь в Ельне в 1652 г.—8 дней. Прежде, в конце XVI в., она была намного ниже: в Дятлове в 1580 г.— 2 дня в неделю, в Бытене в 1570 г. и Косове в 1597 г.—3 дня. Почти все перечисленные владения принадлежали магнатам Глебовичу, Сапеге, Острожскому, Ходкевичу [66].

Барщина в Люшнево в 1760 г., Деречине, частью которого являлась Щара, в 1794 г., Дятлове в 1784 г. равнялась 12 дням с волоки, в Бытене в 1783 г.—8 дням. Еще выше она была в Чернавчицах в 1755, 1791 гг.— 16 дней, в имениях Лидского повета — в Докудове в 1780 г. и Сельце в 1774 г.—8—20 дней [67]. Норма барщины во второй половине XVIII в. значительно превысила тот уровень, которого она достигла к середине XVII столетия. А это значит, что поместное хозяйство уже не

---

[65] См. М. А. Ючас. Начало разложения крепостничества в Литве (60-е годы XVIII — 30-е годы XIX в.). Автореферат докторской диссертации. Вильнюс, 1971, стр. 25, 26.

[66] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв., стр. 57—61.

[67] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 4010, лл. 1—35; ЛНБ Ро, ф. Сапег, ед. хр. 978/XXI, а также табл. 14.

восстанавливалось, а проходило новый этап своего развития, потребовавший значительно большего количества рабочей силы.

Несмотря на широкое распространение в Белоруссии отработочной ренты и ее рост, она не вытеснила денежного чинша и натурального оброка. Почти в каждом магнатском владении даже с большим преобладанием тяглых сохранялась часть прежних чиншевых крестьян. В таких же чиншевых превратились бывшие бояре и земяне, потерявшие свои специальные функции или сохранившие от них лишь рудимент. В Ракове, Поставах и ряде других владений магнаты провели регулировку, после которой крестьян, не отбывавших барщины и плативших чинш, стали именовать «земянами»[68]. Сохранялся и натуральный оброк, хотя в большинстве поместий его заменяли денежным эквивалентом[69].

Наряду с прямой эксплуатацией крестьян феодалы широко применяли косвенные ее формы. В Белоруссии к ним относились водочная монополия («право пропинации»), мельничный баналитет, внутренние пошлины и торговые монополии. Останавливаться на характеристике отдельных видов косвенной эксплуатации нет необходимости, так как они довольно широко освещены в исторической литературе[70]. Обратим внимание лишь на

---

[68] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVII—XVIII веках, стр. 152—162; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, л. 26; ф. 1177, оп. 1, д. 5802, л. 71.

[69] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3606, л. 30; д. 4207, л. 13; д. 7165, л. 22; д. 8433, л. 11; д. 9102, л. 58; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11778, л. 37; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1100, л. 15.

[70] См. В. А. Мякотин. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов, стр. 72; М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901, стр. 418; Т. І. Забела. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт падданага сялянства, стар. 107; Д. Л. Похилевич. Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР», XVIII в. Вторая половина. М., 1956, стр. 617; Белоруссия. «Очерки истории СССР», XVIII в. Вторая четверть. М., 1957, стр. 561; Е. П. Шлоссберг. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г.», Таллин, 1959, стр. 121, 122; П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв., стр. 121—123; В. И. Мелешко. Хозяйство крупных феодалов Восточной Белоруссии во второй половине XVII и XVIII вв. (до воссоединения с Россией). Автореферат докторской диссертации. Минск, 1972, стр. 27.

некоторые их черты. Прежде всего на наличие общей основы, заключающейся в феодальной земельной собственности. Во всех этих формах, внешне проявляющихся в виде хозяйственной и даже коммерческой деятельности, внутренним стержнем являлось использование сеньоральных прав и привилегий феодала. Все они в той или иной мере ограничивали хозяйственную инициативу крестьян. Вместе с тем они были связаны с промыслами и торговлей самого феодала или откупщиков его доходов. Принудительная скупка сырья и монопольная продажа крестьянам тех или иных товаров сочетались с действительно коммерческими операциями, с покупкой и продажей по рыночным ценам и в этом плане были фактором товарного развития поместья.

Кстати, нельзя смешивать скупку, пусть принудительную, по заниженным монопольным ценам с безвозмездной поставкой крестьянами сельскохозяйственных продуктов (зерно, мед, лен, пенька, льняное и конопляное семя), промыслового сырья (зола), бондарных и других изделий в порядке сдачи натурального оброка. Здесь мы имеем дело с данью, наследием раннего средневековья. И независимо от того, будут ли эти продукты и изделия потреблены внутри вотчины или проданы феодалами на внутреннем либо внешнем рынке, их получение свидетельствовало об отсталости поместья. Ведь продажей дани занимались на заре феодализма. И не примитивное перераспределение ценностей в пользу феодала, а рост сельскохозяйственного производства в поместье составлял путь его товарного развития. «Капиталистический период,— говорит Ф. Энгельс,— возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян» [71].

Анализ феодальной эксплуатации в магнатском поместье второй половины XVIII в. раскрывает непосредственную связь между ростом его товарности и усилением крепостнического гнета. Все экономические достижения поместья создавались трудом крестьянина. Его перегружали барщиной, отрывали от своего хозяйства в самую страдную пору. Он отдавал магнату в виде чинша значительную часть денег, вырученных от продажи про-

---

[71] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 341.

изведенных им продуктов. Между тем реализация этих продуктов часто происходила в невыгодных для крестьянина условиях по ценам, установленным феодалом. Закупая самые необходимые ему предметы: соль, косы и т. п., крестьянин вынужден был переплачивать своему же «господину».

Одним из важнейших каналов перекачки средств от крестьянина к феодалу являлась пропинация. Магнат был весьма заинтересован в том, чтобы крестьянин пил как можно больше. В этом ему помогала целая армия корчмарей. В белорусских поветах Великого княжества Литовского на 282 481 сельский дым приходилось 8878 дымов «корчемных» (3,1%), т. е. одна корчма на 32 двора [72].

Крестьяне платили не только «своему» феодалу, но также феодальному государству и церкви. Правда, на территории белорусских поветов прямой налог был сравнительно невысок: от 4 до 8 злотых с дыма в год [73]. Церковная «десятина» не являлась повсеместной. Тем не менее в ряде волостей крестьянам приходилось уплачивать значительный денежный и натуральный оброк в пользу монастырей и приходов, не говоря уже об оплате за требы.

Наконец, следует иметь в виду и многочисленные злоупотребления администраторов феодальных владений. Поборы, дополнительные работы, взятки, которые самими магнатами рассматривались как незаконные, в значительной степени обременяли крестьянство. При таких условиях каждый шаг в развитии магнатского производства ложился на плечи крестьян новой тяжестью.

4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЙМА

Активизация хозяйственной деятельности магнатов Белоруссии во второй половине XVIII в. способствовала росту потребности в рабочей силе. Увеличивая бремя отработочных повинностей, они сумели мобилизовать значительные трудовые ресурсы, и все же возрастающие масштабы земледельческого производства и промыслов вызывали нехватку рабочей силы. Жалобы на это мы встречаем в переписке управителей с магнатами. В ин-

---

[72] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 4067, лл. 1—24.
[73] Volumina Legum, t. VIII. Petersburg, 1860, str. 397.

струкциях управляющим предписывается экономить барщинный труд, сохранять его для полеводства, нанимая на другие работы людей за плату [74].

Конечно, речь идет не об абсолютном недостатке рабочих рук, а лишь об относительном, обусловленном крепостническим строем. До тех пор пока магнаты требовали от крестьянина безвозмездной работы на барщине, они вынуждены были оставлять ему какую-то часть времени для обработки своего надела. Но низкая производительность крепостного труда вызывала необходимость в найме рабочей силы. Крестьянин, получая полностью или в какой-то степени средства к существованию в форме платы, мог довольствоваться меньшим наделом или вообще не вести своего хозяйства. И это магнату было выгодно постольку, поскольку позволяло использовать большее количество рабочего времени крестьянина.

Однако сущность вопроса, который надо было решить владельцам поместий, состояла не только в количестве, но и в качестве крепостной рабочей силы. Стремление интенсифицировать поместное хозяйство, ввести новые агротехнические приемы, усовершенствовать механизмы, улучшить уход за скотом, особенно породистым, построить промышленные заведения и обеспечить выход технически сложной продукции — все это требовало работников, обладающих определенными навыками и в какой-то степени заинтересованных в результатах своего труда. Таким работником не мог быть барщинник.

Ко второй половине XVIII в. в Белоруссии уже имелись известные резервы для найма. Дело в том, что рост феодальной эксплуатации и проникновение в деревню товарно-денежных отношений приводили к пауперизации части крестьянства и углубляли его имущественную дифференциацию. Все больше становилось крестьян, не обладавших полноценным земельным наделом и рабочим скотом, а то и вовсе лишенных средств производства. Так, из 257 680 дворов, значащихся в сводном тарифе подымного налога 1790 г. в поветах западной и центральной Белоруссии, 17 758, или 7%, составляли огородники и халупники [75].

---

[74] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, лл. 51, 52; д. 53, лл. 44, 119, 203, 273.

[75] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 4067, лл. 1—24 (подсчет наш.— *П. К.*).

Совершенно необеспеченными были коморники и кутники, проживавшие по углам в чужих избах, лишенные имущества и располагавшие только своими рабочими руками. Большую часть их составляли беглые, которых магнаты почти не показывали в инвентарях. Они не подлежали учету в тарифах налогов. О численности коморников и кутников в документах имеются лишь фрагментарные сведения. В Чернавчицах, например, на 950 крестьянских дымов их было 51[76], Клецком княжестве на 1400—74, в Тетерине на 1024 дыма —64. Но и средние крестьянские дворы часто не могли прокормить всех членов семьи, и те вынуждены были наниматься в поместье или уходить в отход. По минимальным подсчетам, в магнатских владениях на юго-западе Белоруссии (Чернавчицы, Деречин, Каменка) от 15 до 25% крестьянских хозяйств существовало частично за счет найма[77].

Наем в эпоху феодализма обычно делят на принудительный и свободный в зависимости от того, является ли наемный работник крепостным данного феодала или нет. В западной и центральной Белоруссии во второй половине XVIII в. в каждом поместье применялся свободный наем шляхтичей, мещан, вольных людей, чужих подданных или иностранцев. Это были мастера на предприятиях и строительстве, мельники, винокуры, шкиперы на речных судах, а подчас и рядовые работники какой-либо профессии. Так, в июле 1789 г. на строительстве в Клецке работало одновременно около 30 специалистов из числа мещан, проживавших в городах и местечках. В разных частях Белоруссии: Антоний Радзивилл — на юге Полесья, Александр-Михаил Сапега — в Ружанах, Франциск Огинский — в Молодечно нанимали бригады землекопов, а также дровосеков на мелиоративные работы и лесные промыслы. В бригады входили чужие подданные и вольные люди. Нанимали вольных людей и на работы, не требующие специальной квалификации: пастухами, грузчиками, бурлаками[78]. Но все же среди на-

---

[76] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, лл. 127—130; д. 9411, лл. 92, 93.

[77] См. П. Г. Козловский. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв., стр. 157.

[78] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6678, л. 9; оп. 3, д. 53, л. 44; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3516, лл. 22, 23; д. 3988, лл. 1, 2, 5; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1162, л. 25; д. 1514, л. 50.

емных работников значительно больше было крепостных, принадлежащих владельцу поместья, т. е. людей, находившихся в личной от него зависимости.

Вопрос о принудительном найме пока еще является предметом дискуссии. Одни историки видят в нем нарушение натуральных взаимоотношений и переходную форму к вольнонаемному труду [79]. Другие считают, что между принудительным наймом и барщиной нет качественных различий, поскольку сам нанимавшийся принадлежал крепостнику [80].

Второе утверждение представляется нам весьма спорным. Магнаты Белоруссии, как и другие феодалы, предоставляли своим крепостным определенную степень экономической самостоятельности и, в частности, сами покупали у них продукты их хозяйства и промыслов по складывавшимся на рынке ценам и даже хозяйственные постройки на снос, хотя последние были воздвигнуты из леса, принадлежавшего феодалу. Аналогичный подход зачастую выступал и при найме. Поэтому, чтобы судить о том, являлись ли рассматриваемые отношения видом найма или скрытой барщиной, недостаточно констатировать лишь наличие крепостной зависимости нанимающегося. Надо изучить реальные условия данных отношений на конкретном историческом материале. Под этими условиями мы подразумеваем способ рекрутации и оплату труда. Последняя связана с воспроизводством рабочей силы.

В магнатском поместье принуждение при наборе крепостных на работу по найму выступало в разной степени. Иногда оно принимало форму насилия, действительно мало чем отличающегося от барщины. Так, в инструкции Франциска-Петра Потоцкого предписывалось, чтобы «все коморники и халупники, проживающие в графстве (Россь), в период от св. Войцеха (24 апреля) до св. Мартина (11 ноября) под угрозой кары работали по найму два дня в неделю» (1776 г.). За свой труд они получали денежную плату по расценкам, установленным

---

[79] См. В. А. Маркина. Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII в. Киев, 1961, стр. 136; Крестьяне Правобережной Украины. Конец XVII — 60-е годы XVIII ст. Киев, 1971, стр. 135.

[80] З. К. Янель. О природе так называемого принудительного найма. «История СССР», 1965, № 4, стр. 81—83.

магнатом[81]. Плотогонов в Ружанском и Селецком графствах, принадлежавших Александру-Михаилу Сапеге, иногда рекрутировали по разнарядке[82]. Но документы свидетельствуют и об иных явлениях, попытках магнатов заменить дисциплину палки дисциплиной голода. В марте 1794 г. в Деречине экономы объявили крестьянам, не имеющим чем прокормиться до нового урожая, что они могут не расходиться по чужим местам, а идти работать за денежную плату на строительство в Зельву. В Ружанском графстве было предложено крестьянам, «желающим трудиться на земляных работах», явиться к мастеру и заключить письменный договор (1790 г.). Такой договор связывал не только крепостного, но и администрацию. В Радзивилмонтах (Клецк) в 1791 г. работали по письменным договорам 110 человек, в большинстве крепостные, которые трудились на предприятиях и строительстве.

Содержание этих договоров («контрактов») было в принципе одинаковым как у крепостных, так и у свободных. Важно отметить, что работа по контракту в отличие от барщины ограничивалась определенным сроком. Постоянных работников — «челядь» нанимали не по контракту, а по устному соглашению, так как круг их обязанностей и вознаграждение предусматривались в инвентарях и уставах поместий. Но и этот наем также не был бессрочным. По обычаю «челядь менялась на русское Рождество Христово», причем нанималась она добровольно[84]. Случаи принуждения при найме рассматривались как нарушение обычая и вызывали протесты и жалобы[85].

Бесправность крестьянина не препятствовала признанию юридической силы контрактов и даже устных соглашений о найме, заключенных им с администрацией. В известных условиях они становились предметом судебного разбирательства, причем от имени крестьянина

---

[81] «Instrukcje gospodarcze...», t. 1, str. 461, 462.

[82] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1514, л. 40.

[83] Там же, д. 1341, л. 45; д. 1514, л. 50; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, лл. 198—219.

[84] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1514, л. 28.

[85] Претензии крестьян деревень Трухановичи и Камень Копыльского княжества по тяжбе Радзивиллов с Пшездецким, 1764—1768 гг. (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, лл. 55, 74, 88).

истцом выступал магнат-вотчинник, а ответчиком — посессор или администратор[86].

Оплату за труд магнаты производили в трех формах: землей (освобождая от барщины тяглые наделы семей наемных работников), натурой (выдавая им одежду и продукты питания, предоставляя жилье в фольварке) и деньгами. В течение второй половины XVIII в. оплата за наем землей, прежде весьма распространенная, все больше и больше теряла свое значение. Как единственная форма расчета она применялась в редких случаях к отдельных работникам. Одежду (в натуре или в пересчете на деньги) и продукты без денежного оклада часто получали тиуны. Всем остальным работникам, как правило, платили натурой и деньгами.

В поместьях устанавливалась шкала вознаграждения. Наиболее четко она была составлена во владении Антония Тизенгауза Поставы (1783 г.). В соответствии с ней все наемные работники и служащие делились на девять классов, различающихся денежной и натуральной пересчитанной на деньги платой. Плата строго дифференцировалась в зависимости от квалификации работника. Мастера и помощники мастеров, каменщики, кирпичники, дробильщики солода относились к IV классу с оплатой 100 злотых деньгами и на 119 злотых натурой. Основная масса работников этих же производств зачислялась в VIII класс. Их вознаграждение состояло из 30—40 злотых деньгами и на 60 злотых ординария (натурой). В фольварках подстароста принадлежал ко II классу, его заместитель — к III, «дворский» — к VI, экономка и пастух — к VII, а скотницы — «подрыкуньи» (в других владениях их называли «девки») и подпаски — к IX. Работники этой низшей группы получали по 21 злотому деньгами и на 51 злотый натуральной платой. Очень высоким был оклад главного управителя — «губернатора» графства, принадлежавшего к I классу и получавшего 1000 злотых деньгами и на 737 злотых натурой.

[86] Претензии крестьян Я. Громады, Т. Ковальчука, П. Шарко, Ю. Борисевича, Я. Ширина, В. Басаревского, С. Довнара, В. Войцеховича, Р. Щуплика из деревень Маковчицы, Латушки, Мостище, Рудня, Боровая Койдановского графства в тяжбе Радзивиллов с Воронецкими, 1790 г. (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3388, лл. 1, 4, 6 10, 12).

Некоторым производственным работникам, обладавшим особой квалификацией, определялись индивидуальные оклады. Так, оклад мастера бумажного производства в 4,5 раза превышал ставку мастеров других предприятий, предусмотренную IV классом [87]. Сходная система классификации и оплаты была организована Тизенгаузом в находившейся в его управлении Гродненской королевской экономии [88].

К концу столетия денежная плата постоянным наемным работникам в ряде латифундий стала выше, зато предоставлявшиеся им ранее льготы были ликвидированы. Доля натуральных выдач в заработной плате сократилась. Вместо мяса и сала, а также одежды стали выдаваться только деньги. Наемные работники получали расчетные книжки, в которые записывалась выданная им плата [89].

А. М. Карпачев установил, что дифференцированная плата и сдельная оплата труда вошли в систему на вотчинных мануфактурах [90]. Как видно из наших архивных источников, таким же образом производилась оплата за труд и на мелких магнатских предприятиях, в строительстве и сельском хозяйстве. Каменщики, плотники, мельники, экономки и пастухи получали плату в зависимости от квалификации и объема работ. Ткачам выплачивали в зависимости от постава ткани, каменщикам — от площади участка стены, землекопам — от длины (прента) выкопанного рва и т. п. [91]

Ни в организации наемного труда, ни в системе оплаты, ни в оформлении расчетов не было существенной разницы между наймом лично свободных людей и крепостных нанимателя. В литературе отмечаются некоторые различия в размерах денежной платы [92]. Они дейст-

[87] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3988, лл. 21—123.

[88] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в., стр. 167—170.

[89] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 17, 18, 58; оп. 3, д. 53, лл. 211, 219, 275, 323; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 3998, лл. 1, 2.

[90] См. А. М. Карпачев. О социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры, стр. 110—114; Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма. «Вопросы истории», 1962, № 8, стр. 64—67.

[91] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1162, л. 22.

[92] См. Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVIII в., стр. 175.

вительно имели место, но не всегда оказывались столь значительными. Так, за подвозку кирпича в Зельве Ф. Сапеги платили в 1793 г. мещанам С. Кузилевичу и Я. Айзиковичу по 2 злотых 10 грошей, а 54 крепостным — по 2 злотых. Как видим, оплата труда крепостного здесь почти не отличалась от рыночной [93]. А наем, оплачиваемый таким образом, должен был в основном обеспечить и воспроизводство рабочей силы нанимавшегося. При таких обстоятельствах трудно усматривать в принудительном найме крепостных магнатских вотчин конца XVIII в. лишь разновидность барщины. Не всегда, но довольно часто отношения магната с крепостными, работавшими у него по найму, напоминали крестьянскую аренду в имениях Иоахима Хрептовича, которую его сын назвал отношением «как бы со свободными людьми» [94].

Попытаемся теперь определить объем найма в целом во всех его формах в магнатском поместье. Задача эта чрезвычайно усложнена скудностью документов по учету наемных работников. На основании архивных данных нам удалось установить численность и состав постоянных наемных работников, занятых в сельском хозяйстве 104 магнатских имений (табл. 15). При подсчетах учитывались лишь лица, круглый год работавшие по найму в сельскохозяйственном производстве, так называемая «челядь». Ни сезонные работники, ни администрация фольварков, ни слуги в списки не включались. Особо выделены работники, занятые в полеводстве: гуменные, паробки, броноволоки. Их было меньше, чем в других отраслях сельского хозяйства и прежде всего в животноводстве, хотя они и составляли 1/3 общего числа наемных сельскохозяйственных работников. Как видим, в среднем на одно имение приходилось 6 постоянных наемных работников сельского хозяйства, а на 100 крестьянских дымов — 5.

На первый взгляд, это немного, но если учесть, что каждый из них отрабатывал в поместье не менее 300 дней в год, цифра получается значительной. С целью более точного подсчета удельного веса постоянной наемной рабочей силы в хозяйстве фольварков мы взяли 99 имений, по которым выяснили, сколько дней отрабатывали

---

[93] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1162, л. 22.
[94] Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, стр. 263.

в них в течение года тяглые крестьяне, отбывавшие еженедельную барщину, и сколько наемные работники. При этом ни сезонный наем, ни дополнительные отработочные повинности не учитывались. Последние, впрочем, использовались главным образом на предприятиях и в строительстве. Как видно из табл. 16, из 1 400 672 дней, отработанных в фольварках, на наемных проходилось 187 200, или 13%.

Применение найма в магнатском хозяйстве во второй половине XVIII в. не было спецификой одной Белоруссии. Такие же результаты дало исследование магнатских латифундий Правобережной Украины, проведенное В. А. Маркиной. Ею установлено, что в этот период украинские магнаты также шли по пути применения различных форм найма как на промыслах, так и в сельском хозяйстве [95]. Только постоянных сельскохозяйственных наемных работников в подольских имениях Чарторысских (37—49 фольварков) в 1770—1790 гг. насчитывалось от 210 до 390 человек [96]. В среднем это составляло около 7 человек на фольварк, т. е. немногим больше, чем в изученных нами белорусских латифундиях.

В Белоруссии четко обрисовываются экономико-географические зоны. Так, на юго-западе и западе удельный вес найма составлял 17—27%, численность же наемных работников на 100 дымов достигала 10—19 человек. В центре Белоруссии эти показатели несколько ниже, а к востоку они равнялись лишь 6—9% рабочего баланса, составляя всего 2—4 человека на 100 дымов. Так же распределялись показатели удельного веса тяглого крестьянства. Из этого следует, что наем в сельском хозяйстве Белоруссии не представлял собой альтернативу барщины, а сопутствовал ей. Обе формы мобилизации трудовых ресурсов выступали вместе и в большей степени там, где более развиты были товарно-денежные отношения и сельскохозяйственное фольварочное производство.

В этом нетрудно убедиться, если сопоставить приведенные сведения о барщине и найме с данными об уровне товарности магнатских поместий различных районов. По нашим подсчетам, латифундии, расположенные на

---

[95] См. В. А. Маркина. Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII в., стр. 127—152, 174—191.

[96] Там же, стр. 141.

юго-западе (Высокое, Чернавчицы, Деречин, Ружаны), экспортировали наибольшее количество ржи: от одной до двух бочек в расчете на крепостной дым при средней норме для магнатских владений 0,8 бочки. Удельный вес денежных поступлений от реализации продукции на внешнем и внутреннем рынках во всем денежном приходе в Высоком и Деречине составлял 79—84%, в то время как в ряде латифундий в среднем он не превышал 65%. Шкала подымного налога, которую закон, принятый сеймом, связывал с уровнем товарности хозяйства, была в Брестском повете выше, чем в среднем по Белоруссии. И наконец, наиболее высокая цена земельных владений из всех поветов в западной и центральной Белоруссии (определена в соответствии с фактическими сделками купли-продажи 80-х годов) существовала в трех юго-западных поветах: Лидском, Гродненском и Брестском (см. § 5).

На юго-западе удельный вес постоянных наемных работников в полеводстве был выше, чем в других зонах. В частности, в Деречине они составляли более 50% постоянных наемных сельскохозяйственных работников, в Высоком — 49%. Это были в основном паробки, работавшие с господским инвентарем на фольварочном поле,— непосредственные предшественники батраков капиталистического земледелия. И все же здесь не хватало постоянной рабочей силы для полевых работ. В Чернавчицах, Каменке, Деречине дополнительно нанимали сезонных работников на жатву и молотьбу[97]. Следует учесть, что прикрепление крестьян к земле препятствовало миграции, отходничеству, а феодальные повинности ограничивали возможность наниматься для тех, кто в этом нуждался. Но и в таких условиях магнаты предпочитали нанимать людей для работы на скотных дворах.

Барщинные дни крестьяне отбывали преимущественно на полевых работах[98]. С развитием животноводства появился новый наемный персонал: так называемые «голландцы» для ухода за породистым молочным скотом и овчары для досмотра за мериносами[99].

---

[97] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 9384, л. 48; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3529, лл. 23—25; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, л. 14.

[98] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, лл. 44, 276; ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 29.

[99] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 10816, лл. 1—3.

О найме на вотчинных предприятиях, в строительстве и на транспорте сохранились сведения лишь по отдельным магнатским латифундиям. В Радзивилмонтах (Клецк) в 1789—1790 гг. количество наемных работников на строительстве колебалось в разные месяцы от 100 до 200. До 30 человек принимали участие в возведении различных производственных и хозяйственных объектов в Давид-Городке (1786 г.). У Антония Радзивилла в Манкевичах трудились 100—150 наемных работников. Сюда входили занятые на винокурнях и строительстве, работавшие по контрактам на осушке болот, а также паробки, валившие лес за денежную плату, трелевщики, которым платили солью [100]. Сотни наемных работников были в Деречинском графстве Сапег. А на их двух мануфактурах в Ружанах (суконной и полотняной) трудилось по найму 54 человека [101]. Если сопоставить количество рабочих дней, получаемых магнатским поместьем от всех видов отработочных повинностей (а не только от еженедельной барщины), с количеством дней, отработанных наемными людьми во всех отраслях хозяйства, то удельный вес найма окажется довольно внушительным. Например, в Клецке всего отработано 215,5 тыс. дней, в том числе наемными — 72 тыс., или 33,4%. Но такой показатель характерен лишь для наиболее мощных хозяйств, центральных резиденций магната.

Значение наемного труда наглядно выступает при анализе бюджетов магнатских поместий. В некоторых латифундиях Франциска Сапеги и Михаила-Клеофаса Огинского, как и в других наиболее развитых хозяйствах, заработная плата наемных работников составляла половину всех денежных расходов [102].

Численность наемных работников в магнатских хозяйствах на протяжении XVIII в. непрерывно возрастала. Так, в графстве Залесье Огинских количество наемных работников, занятых непосредственно в производстве, с 1760 по 1783 г. в расчете на 100 дымов возросло вдвое, а в имении «Малево» Юзефа Радзивилла (Клец-

---

[100] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 10816, лл. 1—3; д. 1714, лл. 333, 334; д. 6673, лл. 1—20, 106—107; оп. 3, д. 53, лл. 44—329.

[101] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1341, лл. 23, 33, 42, 48, 52, 53, 57, 62; д. 1162, лл. 8—41; д. 1466, л. 22.

[102] ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 36, лл. 28—30; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1282, л. 6.

кое княжество) с 1785 по 1794 г. штат сельскохозяйственной челяди увеличился на 70% [103].

Рост численности наемных работников в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. уже отмечался в литературе. А. М. Карпачев, анализируя материалы «Топографического описания» Минской губернии (1800 г.), установил, что мелкие помещики в ряде случаев все полевые работы в своих фольварках вели с помощью наемных лиц. Им же отмечается широкое применение найма на лесных промыслах [104]. Таким образом, наем в магнатских владениях не представлял собой обособленного явления. По его удельному весу латифундии можно разделить на три типа. В первом типе поместий, таких, как Поставы, Бытень, Каменка, принадлежавших Антонию Тизенгаузу, а также в латифундиях Карла Радзивилла — Несвиже, Уречье, Лахве и других наемный труд наряду с барщиной весьма широко применялся на предприятиях и значительно меньше в сельском хозяйстве. Постоянных наемных работников в полеводстве было совсем мало.

Иначе обстояло дело в отдельных поместьях Сапег и Огинских, расположенных в западной и центральной Белоруссии. И здесь наемный труд сочетался с барщинным, но он получил значительное распространение и в сельском хозяйстве. Удельный вес постоянного наемного труда в сельском хозяйстве занимал до 25% трудового баланса, а постоянный наем в полеводстве превратился в устойчивый фактор. Такие поместья, как Высокое, Деречин, Ружаны, Молодечно, представляют собой второй тип магнатского хозяйства.

Наконец, можно говорить и о третьем типе поместий, для которых характерно незначительное количество наемных работников, притом полное их отсутствие в полеводстве. Это объясняется иногда попыткой решить проблему рабочей силы за счет барщины (в Черессе Станислава Радзивилла, 1778 г.), но чаще обусловлено слабым развитием господского хозяйства (Тетерин, Дри-

---

[103] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 4704, л. 5; д. 4713, л. 55; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2123, л. 11; д. 2072, лл. 7, 24.

[104] См. А. М. Карпачев. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г.». Мінск, 1964, стр. 285—293.

святы). Отдельно стоит эксперимент Хрептовича. В его поместьях отсутствовала барщина, и все работы как на предприятиях, так и в сельском хозяйстве выполнялись наемной рабочей силой.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что наемный труд в магнатском хозяйстве Белоруссии к концу XVIII в. приобрел заметный удельный вес. Это было проявлением попыток приспособления феодального поместья к буржуазным отношениям, одной из черт разложения крепостничества. Вместе с тем в тот период все еще преобладала барщина. На ее долю приходилось около 90% труда, фактически затрачиваемого в сельском хозяйстве, главной отрасли поместного производства. Развивая производство, повышая товарность хозяйства, используя частично наем, магнаты не отказывались от феодальной эксплуатации как основы своей экономики. А это вело к усилению противоречий между производительными силами и производственными отношениями.

5. БЮДЖЕТЫ. МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА

Полное представление о магнатском поместье нельзя иметь без изучения его бюджетов. Отдельные историки уже делали попытки обратиться к бюджетам поместий рассматриваемой нами территории и периода. Г. Ловмянский сопоставил выручку Сапег, полученную от зельвенской ярмарки (правда, не указывая ее источника), с общим их денежным приходом от владения Деречин [105]. К. И. Керножицкий привел данные о структуре господских доходов в 8 староствах, три из которых — Дудское, Якунское и Заснудское расположены в западной Белоруссии [106]. На этих авторов ссылается и Д. Л. Похилевич, отмечая, что «главная доходная статья в бюджете землевладельца была не от фольварочного производства, а часто, как и в староствах, от эксплуатации шляхтой своих политических и экономических прав и

[105] См. H. Łowmiański. Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach (do r. 1795), str. 88, 89.

[106] См. К. І. Кернажыцкі. Гаспадарка старостваў на Беларусі і экономічны стан іх насельніцтва ў другой палове XVIII сталецьця. У зб. «Досьледы і матар'ялы па вывучэньні гісторыі», серыя 2, вып. 2. Менск, 1928, стар. 89; Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі, стар. 50.

привилегий. Такими были право пропинации, мельничный баналитет, торговые монополии и т. п.»[107] Конечно, три-четыре объекта еще недостаточны для обобщенных выводов. Всесторонним же изучением бюджетов по предмету наших исследований никто ранее не занимался.

Рассмотрение поместных бюджетов возможно по трем разным видам источников: фискальным переписям, инвентарям, книгам бухгалтерского учета. Нами использовались все три их вида.

Как уже отмечалось, в сведения о доходах частновладельческих имений Великого княжества Литовского входят переписи, составленные гражданско-военными комиссиями по поветам, во исполнение постановления сейма от 30 мая 1789 г. для начисления налога «10-го гроша». В архивах обнаружено шесть таких переписей по поветам Ошмянскому, Слонимскому, Пинскому, Мозырскому, Речицкому и Браславскому. В соответствии с законом налогом облагались только «доходы надежные и постоянные», к которым относили урожай хлебов и укос сена в фольварках, чинш, натуральный оброк в денежной оценке, а также доходы от «аренды», т. е. откупов водочной монополии[108]. Если винокурение производилось владельцем, а не откупщиком, то учитывался также доход от этой отрасли. Не включались в облагаемый доход поступления от фольварочного животноводства и огородничества, лесных промыслов и переработки древесины, вотчинных промышленных заведений (кроме винокурен), торговых операций. Открытым оставался вопрос о доходах от рыбного хозяйства и мельниц. Состояние отдельных сторон дохода поместья рассматривалось комиссиями в повете (оценка хлебов, урожайность) с учетом качества почв, возможностей сбыта и т. п.[109] Такую интерпретацию закона и практики его применения дают польские историки.

Как показало изучение нами документов по белорусским поветам, в графу «аренда» включались не только

---

[107] Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII века, стр. 130, 131.

[108] Volumina Legum, t. IX. Kraków, 1889, str. 73—95.

[109] См. T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794), t. III. Kraków—Warszawa, 1897, str. 236—245; R. Rybarski. Skarbowość Polski w dobie rozbiorów. Kraków, 1937, str. 274—333.

водочные откупы, но и поступления от некоторых заведений, не имеющих отношения к пропинации. Так, в Поставах значатся доходы «от корчем, шинков, кафенгауза, торговой пошлины, мельницы и бумажного производства». Аренда мельниц фигурирует и по владению Мосарь Ошмянского повета [110]. В Браславском повете в графе «аренда» учтены поступления от мельниц, лесопилок, паромов, озер (Дрисвяты, Друя, Видзы, Германовичи, Иказнь и др.), от рыбокоптильни (Заверье). Отмечаются доходы как от мельниц арендуемых, так и от находившихся в эксплуатации феодала (Стрешин, принадлежавший Виленскому капитулу, Михалев Речицкого повета, которым владел Хлевинский), от соляной монополии (Холмеч Речицкого повета), аренды торговых рядов (Лоев). Встречаются указания на доходы от сукновален, а наряду с ними все в той же графе «аренда» — денежные платежи, взимавшиеся с еврейского населения городов и местечек: «коробка», «рабиновщина» [111].

Таким образом, по белорусским поветам оказались включенными в обложение доходы от части промышленных заведений, в том числе от наиболее распространенных в поместьях винокурен и мельниц.

Доходы от фольварочного производства исчислялись не по фактическому, а по условному урожаю «в три зерна» («сам»-3), причем одну треть исключали на отсев, а две трети («два зерна») включали в доход и оценивали. И хотя реальные урожаи в последней четверти XVIII в. были выше, в налоговой переписи, как и во многих инвентарях, они оценивались с занижением. Это объясняется не только попыткой владельцев поместий скрыть часть доходов. Часто занижение производилось с ведома и санкции сторон, имевших отношение к составлению документа (в данном случае землевладельца и налоговой комиссии), и имело целью компенсировать расходы по управлению. Польский историк Р. Рыбарский отмечает, что из дохода, полученного владельцем поместья от урожая, высчитывались расходы на администрацию и плату наемным работникам [112].

---

[110] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 2828, лл. 7, 46.

[111] Там же, д. 2830, лл. 4, 15, 20, 22, 23, 37, 41, 48; д. 2833, лл. 96, 112; д. 2837, л. 3, 9, 23, 30.

[112] См. R. Rybarski. Skarbowość Polski w dobie rozbiorów, str. 293, 294.

Как явствует из наших источников, этот расчет нередко производился путем занижения дохода от полеводства до «двух зерен». Так, комиссия по Слонимскому повету 1 июля 1789 г. вынесла решение вообще не рассматривать расходных счетов, зато принимать в доход только два зерна. По этому принципу определен доход фольварочного производства всех имений, в том числе в поместье Бытень. Между тем при инвентаризации поместья, произведенной в 1783 г. другой государственной комиссией, доход оценен в «три зерна, а четвертое — на отсев» (т. е. «сам-4»). Зато по расходной стороне бюджета поместья фигурируют жалование администрации, наемным работникам и денежные суммы на ремонт [113].

Из сказанного следует, что в налоговых переписях «10-го гроша» учитывался только чистый доход от сбора урожая, поступавший землевладельцу после всех затрат. Более того, эта часть поместных доходов была занижена по сравнению с другими, так как на нее ложились все расходы, относившиеся к поместью. При определении доходов от полеводства шляхетские комиссии проявляли чрезвычайную осторожность, заботясь о том, чтобы налог не оказался обременительным для землевладельцев. Слонимская комиссия ссылалась на плохие почвы, якобы менее плодородные, чем «во всех других воеводствах и поветах», на ежегодный недостаток сельскохозяйственных продуктов, ввозившихся из соседних земель. Пинская комиссия объясняла заниженность урожая частыми наводнениями, смывавшими посевы и сено.

Еще большую «скромность» при определении доходов проявили комиссии, производя денежную оценку зерновых и сена. Слонимская комиссия таксировала бочку ржи по 14, а пшеницы — по 20 злотых [114]. Между тем по заниженным оценкам, применявшимся на таможнях, бочка ржи принималась за 18 злотых 10 грошей, а пшеницы — за 27 злотых 30 грошей. Цены на местном рынке в Вильно были вдвое выше (1786, 1788 гг.) [115].

---

[113] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 2832/II, лл. 1, 3, 4; д. 4010, л. 10.

[114] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 2828, л. 3; д. 2830, л. 2; д. 2832/II, л. 1; д. 2833, лл. 2, 3; д. 2835, лл. 1—8; д. 2837, л. 1.

[115] См. Л. С. Труска, Р. В. Ясас. Внешняя торговля Великого княжества Литовского в последние годы его существования (1785—1792), стр. 30.

Что же касается чинша, оброка, откупов, то эти поступления, зафиксированные в документах, представлявшихся комиссиям (инвентари, контракты), отражены без заметных отклонений.

С такими оговорками мы можем использовать налоговые переписи для анализа магнатских бюджетов. Огромное достоинство этого источника состоит в том, что он является более полным, в каждой из них переписаны все имения. Нами отобраны имения, находившиеся во владении магнатов, а также магнатские вотчины, которыми владели залогодержатели или арендаторы. Минский повет представлен лишь фрагментарными сведениями — инвентарями трех поместий. Но в этих инвентарях доходы оценены так же, как и в налоговых переписях, из расчета «два зерна в год». Общее количество владений, фигурирующих в наших расчетах, составляло 59, а число имений в них — 203 (табл. 17).

Источники позволили произвести следующую группировку доходов: денежный чинш и натуральный оброк (согласно его оценке); аренда, откупы и собственное винокурение; фольварочное полеводство и укосы сена. По Слонимскому и Мозырскому поветам две первые статьи в документах объединены.

Три названные категории доходов принципиально различались по характеру. Чинш и оброк — это чисто сеньоральные доходы, ничем не связанные с господским производством. Напротив, третья категория целиком отражает результаты хозяйственной деятельности поместья, хотя отнюдь не исчерпывает ее. Промежуточное положение занимает группа доходов от аренды, откупов и винокурения. Здесь объединены такие явно сеньоральные доходы, как «рабиновщина» и прибыль от ряда заведений, находившихся в управлении самого владельца поместья и составлявших часть его хозяйства. Главная статья в этой группе — аренда и откупы имеет сложную природу. В ее основе лежат феодальные привилегии и монополии. Но, как известно, магнаты, сдавая в аренду мельницы и корчмы, вкладывали определенные средства в их строительство и ремонт, оснащали оборудованием. Разграничить в статье, что было сеньоральным доходом, а что представляло собой участие магната в предпринимательстве откупщиков, практически невозможно при современном состоянии исследований. Как отмечает

М. А. Барг, при рассмотрении теоретических аспектов предпринимательской деятельности дворянства «не всегда ясно, где проходит грань между утилизацией им по-новому своих феодальных привилегий и действительным предпринимательством» [116].

Обратимся к цифровым показателям. Сопоставляя их по поветам, мы видим, что фольварочное производство имело наибольший удельный вес в доходах магнатских поместий Слонимского и Пинского поветов (38 и 30%). За ними следует Ошмянский повет — 29%. Столько же или немного ниже в поместьях Минского повета. Незначительные доходы от полеводства значатся на севере (Браслав) и юго-востоке (Мозырь, Речица). Как видим, анализ бюджетов свидетельствует о той же зональности, которую мы наблюдали раньше на основании других данных.

Вторая закономерность, прослеживающаяся по бюджетам,— повышение удельного веса чинша за счет доходов от городов и местечек [117].

Однако нельзя забывать, что значительная часть доходов от вотчинного предпринимательства не учитывалась переписью 1789 г. А доходы от фольварочного производства занижались как путем уменьшения показателей урожайности, так и в результате оценки зерна почти в три раза дешевле рыночной. Эти отклонения не препятствуют использованию переписи «10-го гроша» для сопоставления данных по разным поветам, поскольку они основаны на единых принципах. Однако отклонения не дают возможности сделать по табл. 17 общий вывод о действительном соотношении различных отраслей доходов в магнатском поместье. Для этой цели налоговые переписи 1789 г.— источник непригодный.

Теперь обратимся к другому виду источников — инвентарям отдельных поместий. Они дают возможность исчислить структуру доходов с полным учетом всей фольварочной продукции, а не только чистого дохода от полеводства. В некоторых инвентарях содержатся сведения о доходах от промышленных предприятий, не сдававшихся

[116] М. А. Барг. Проблема генезиса капитализма в новейшей буржуазной историографии. В кн. «Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма», стр. 121, 122.

[117] ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 2827, лл. 1, 2, 58, 59, 86; д. 2828, лл. 81—90; д. 2830, лл. 21, 22, 48; д. 2832/I, л. 46; д. 2837, л. 9.

в аренду. Данные инвентарей позволяют определить соотношение между видами доходов, не принимая в расчет издержек, так как ими сопровождались все виды доходов. И хотя результаты подсчетов при таких принципах определения доходов заметно отличаются от тех, которые нам дают налоговые переписи, но они представляют более точную картину бюджета того или иного поместья. Так, в упоминавшемся уже владении Бытень Слонимского повета в 1783 г. доходы от всей фольварочной продукции, включающей урожай зерновых «сам-4» за вычетом из него только семян (в доход «три зерна»), а также от молочного хозяйства и огородничества составляли 13 795 злотых, т. е. 56% всего дохода (24 432 злотых). Чинш и натуральный оброк давали 19%, аренда и откупы —25%. Графство Каменка, состоявшее из девяти фольварков, расположенных в Лидском и Гродненском поветах, приносило в 1783 г. 35 853 злотых дохода. На долю всех видов фольварочной продукции, определяемых так, как и в Бытене, приходилось 24 998 злотых, т. е. 70%.

Иначе, чем в табл. 17, выглядит по инвентарю графство Смядынь в Мозырском повете. В 1781 г. здесь было четыре фольварка, которые давали 59 121 злотый валового дохода. Чинш и оброк составляли 31% этой суммы, аренда —18, фольварочная продукция всех отраслей —20, доходы от промышленных заведений —31% [118].

Таким образом, полный учет фольварочной продукции дает основание считать ее важнейшим источником доходов в наиболее развитых магнатских поместьях западных поветов Белоруссии. В северной и восточной частях она занимала небольшой удельный вес. Что же касается откупов, то только в одном Пинском повете они давали немногим больше, чем чинш (табл. 17). В остальных доходы от чинша были значительно выше. То же мы наблюдаем и в Оршанском повете, в графстве Тетерин, приносившем в 1792 г. 144 тыс. злотых дохода, из которого фольварк давал 12%, аренда и собственное предпринимательство —26, а чинш с оброком —62% [119]. И чем слабее был фольварк, тем большую роль в доходной

---

[118] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 4197, л. 46; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3998, лл. 131—135; д. 3991, л. 11; д. 3992, л. 7; д. 3993, л. 5; д. 3994, л. 5; д. 3995, л. 8; д. 4000, л. 7; д. 4001, л. 6; д. 4002, л. 5; д. 4010, лл. 10, 20, 21, 34.

[119] ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 19.

статье его бюджета играли чинш и оброк и меньшую — предпринимательство и откупы.

Цифры фактических кассовых поступлений содержатся в бухгалтерской документации. На основании данных, по шести владениям (36 имений) оказалось возможным разделить денежные поступления на три группы: от реализации продукции на внутреннем рынке, от экспорта и прочих источников (табл. 18). Графы «реализация продукции» содержат всю выручку, без учета денежных расходов, затраченных на ее получение. В среднем кассовые поступления от реализации продукции составляли 65%, из которых 24% приходятся на внутренний, а 41% — на внешний рынок. Остальные 35% доходной части бюджета составляли поступления от уплаты чинша и платежей откупщиков и арендаторов. Оброк, поступавший в натуре, через кассу не проходил и, таким образом, оказался не учтенным.

Данные табл. 18 характеризуют не столько экономическую структуру поместья, сколько его товарность. Уже тот факт, что в кассу магната поступало с рынка больше денег, чем от сеньоральных платежей, свидетельствует о том, насколько тесно поместье было связано с рыночными отношениями. Картина оказалась бы еще ярче, если бы в источниках по всем рассматриваемым владениям учитывались поступления от сплава леса. К сожалению, эти поступления учтены лишь по Черессу.

Сравним теперь поступления от реализации продукции поместий на внутреннем и внешнем рынках. Их соотношение представляется, как 1 : 1,7. В этой связи нельзя согласиться с мнением В. И. Пичеты, который указывает на *приспособление белорусского поместья* второй половины XVIII в. только к внешнему рынку[120]. Наиболее высокие показатели рыночных поступлений — 84% были в юго-западных латифундиях: Высоком и Деречине. В центре Белоруссии они заметно ниже и колеблются в пределах 20—55%.

Не менее отчетливо проявлялся уровень товарности магнатского поместья в расходной части бюджета. Возьмем, к примеру, бюджет одного из наиболее развитых хозяйств — Высокого-Литовского за 1797 г. Вало-

---

[120] В. И. Пичета. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии, стр. 59—61.

вой денежный приход составил здесь 55 тыс. злотых. Из этой суммы в кассу собственника, Франциска Сапеги, перечислено администрацией 26 тыс. злотых чистого дохода. Расход составил 29 тыс. злотых, из которых на заработную плату администрации, слугам, наемным работникам в сельском хозяйстве фольварков и на предприятиях, кормчим и матросам речной флотилии выдано 13 тыс. (44,8% всех денежных расходов). Закупки сырья, а также оборудования для промышленных заведений и флотилии составили 11 тыс. злотых (37,9%), коммерческие издержки — 3 тыс. злотых (10,3%). На текущие внутрихозяйственные потребности ушло 2 тыс. злотых (7%)[121]. Такое поместье уже не может считаться хозяйством, воспроизводящим продукцию лишь на натуральной основе.

Это же подтверждают и законодательные материалы сеймов Речи Посполитой, в которых уровень товарности признается главным критерием определения доходности сельского хозяйства во второй половине XVIII в. Так, закон о налогах в Великом княжестве Литовском, принятый в 1775 г., устанавливал различные ставки подымного по отдельным поветам. Для Белоруссии налоговая шкала составляла от 4 до 8 злотых с дыма. И несмотря на то что для каждого повета определялась одна основная налоговая ставка, все же для местностей, как дословно гласит закон, «лежащих в отдалении от городов, куда продукты вывозят на продажу», во всех поветах она уменьшалась до 5 злотых. Меньше платили лишь хозяйства Пинского повета, расположенные в самых низких, заболоченных местностях. В то же время распространение товарных технических культур служило основанием для повышения ставки. Так, в Ошмянском повете, отнесенном к пятому классу, она равнялась 6 злотым с дыма. Однако в части этого повета, в радиусе нескольких миль вокруг местечек Ивье и Трабы, ставка повышалась до 7 злотых по тем мотивам, что там было развито льноводство (см. табл. 19)[122].

По налоговой шкале к наиболее высокому классу в Белоруссии относились Браславский и Брестский поветы (7—8 злотых с дыма). Средняя полоса — 8 поветов

---

[121] РОБВУ, ф. 4 А, д. 2010, лл. 8, 9 (подсчет наш. — *П. К.*).
[122] Volumina Legum, t. VIII, str. 397.

была причислена к 5-му классу (6 злотых). А северо-восточные и юго-восточные районы рассматриваемой территории получали самую низкую оценку: по 6-му и 7-му классам (4—5 злотых с дыма). Неблагоприятный по природным условиям Браславский повет оказался на первом месте лишь потому, что считался льноводческим и находился недалеко от Риги. Снижение ставок к северо- и юго-востоку свидетельствует о более слабом экономическом развитии этих районов.

Оценки, данные в законе о подымном налоге, совпадают с расчетами фактической продажной цены земли, выполненными для налоговых целей «Депутацией коэквации» Четырехлетнего сейма (1790 г.). Эти расчеты составлялись на основании актов купли-продажи помещичьих имений, отложившихся в нотариальных книгах судов [123]. Как видно из табл. 20, наибольшую цену (свыше 2 тыс. злотых в расчете на дым) платили за имения в Лидском, Гродненском, Брестском, Браславском и Ошмянском поветах, примыкающих к таким рынкам сбыта, как Вильно, Гродно, или к балтийским портам. Ни один из этих поветов не выделялся плодородием. Самыми дешевыми были имения на юге и юго-востоке, в Речицком и Мозырском поветах, а также в Пинском. Следовательно, цена поместья при купле-продаже определялась прежде всего по его товарности.

Таким образом, результаты, полученные при изучении экономических документов магнатских латифундий, подтвердились законодательными материалами, относящимися ко всем поместьям рассматриваемой территории.

Важный показатель товарности поместья — методы хозяйствования магнатов и их администрации. Так, Михаил-Казимир Радзивилл в инструкции по графству Бяла выражал неудовлетворение по поводу того, что фарфоровый завод «приносит ему до сих пор ничтожный доход». Причину этого он усматривал в экономической несамостоятельности «завода», получавшего деньги на плату работникам и сырье от управления латифундии. Магнат стремился добиться самоокупаемости фарфорового предприятия и предписывал так поставить дело, что-

[123] T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794), t. III, str. 250, tab. 185.

бы впредь «деньги за проданные фарфоровые изделия поступали в кассу фабрики..., и из этой же кассы выплачивался заработок работникам и закупалось сырье, а разница, составляющая прибыль, поступала бы в мою кассу». Здесь же он требовал прекратить растирание глазури вручную и передать одну из небольших мукомольных мельниц в ближайшей деревне, «приносящую небольшой доход», в ведение фарфорового завода (1760 г.)[124].

В радзивилловских инструкциях встречаются и проекты развития определенных отраслей хозяйства. Так, в одном из документов 1760 г. предписывается по всем фольваркам расширить откорм свиней и волов, предназначенных для продажи[125]. Однако эти рекомендации еще не подкреплялись соответствующими расчетами. Более конкретное обоснование хозяйственных предписаний мы обнаруживаем в директивах главного управления вотчинами несвижских Радзивиллов губернатору графства Лахва (1794 г.). «Генеральный комиссар» Андрейкович предлагал выращивать и откармливать в первую очередь молодняк свиней, поскольку летом это почти ничего не стоит, так как они пасутся, а зимой получают брагу и отруби. Одновременно он требовал «скорее откармливать купленных волов и продавать с тем, чтобы в течение года можно было успеть купить вторую партию, поставить на откорм и продать»[126]. Здесь налицо уже не только калькуляция, но и забота об ускорении оборачиваемости денежных средств, вкладываемых в товарное сельскохозяйственное производство.

Представитель другой, клецкой линии Радзивиллов Антоний запрашивал своего управляющего о качестве укосов сена, возможности содержать на откорме при винокурнях 100 волов в Манкевичах и 50 в Высоком, требовал перенести сукновальню и установить ее на ладьях для лучшего использования силы воды, запрашивал точный расчет материалов на постройку мельницы, предлагал управляющему обосновать выбор места для ее возведения. Заботясь об обеспечении сырьем своих винокурен, магнат предписывал составить табель ожидаемых умолотов зерна, вычислить, сколько можно будет его в

[124] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 47, л. 8.
[125] Там же, лл. 4, 5.
[126] Там же, оп. 7, д. 523, лл. 66, 67.

течение предстоящего года употребить на перекуривание. Табели эти им проверялись на месте, после чего он разрешал закупку недостающего сырья, «как можно дешевле, сильно торгуясь». Представляют интерес и расчеты Антония Радзивилла по использованию рабочей силы. Расценивая в деньгах труд крепостных подводчиков, он пришел к выводу о более выгодной замене этой повинности работами по заготовке дров для винокурни и определил соответствующую норму заготовок [127]. Отношение магната к рабочей силе обусловлено строгой экономической калькуляцией, учетом местных условий. Прежде всего он стремился ограничить сферу использования барщины одним полеводством. На строительстве, в промышленных заведениях, животноводстве использовал только наемных работников, приглашая их даже издалека.

В магнатских поместьях весьма заботливо велся учет естественных ресурсов и намечались пути их наилучшего использования. Ревизор, составлявший люстрацию владения Тетерин, рассчитал, что, хотя пастбища там довольно скудные, все же на них можно содержать до 300 голов скота, в то время как там имелось только 100 голов (1792 г.) [128]. В инвентаре Залесья Франциска Огинского приводится калькуляция, в которой предусматривалось довести количество скота в пяти фольварках как минимум до 250 голов, так как без этого нельзя было обеспечить надлежащее удобрение имеющейся в наличии господской пахоты (1783 г.) [129]. Учитывались не только природные, но и экономические факторы. В люстрации Деречинского графства Франциска Сапеги в 1795 г. отмечается, что несколько лет назад по причинам, «известным главному управлению» (можно полагать, что причины эти неэкономического характера), было ликвидировано железоделательное производство (рудня) в имении «Воля». Люстратор считает желательным возобновить деятельность производства, поскольку на месте имеется в изобилии руда, а восстановление предприятия не только принесло бы выгоду господскому

---

[127] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 3, д. 53, лл. 23, 53, 55, 203, 211; д. 70, л. 73.

[128] ЦГИА ЛитССР, ф. 1274, оп. 1, д. 36, л. 21.

[129] ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 2072, л. 5.

хозяйству, но дало бы возможность заработать тамошним крестьянам[130].

В том же имении «Воля» ранее некоторое время находилась пристань на Немане и были построены зерновые склады. Отец Франциска Александр-Михаил Сапега пришел к выводу о нецелесообразности содержания пристани и перенес ее вновь в Мосты. В освободившиеся помещения складов из другого имения того же графства «Острова» он перевел винокурню. Это дало возможность перевести островских крестьян, ранее занятых заготовкой и подвозкой дров для винокурни, на расчистку лугов и пахоты, поскольку в «Острове» были лучшие условия для расширения господского земледелия (1784, 1785 гг.)[131].

Целый ряд проектов с их экономическим (но не цифровым) обоснованием выдвигал губернатор Ружанского и Селецкого графств Сапеги. В их числе планы перестройки и перемещения в существующие здания суконной, полотняной и шелкоткацкой мануфактур, сооружение ряда новых промышленных заведений, расширение фольварков и господской запашки. Заслуживает внимания объяснение необходимости строительства винокурен в Ружанах и Лососине. Она заключалась в создании условий для содержания волов и свиней на откорме брагой, а также разведения птицы. Для этого рядом с винокурнями планировалось построить животноводческие постройки. В Сельце предлагалось открыть заезжий дом. Мотивы — имеющийся там «кафенгауз» стоит на недостаточно бойком месте (1795 г.)[132]. Любопытна общая экономическая концепция губернатора. Все его проекты в конечном счете должны способствовать наилучшей обработке земли, «которая является источником самых больших доходов»[133]. Влияние школы физиократов здесь совершенно очевидно.

В более общей форме высказывался Матвей Радзивилл, опекун малолетнего кн. Доминика (вскоре после 1790 г.). Он ставил перед опекунским советом широкие задачи. Совет должен был проанализировать все источники доходов в огромных латифундиях подопечного,

---

[130] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1410, л. 17.
[131] РОБАН, ф. SK, ед. хр. 4085.
[132] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1466, лл. 1—17.
[133] Там же, л. 13.

определить соответствие платежей посессоров и чинша крестьян, качество почв, разобраться с лесными промыслами и определить, что выгоднее: эксплуатировать их в собственном управлении, сдавать по контрактам всю пущу целиком либо по мелким частям. Далее совету рекомендуется решать вопросы о целесообразности основания новых промышленных заведений и их размещении там, где это выгодно [134]. О масштабе задач можно получить представление, если учесть, что речь идет о феодальном землевладельце, крупнейшем не только в Белоруссии, но и во всей Европе.

Приведенные данные, на наш взгляд, являются достаточным доказательством того, что в магнатское поместье Белоруссии конца XVIII в. довольно широко проникают приемы, хозяйственные методы, свойственные предпринимательскому капиталистическому хозяйству. Возникает вопрос, почему же это поместье, достигшее сравнительно высокого уровня товарности, оставалось все же феодальным, хотя и деформированным в буржуазном направлении. А оставалось оно таким прежде всего потому, что никакого механического перерастания поместья из феодального в капиталистическое быть не могло, ибо между феодальной вотчиной и капиталистической экономией лежит рубеж — отмена крепостного права, революционная по своему значению, в какой бы форме она ни произошла. По определению В. И. Ленина, «сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма», вынудила помещиков отменить крепостное право [135]. Известно, что постулат его отмены сформулирован в губерниях, составлявших территорию западной Белоруссии и Литвы. Но в рассматриваемый нами период магнаты и шляхта Белоруссии еще не хотели отказываться от крепостного права, хотя и пытались одновременно использовать в своих интересах буржуазные приемы хозяйствования.

Говоря о третьем этапе развития поместья в Восточной Европе, С. Д. Сказкин отмечает, что он характеризуется большим хозяйственным подъемом. «Этот начальный период перехода к капиталистическому хозяйству, к новой сельскохозяйственной технике связан с частичным

---

[134] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 10865, лл. 20—22.
[135] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

или почти полным обезземеливанием крестьянства и с постепенным его освобождением от крепостной зависимости. При общем хозяйственном подъеме крепостной труд оказывается малопроизводительным»[136]. Эту характеристику С. Д. Сказкин относит к Шлезвиг-Гольштейну, Восточной Пруссии, Польше и Остзейским провинциям России. В Белоруссии конца XVIII в. также наблюдаются некоторые черты, свойственные перечисленным регионам. К ним относятся: хозяйственные успехи, развитие которых задерживалось низкой производительностью крепостного труда, разорение части крестьянства, улучшение сельскохозяйственной техники. Но новая техника делала лишь самые первые шаги. Обезземеливание крестьян не являлось массовым, а их освобождение еще не началось.

Магнатские латифундии Белоруссии в своем развитии характеризовались некоторыми особенностями, выделявшими их среди других владений. С одной стороны, там наблюдались заметные попытки улучшения агротехники, приобретение породистого скота, строительство промышленных предприятий. Магнатам принадлежали почти все вотчинные мануфактуры. С другой стороны, в магнатских латифундиях наряду с относительно развитым хозяйством уживались не только барщина, но и многочисленные сеньоральные виды эксплуатации. При этом в некоторых магнатских вотчинах сеньоральные формы преобладали. Чтобы уяснить данное противоречие, надо понять различия между магнатским хозяйством и землевладением. Все элементы нового сосредоточены были в хозяйстве. Но земельное владение, обремененное грузом средневековых привилегий, с его частновладельческими городами и местечками, чиншем и откупами составляло оплот феодализма и реакции.

Внутренние противоречия магнатского поместья раскроются полнеее, если данные о хозяйстве латифундий дополнить сведениями, характеризующими быт магнатов, и ознакомиться с тем, как они расходовали поступающие из их владения средства.

Выше мы видели, что в графстве Высоком основные позиции расходного бюджета носили четко выраженный товарный характер. Но это был расходный бюджет по

---

[136] С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века, стр. 346.

бухгалтерскому учету латифундии, равный 52% всех поступлений. Остальные 48%, составлявшие чистый доход, сдавались в личную кассу магната. Можно полагать, что они были израсходованы на непроизводительные цели. Рассмотрим расходный бюджет графства Деречин, принадлежавшего тем же владельцам, что и Высокое. Из общей суммы расхода за 1776/77 г., равной 129 768 злотых, 60 437 злотых ушло на погашение долговых процентов и судебных издержек. Эта сумма свидетельствует о большой задолженности магната, но она еще не характеризует его хозяйство, так как кредит мог иметь различные назначения. Из остальных 69 331 злотого приобретены оборудование и материалы для строящихся предприятий, речные суда, волы для откорма и т. п., а также из этой же суммы выдана плата наемным работникам, всего на производственные нужды израсходовано 26 028 злотых (38%).

Личные расходы вотчинника Александра Сапеги составили 6685 злотых, господская кухня поглотила 4412, денежное жалование слугам, егерям, конюхам — 29 818, плата наемным солдатам — 2388 злотых. Всего непроизводительные расходы на магнатский двор составили 43 303 злотых, т. е. 62%, и значительно превысили расход на хозяйство[137]. Конечно, следует учесть, что Деречин был резиденцией семьи Сапег и что в других принадлежавших им владениях расходы на двор, несомненно, были ниже. И все же рассмотренные бюджеты свидетельствуют о сочетании предпринимательских и феодальных черт в экономически развитых латифундиях. Во владениях, расположенных на восточных окраинах изучаемой территории с незначительным развитием вотчинного производства и малыми на него затратами, удельный вес непроизводительных расходов был соответственно выше.

Непроизводительные расходы магнатов можно разделить на четыре группы: содержание частных войск и двора, строительство дворцово-парковых ансамблей, приобретение предметов роскоши, балы и приемы.

Частные войска в XVIII в. играли меньшую роль, чем в XVI—XVII вв., но все же они сохранялись у крупнейших магнатов. Наиболее значительным контин-

---

[137] РОБВУ, ф. 4 А, д. 1165, лл. 2—11.

гентом войск располагали несвижские Радзивиллы. У Иеронима-Флориана Радзивилла было хорошо обученное на прусский манер регулярное войско, состоявшее из 6 тыс. наемников. Кроме того, у него имелось почти столько же «казаков» и стрелков, служивших за земельный надел [138]. Эти войска выступили в роли карателей при разгроме гайдамаков под Хальчей Речицкого повета. Наряду с офицерами-иноземцами Радзивилл готовил офицеров из своих «подданных» в основанном им кадетском корпусе в Белой, позже переведенном в Слуцк. Значительно меньше были войска других магнатов.

Во второй половине XVIII в. численность магнатских воинских контингентов на территории Белоруссии постепенно сокращалась. Зато увеличивалось количество слуг. Они должны были придать блеск магнатским резиденциям, что способствовало росту политического влияния знати на окрестную шляхту.

Несвижский двор Михаила-Казимира Радзивилла состоял из 152 человек. Это были: домоуправительница, 5 фрейлин княгини (в том числе одна француженка на денежном окладе), маршалок двора, дворецкий, секретарь князя, казначей, духовник, врач, 2 ротмистра и хорунжий, ловчий, почтмейстер, 8 нахлебников-порученцев, 12 слуг-камергеров, 5 пажей, казачок, 3 француза (цирюльник и 2 садовника), 4 музыканта, 7 буфетчиков, 2 камердинера, 3 лакея, 2 портных (один из них немец) и 2 портняжных подмастерья, художник, осветитель, гравер, скорняк, слесарь, 6 подконюших, 9 конюхов, табунщик, шорник, кузнец, седельник, каретник, 2 сапожника, 6 гайдуков, 12 кучеров и столько же форейторов, кухонный «писарь», кладовщик, мясник, пекарь, 10 поваров разных специальностей и поварят, 8 егерей и псарей, горничная и 6 прачек.

Все служащие и слуги получали за свою службу денежный оклад, даже прачки. Размер оклада зависел от сложности выполняемых обязанностей и квалификации. По ведомостям, утвержденным лично Михаилом-Казимиром Радзивиллом, только денежный оклад этому персоналу в 20—30-е годы XVIII в. превышал сумму

---

[138] S. Bartoszewicz. Zamek bialski. Lwów, 1881, str. 102.

15 тыс. злотых за полугодие[139]. Кроме денежного оклада, слуги получали содержание.

Слонимский двор Сапег мало чем отличался от несвижского. Его штат состоял, согласно уставу 1746 г., из 147 человек, не считая военных. Они распределялись по таким же категориям. Расход на жалование составлял ежемесячно по 5873 злотых[140].

Огромные суммы поглощало у магнатов строительство дворцов и парков, особенно широко развернувшееся с середины XVIII в. Обычно один или несколько дворцов возводились в латифундиях и один — в Варшаве. Из числа магнатов, имевших владения в Белоруссии в 1776 г., свои дворцы в Варшаве содержали Радзивиллы обеих линий, Чарторысские, Александр Сапега, Потоцкие, Сангушко, Соллогуб, Гильзен и Плятер[141]. Магнаты Великого княжества Литовского имели также свои дворцы в Вильно (Радзивиллы, Сапеги и др.). Но самые крупные дворцово-парковые ансамбли сооружались ими в своих вотчинах. Главную резиденцию Радзивиллов Несвиж современники называли «малым Парижем». Она дополнялась летним дворцом в Альбе. Дворец Чарторысских в Волчине Брестского повета был построен по образцу версальского. Сапеги имели дворцы в Ружанах и Высоком. При дворцах сооружались театры, в которых играли артисты, работавшие по найму, частично иностранцы.

Выше упоминалось о парках во владениях Сапег и Огинского. В парках и на специально отведенных территориях магнаты содержали зверинцы, в которых находились как местные, так и экзотические животные. Здесь были лоси, олени, лани, серны, медведи, верблюды, фазаны, африканские куры (Несвиж — 1764 г., Ружаны — 1790 г., Деречин — 1794 г.)[142]. Если отлов лосей и медвежат не представлял большой сложности, то приобретение обезьян обходилось дорого. И все же эти развлечения не поглощали таких сумм, как покупка предметов роскоши, заграничные поездки, балы, приемы. Приведем лишь не-

---

[139] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 7, д. 463, лл. 1—38.

[140] РОБАН, ф. В 3, д. 34, лл. 273—277.

[141] T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, t. II, str. 366, 367.

[142] ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, л. 19; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11778, лл. 3—8; РОВБУ, ф. 4 А, д. 1514, лл. 40, 44.

сколько примеров. В сокровищнице Радзивиллов в Несвиже хранились фигуры 12 апостолов, отлитые из золота, а у Сапег в Вильно — 3 золотые шпаги, из которых одна инкрустирована алмазами, и золотой палаш.

Совершенно очевидно, что образ жизни магнатов Белоруссии в целом соответствовал быту феодальной знати Европы второй половины XVIII в. Вместе с тем большинство магнатов активно занимались хозяйственной деятельностью. Так, Карл, Антоний и Михаил Радзивиллы, Михаил Сапега, Тизенгауз, Хрептович преимущественно жили в своих латифундиях и лично решали хозяйственные дела, часто вникая во все повседневные вопросы сельского хозяйства, промыслов и торговых операций. Не подлежит сомнению, что их деятельность носила черты дворянского предпринимательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XVIII в. в Белоруссии так же, как в России, Польше, Украине, Литве, отмечалась экономическим подъемом, вызванным развитием товарно-денежных отношений, углублением разделения труда между городом и деревней, расширением внешней торговли с буржуазными странами Западной Европы. Развитие товарно-денежных отношений обусловило расширение магнатского вотчинного производства в Белоруссии. Магнаты все больше переходили к ведению собственного поместного хозяйства. Фольварочная система распространялась с юго-запада Белоруссии на северо-восток. Там, где она давно была развита, площади господской запашки расширялись.

Для всего магнатского хозяйства запада и центра Белоруссии этот период характерен не только расширением посевов, но также увеличением количества скота, развитием птицеводства, огородничества, садоводства, рыбоводства. Магнаты и их администраторы пытались интенсифицировать сельское хозяйство. Они увеличивали дозу внесения удобрений, применяли улучшенную агротехнику, рационализировали уход за скотом и, таким образом, добивались повышения урожайности. По сравнению с первой половиной столетия урожайность выросла вдвое. Магнатское хозяйство из одноотраслевого (зернового) во второй половине века стало превращаться в многоотраслевое, хотя производство зерна все еще преобладало.

Общая черта всех магнатских поместий запада и центра Белоруссии в рассматриваемый период — быстрое развитие промышленности и промыслов. Кроме нескольких предприятий, вся вотчинная мануфактура Бе-

лоруссии, существовавшая в XVIII в., возникла во второй его половине. Она была сосредоточена преимущественно в магнатских владениях запада и центра, а также в Гродненской королевской экономии. Увеличивалась численность мелких промышленных и промысловых предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Развивались лесные промыслы. Как сельскохозяйственное, так и промысловое производство магнатских хозяйств было нацелено в основном на сбыт, носило ярко выраженный товарный характер. Магнаты с помощью местного купечества, а также через свою администрацию реализовали товары в городах и местечках Великого княжества Литовского. Еще бóльшие масштабы приобрели их рыночные связи с портовыми городами Балтийского побережья, куда на своих собственных речных судах, составлявших целые флотилии, они доставляли на экспорт зерно и другие продукты, а также сплавляли лес.

Для обеспечения потребностей развивавшегося сельского хозяйства, промышленности и торговли в магнатских вотчинах велось интенсивное строительство хозяйственных и производственных зданий, амбаров, складов, судов.

Такова была общая картина магнатского хозяйства в целом. Но развивалось оно неравномерно. Отдельные хозяйства, преимущественно западной зоны Белоруссии, как и те из них, которые находились в центре и были расположены при резиденциях магнатов, опережали общий уровень развития. Их владельцы начали применять сортовые импортные семена, приобретали более совершенные по сравнению с крестьянскими орудия труда, механические веялки, делали попытки перехода к четырехполью и травосеянию, внедряли новые культуры, сооружали парники и теплицы, в которых выращивали рассаду огородных культур, цветы, декоративные растения и цитрусовые деревья. В таких хозяйствах появлялся скот улучшенных пород (молочный — голландский и голштинский, мясной — украинский), а у владельцев вотчинных суконных мануфактур — первые пока еще небольшие стада мериносов. Наблюдались и отдельные попытки лесоразведения.

Машины, травосеяние, породистый скот, парники — все это черты, присущие не феодальному, а капиталистическому сельскому хозяйству. Их появление в феодаль-

ных поместьях свидетельствовало о приспособлении магнатских владений к развитию товарно-денежных отношений. Однако таких образцовых хозяйств было еще сравнительно немного. Наряду с ними имелось немало и отсталых. Ряд магнатских поместий управлялся не собственной администрацией вотчинника, а находился постоянно в залоговом владении или в аренде у третьих лиц. Хозяином в таких поместьях был не магнат, а фактический их владелец, ему принадлежали скот и инвентарь. Когда же поместье часто меняло владельцев, оно приходило в крайне запущенное состояние. Временный владелец избегал каких-либо затрат не только на его развитие, но и на поддержание, заботясь лишь о том, чтобы извлечь как можно больший доход. Судебные документы и инвентари свидетельствуют об истреблении временными владельцами лесов, полном разорении и массовом бегстве крестьян, о разрушающихся хозяйственных постройках, заплывших илом прудах и т. п. Отсталые, запущенные хозяйства встречались иногда и в поместьях, подчиненных магнатской администрации. Это было там, где управляющий допускал злоупотребления, а вотчинник не проявлял хозяйственной инициативы.

Развивая производство в своем хозяйстве, магнаты пытались обеспечить его даровой рабочей силой крепостного крестьянства. Во второй половине XVIII в. наблюдается увеличение отработочных повинностей не менее чем в 1,5 раза по сравнению с предшествующим периодом, обременение ими крестьян, ранее плативших только денежный чинш или выполнявших иного рода услуги. Однако в связи с усложнением производственных процессов крепостной труд все меньше отвечал потребностям развитого поместного хозяйства. Возникала необходимость в постоянном работнике, обладавшем производственными навыками, заинтересованном в результатах своего труда. Да и крестьянину необходимы были свободные дни для работы на своем наделе либо компенсация его труда соответствующей заработной платой. Поэтому наряду с барщиной в магнатских хозяйствах второй половины XVIII в. начал применяться наемный труд как свободных людей, так и своих крепостных. Степень применения найма в магнатском хозяйстве была различной, зависела от уровня развития поместья. Промышленные заведения в значительной степени, а живот-

новодство преимущественно обеспечивались наемными работниками. В сельском хозяйстве около 90% работ выполнялось в порядке барщины. Экономически наиболее развитые магнатские хозяйства и в полеводстве применяли наемных работников. Это были предшественники сельскохозяйственных батраков. Расширение найма в сельскохозяйственном производстве при высоком уровне товарности магнатского хозяйства представляло собой начало генезиса аграрного капитализма.

Непомерное увеличение отработочных повинностей усиливало классовую борьбу крестьян в магнатских владениях, особенно широко проявлявшуюся в бегстве их от владельца поместья, в нерадении на работах. В литературе и публицистике того времени поднимался вопрос о целесообразности полного перехода к найму. Однако в Белоруссии эта идея была реализована лишь магнатом Иоахимом Хрептовичем, последователем учения физиократов.

Развитие товарности существенно повлияло на реформу системы управления магнатским поместьем. Создавался разветвленный аппарат специализированных служащих. В основу учета была положена денежная оценка всех натуральных ценностей и самого труда, в том числе иногда и барщинного. Цена поместья определялась уже не только земельной площадью, а капитализацией годового дохода исходя из общепринятой процентной ставки. Оставаясь феодальным, сохраняя свою крепостническую основу, магнатское поместье пользовалось некоторыми приемами, методами, свойственными предпринимательскому капиталистическому хозяйству.

Как известно, В. И. Ленин производству помещиками хлеба на продажу придавал большое значение[1]. Рассматриваемое нами хозяйство магнатов поддерживало оживленные двусторонние связи с внешним и с местным рынками. Магнаты производили на продажу большие товарные массы, вкладывали в хозяйство значительные денежные средства, закупали оборудование и сырье для своих предприятий. Частично переходя к рыночному воспроизводству, они наряду с барщиной применяли наемный труд, деформировали в буржуазном направлении организацию поместья.

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

Вводимые новшества магнаты стремились использовать для укрепления своих классовых позиций и феодально-крепостнического строя. Но развитие производства при упорном сохранении барщины как основы хозяйства лишь обостряло противоречия между растущими производительными силами и существовавшими производственными отношениями. Позже, в XIX столетии, многие магнатские латифундии сменили своих хозяев. Видную роль в экономике стали играть средние помещики. Однако достигнутый уровень ведения сельского хозяйства в латифундиях, широта рыночных связей, формы организации поместья сохранились и после ликвидации феодального строя. Они составили материальную базу для формирования в Белоруссии во второй половине XIX в. капиталистического помещичьего хозяйства.

В. И. Ленин отмечал, что в помещичьем хозяйстве Минской, Гродненской и Виленской губерний преобладала капиталистическая система, в то время как в Витебской и Могилевской господствовала смешанная [2]. Исследование магнатского хозяйства запада и центра Белоруссии позволяет видеть уже во второй половине XVIII в. корни развития, которое привело впоследствии к таким результатам. Этот вывод подтверждается экономическим районированием магнатского хозяйства в пределах изучаемой территории. Мы видели, что такие показатели, как развитие фольварка, рыночные связи, уровень товарности, цены земли, применение найма, в конце XVIII в. были выше на западе, чем на северо-востоке и юго-востоке рассматриваемой нами части Белоруссии. Товарность и наем в поместье не составляли альтернативу барщины, а сопутствовали ей. Данные явления порождались одной общей причиной — развитием товарно-денежных отношений. И вместе с этими отношениями они распространялись по направлению к восточной части Белоруссии.

Такая эволюция объясняется историческими причинами. Как указывают классики марксизма, стимулом товарности хозяйства в странах Восточной Европы XVI—XVIII вв. были рыночные связи с Западом. Естественно, что в эти связи ранее всего вовлекались наиболее близко расположенные регионы: Остэльбская Германия, затем

---

[2] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 188.

Польша, несколько позже юго-западная часть Белоруссии. Напомним, что в середине XVI в. в западной и центральной Белоруссии была проведена «волочная помера», а в восточной ее части — лишь «поравнение платы». Фольварк стал проникать туда значительно позже. Наконец, степень разорения экономики в первой половине XVIII в. на западе Белоруссии была значительно меньшей и восстановление ее протекало быстрее, чем на востоке.

Не все магнаты сумели приспособиться к быстрому развитию в Белоруссии товарно-денежных отношений во второй половине века. Одни из них недооценили новые возможности, которые эти отношения открывали перед ними. Не проявляя хозяйственной активности и в то же время ведя широкий образ жизни, они попадали в долги к ростовщикам, постепенно лишались своих владений. Другие, напротив, развивали большую хозяйственную инициативу, результатом которой были ощутимые экономические успехи. Но и данная категория магнатов не всегда умела сбалансировать свои возрастающие доходы с неслыханным расточительством, свойственным феодальной знати. Опасна была и переоценка новых экономических условий, чрезмерное увлечение коммерцией и кредитом землевладельцев, не обладавших достаточным опытом в этого рода деятельности.

Место разорявшейся старой знати занимала предпринимательская верхушка средней шляхты, скупавшая ее имения и более умело использовавшая товарно-денежные отношения. Одни из них, как Хрептович, а позже Тышкевич, поднялись по своему имущественному положению до уровня магнатов. Однако некоторые из прежних латифундистов, как Франциск Сапега, Михаил-Иероним Радзивилл, опираясь на высокоразвитое поместное хозяйство, сумели сохранить свои позиции.

Темой настоящей монографии является магнатское хозяйство, и все те достижения, которые отмечались выше, относятся только к нему, а не к магнатскому землевладению, поскольку хозяйство и латифундия магнатов — это разные понятия. Как показал анализ бюджетов магнатских хозяйств, значительная часть доходов носила сеньоральный характер (чинш, откупы привилегии). А на востоке и юго-востоке Белоруссии магнаты совсем или почти совсем не вели вотчинного хозяйства.

Феодальное магнатское землевладение, включавшее и частновладельческие города, в историческом развитии Белоруссии второй половины XVIII в. было в целом реакционным фактором. Что же касается магнатского хозяйства, то оно сыграло определенную роль в развитии сельскохозяйственного и промышленного производства Белоруссии этого периода. Однако его рост опирался на увеличение барщинной эксплуатации, разорял крестьян и препятствовал развитию их хозяйства.

Обострение противоречий между развитием производительных сил и производственными отношениями вело к кризису феодально-крепостнической системы.

ЛИТЕРАТУРА

Антонович В. Б. Предисловие. Архив юго-западной России, ч. VI, т. II. Киев, 1870.

Болбас М. Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795—1861). Минск, 1966.

Грицкевич А. П. Местный рынок сельскохозяйственных продуктов в Слуцком княжестве в Белоруссии в конце XVII — начале XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г.» Рига, 1963.

Грицкевич А. П. Из истории белорусско-армянских связей в эпоху феодализма. «Вестник общественных наук Армянской ССР», 1967, № 4.

Грицкевич А. П. Слуцк. Исторический очерк. Минск, 1970.

Доўнар-Запольскі М. В. Сацыяльна-экономічная структура Літоўска-Беларускае дзяржавы, у XVI—XVIII сталецьцях. У кн. «Зборнік гісторычна-архэолегічны». Менск, 1927, № 1.

Забела Т. І. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палавіне XVIII веку і быт подданага сялянства. У кн. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы клясы гісторыі», кн. 3, т. II. Менск, 1928.

Игнатенко А. П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв. Минск, 1963.

Карпачев А. М. Минск в период упадка шляхетской Речи Посполитой (вторая половина XVII в. — 1793 г.). История Минска. Минск, 1957.

Карпачев А. М. О социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры. «Вопросы истории», 1957, № 8.

Карпачев А. М. Мануфактура с принудительным трудом и ее значение в развитии капитализма. «Вопросы истории», 1962, № 8.

Карпачев А. М. О применении наемного труда в помещичьем хозяйстве Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г.» Минск, 1964.

Карпачев А. М., Козловский П. Г. Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1968 г.» Л., 1972.

Карпачоў А. М. Вотчынныя мануфактуры. У кн. «Гісторыя Беларускай ССР», т. 1, раздзел XIV, § 3. Мінск, 1972.

Карпачоў А. М. Гарады ў другой палове XVIII ст. У кн. «Гісторыя Беларускай ССР», т. 1, раздзел XV, § 1, 2, 3.

Кернажыцкі К. І. Гаспадарка староствау на Беларусі і эканомічны стан іх насельніцтва у другой палове XVIII сталецьця. У кн. «Досьледы і матар'ялы па вывучэнні гісторыі», серыя 2, вып. 2. Менск, 1928.

Кернажыцкі К. І. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі. Менск, 1935.

Козловский П. Г. Земельный надел и повинности крестьян в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г.»

Козловский П. Г. Динамика урожайности и посевных площадей, изменение структуры посевов в крупных поместьях Белоруссии в XVIII—первой половине XIX в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г.» Кишинев, 1966.

Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII в. Минск, 1969.

Козловский П. Г. Развитие производительных сил в магнатском поместье западной и центральной Белоруссии во второй половине XVIII в. «История СССР», 1972, № 2.

Козловський П. Г. Спільні риси еволюції магнатського помістя Білорусії та Правобережної України в другій половині XVIII ст. «Український історичний журнал», 1973, № 3.

Козловский П. Г. Организация и товарность магнатского хозяйства на западе и в центре Белоруссии во второй половине XVIII в. «Советское славяноведение», 1973, № 4.

Мараш Я. Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795). Минск, 1971.

Маркина В. А. Магнатское поместье Правобережной Украины второй половины XVIII века. Киев, 1961.

Мялешка В. І. Да пытання аб зараджэнні капіталістычных адносін у гарадской дробнай прамысловасці Беларусі першай палавіны XVIII ст. (На матэрыялах горада Магілева). «Весці АН БССР», серыя грамад. навук, 1959, № 2.

Мелешко В. И. О феодальной ренте и развитии товарно-денежных отношений в королевских экономиях Восточной Белоруссии в конце XVI—XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г.».

Мелешко В. И. Основные черты развития аграрных отношений в Восточной Белоруссии в XVII—XVIII вв. (до воссоединения с Россией). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г.».

Мелешко В. И. Рыночные связи сельского хозяйства Восточной Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII вв. (до воссоединения с Россией). «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 г.» Таллин, 1971.

Мялешка В. І. Сялянская гаспадарка Усходняй Беларусі і рынак у другой палавіне XVII—XVIII ст. «Весці АН БССР», серыя грамад. навук, 1969, № 1.

Мелешко В. И. Хозяйство крупных феодалов Восточной Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII вв. (до воссоединения с Россией). Автореферат докторской диссертации. Минск, 1972.

Мулявичюс Л., Ючас М. Некоторые вопросы генезиса капитализма в Литве. Вильнюс, 1968.

Мякотин В. А. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. СПб., 1889.

Пичета В. И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940.

Похилевич Д. Л. Перевод государственных крестьян Литвы и Белоруссии в середине XVIII в. с денежной ренты на отработочную. «Исторические записки», 1952, № 39.

Похилевич Д. Л. Белоруссия. В кн. «Очерки истории СССР. XVIII век. Вторая половина». М., 1956.

Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов, 1957.

Похилевич Д. Л. Аграрная реформа А. Тизенгауза и Шавельское восстание. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г.». Таллин, 1959.

Похилевич Д. Л. «Капиталистические зигзаги» в истории феодального поместья. В кн. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». Сборник статей к 75-летию академика Н. М. Дружинина. М., 1961.

Похилевич Д. Л. Крестьяне-слуги в Великом княжестве Литовском в XVII—XVIII веках. В сб. «Средние века», вып. 2. М., 1962.

Похилевич Д. Л. Наймана праця в сільскому господарстві Білорусії та Литви в другій половині XVIII ст. «Вісник Львівського університету», серия історична, 1962, № 1.

Похилевич Д. Л. Поместье Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г.».

Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII в. Вильнюс, 1966.

Романовский Н. Т. Развитие мануфактурной промышленности в Белоруссии (вторая половина XVIII—первая половина XIX в.). Минск, 1966.

Турцевич А. О. Русские крестьяне под владычеством Литвы и Польши. Вильна, 1911.

Улащик Н. Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965.

Шлоссберг Е. П. К вопросу об изменении феодальной ренты в Белоруссии XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г.».

Шлоссберг Е. П. Фольварочно-барщинное хозяйство и движение феодальной ренты в Белоруссии в XVII—XVIII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г.». Киев, 1962.

Ючас М. А. Наемный труд в крестьянском хозяйстве помещичьей деревни Литвы во второй половине XVIII в. «История СССР», 1967, № 1.

Ючас М. А. Начало разложения крепостничества в Литве (60-е годы XVIII—30-е годы XIX вв.). Автореферат докторской диссертации. Вильнюс, 1971.

Baranowski I. Wieś i folwark. Studia z dziejów agrarnych Polski. Warszawa, 1914.

Conze W. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weissrussland, I Teil. Leipzig, 1940.

Hedemann O. Dawne puszcze i wody. Wilno, 1934.

Hedemann O. Historia powiatu brasławskiego, Wilno, 1930.

Korzon T. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794), t. I—VI. Kraków—Warszawa, 1897.

Kozłowski Paweł G. Struktura własności ziemskiej i faktycznego posiadania ziemi w Zachodniej i Srodkowej Białorusi w drugiej połowie XVIII w. «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych», t. XXXIII. Poznań, 1972.

Kula W. Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963.

Kula W. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku, t. I—II. Warszawa, 1956.

Łowmiański H. Rys historyczny województwa nowogródzkiego w jego dzisiejszych granicach (do r. 1795). Wilno, 1935.

Mieleszko Wasyl I. Handel i stosunki handlowe Białorusi Wschodniej z miastami nadbałtyckimi w końcu XVII i w XVIII wieku. «Zapiski Historyczne», t. XXXIII, zeszyt 4. Toruń, 1968.

Morzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w drugiej połowie XVII w. Poznań, 1965.

Rutkowski J. Historia gospodarcza Polski (do r. 1864). Warszawa, 1953.

Topolska M. B. Dobra szkłowskie na Białorusi Wschodniej w XVII—XVIII w. Warszawa, 1969.

Żabko-Potopowicz A. Praca najemna i najemnik w rolnictwie w Wielkim Księstwie Litewskim w wieku XVIII na tle ewolucji stosunków w rolnictwie. Warszawa, 1929.

Żytkowicz L. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794—1797. Wilno, 1938.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Структура экспорта сельскохозяйственных продуктов из Великого княжества Литовского в 1785—1791 гг.

Товар	Объем в денежном выражении, злотые по отдельным группам товаров
Полеводство	
Зерно	34318516
Лен, пенька	34824218
	69142734 (83,5 %)
Животноводство	
Шерсть	436368
Кожи	1828769
Топленый жир	2044149
Молочные продукты	461687
Скот и мясо	5079316
Лошади	997548
	10847837 (13,1 %)
Птицеводство	
Домашняя птица, яйцо	115655 (0,1 %)
Пчеловодство	
Мед	342422
Воск	1115715
	14581/37 (1,8 %)
Огородничество и садоводство	
Овощи и фрукты	336471
Хмель	902602
	1239073 (1,5 %)
Всего	82803436 (100 %)

Таблица составлена по данным, приведенным в статье: Л. С. Труска, Р. В. Ясас. Внешняя торговля Великого княжества Литовского в последние годы его существования (1785—1792), стр. 44—46.

Таблица 2

Структура доходов от фольварочного сельского хозяйства

Владение	Год	Количество фольварков	Оценка дохода от								Всего
			полевых культур	сенокосов	молочного хозяйства	откорма скота и настрига шерсти	птицы	пчел	огородов и садов	разведения рыбы	
Селец	1753	1	1514* / 83,3	143 / 7,9	—	—	—	—	10 / 0,5	150 / 8,3	1817 / 100
Ивань	1754	1	3670 / 83,8	454 / 10,4	130 / 2,9	48 / 1,1	—	—	80 / 1,8	—	4382 / 100
Ишкольдь	1755	2	3272 / 61,2	1792 / 33,3	93 / 1,7	—	—	—	200 / 3,8	—	5357 / 100
Несвиж	1765	6	46037 / 64,6	18412 / 26,0	2238 / 3,1	775 / 1,1	1918 / 2,7	106 / 0,1	532 / 0,7	1200 / 1,7	71218 / 100
Усово	1773	1	734 / 62,3	340 / 28,8	48 / 4,1	22 / 1,9	35 / 2,9	—	—	—	1179 / 100
Уречье	1774	1	1001 / 68,8	252 / 17,3	24 / 1,7	24 / 1,7	57 / 3,9	56 / 3,9	40 / 2,7	—	1454 / 100
Чересс	1778	2	5253 / 74,3	1669 / 23,6	—	—	—	—	150 / 2,1	—	7072 / 100

Залесье	1779	5	7544 / 69,0	1200 / 10,9	1280 / 11,7	320 / 2,9	500 / 4,6	—	100 / 0,9	—	10944 / 100
Раевка	1780	1	2104 / 74,6	475 / 16,8	—	—	184 / 6,5	—	58 / 2,1	—	2821 / 100
Дороги	1781	2	1894 / 75,4	617 / 24,6	—	—	—	—	—	—	2511 / 100
Смядынь	1781	4	7586 / 52,6	2473 / 17,2	4000 / 27,8	348 / 2,4	—	—	—	—	14407 / 100
Рутки	1782	1	2064 / 74,5	625 / 22,6	—	—	—	—	80 / 2,9	—	2769 / 100
Бытень	1783	3	11602 / 74,6	1730 / 11,1	1512 / 9,7	431 / 2,8	268 / 1,7	17 / 0,1	—	—	15560 / 100
Каменка	1783	9	12716 / 50,9	10110 / 40,4	2172 / 8,7	—	—	—	—	—	24998 / 100
Поставы	1783	12	32390 / 74,7	2944 / 6,8	5004 / 11,5	3035** / 7,0	—	—	—	—	43373 / 100
Погост	1786	1	4410 / 70,7	1400 / 22,4	38 / 0,6	216 / 3,5	78 / 1,2	—	100 / 1,6	—	6442 / 100

Продолжение табл. 2

Владение	Год	Количество фольварков	Оценка дохода от								Всего
			полевых культур	сенокосов	молочного хозяйства	откорма скота и настрига шерсти	птицы	пчел	огородов и садов	разведения рыбы	
Раков	1789	6	6949 / 87,2	1020 / 12,8	—	—	—	—	—	—	7969 / 100
Тетерин	1792	2	16490 / 90,2	1320 / 7,2	486 / 2,6	—	—	—	—	—	18296 / 100
Негорелое	1794	1	2771 / 82,2	600 / 17,8	—	—	—	—	—	—	3371 / 100
Ганута	1797	8	23401 / 72,9	8075 / 25,2	400 / 1,2	—	—	—	226 / 0,7	—	32102 / 100
Всего		69	193402 / 69,6	55651 / 20,0	17425 / 6,3	5219 / 1,9	3040 / 1,1	179 / —	1576 / 0,6	1350 / 0,5	277842 / 100

Таблица составлена по данным архивов: АВАК, т. XXXV, стр. 424—434; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, лл. 9—12, 39; д. 5920, л. 21; д. 6423, л. 27; д. 7165, л. 32; д. 9010, лл. 13—14; д. 9081, лл. 1—5; оп. 3, д. 4197, лл. 1—46; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 2828, лл. 7—10; д. 3988, лл. 54—135; д. 3991, л. 11; д. 3992, л. 7; д. 3993, л. 5; д. 3994, л. 5; д. 3995, л. 8; д. 3997, л. 7; д. 4000, л. 7; д. 4001, л. 6; д. 4002, л. 5; д. 4010, лл. 10—33; ф. 525, оп. 8, д. 1225, лл. 2, 10; ф. 1177, оп. 1, д. 2102, лл. 30, 31; д. 5802, л. 71; ф. 1274, оп. 1, д. 7, лл. 6, 7; д. 36, л. 6; AGAD, AR, XXV, s. 823, k. 8; s. 1395, k. 21; s. 1429, k. 36; s. 3704/1, k. 29.

* Верхняя цифра обозначает доход в злотых, нижняя—процент.

** По Поставам выручка от продажи скота и сена.

Таблица 3

Господские посевы в магнатских владениях западной и центральной Белоруссии

Владения	Исходные данные			Конечные данные			
	год	количество имений	высеяно хлебов, виленских бочек	год	количество имений	высеяно хлебов, виленских бочек	рост, % (за 100 % принимаются исходные данные)
Заславль	1684	4	104	1760	4	121	116
Ружаны	1687	3	80	1762	4	207	259
Зельва	1701	1	33	1785	1	146	442
Деречин (Александрия)	1711	1	48	1788	1	122	254
Дороги	1727	1	23	1781	2	70	304
Клецк	1732	7	473	1790	8	709	150
Лахва	1735	2	120	1782	3	154	128
Несвиж	1742	3	188	1793	4	157	84*
Налибоки	1746	1	44	1782	1	78	177
Погост	1748	1	151	1786	1	295	195
Чернавчицы	1749	5	350	1791	9	914	261
Глубокое	1752	3	56	1783	3	116	207
Давид-Городок	1753	2	84	1798	3	91	108
Селец	1753	1	31	1790	3	165	545
Лавна	1754	1	48	1775	1	66	137
Ишколдь и Лысица	1755	2	198	1787	2	213	108
Сморгонь	1755	3	65	1788	3	85	131
Кореличи	1757	2	113	1771	2	226	200
Докудово	1763	1	47	1780	1	65	138
Манкевичи	1764	3	137	1776	3	195	142
Ивань	1767	3	178	1786	3	171	96*
Дрисвяты	1772	1	28	1787	3	162	579
Тимковичи	1777	8	756	1794	8	821	109
Раков	1780	2	77	1789	2	101	131
Залесье	1783	4	144	1796	4	196	136
Молодечно	1783	2	145	1796	2	198	136

Подсчитано по данным архивов: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, дд. 1300, 1708, 1716, 1742, 2055, 2087, 2248, 3606, 4481, 4532, 4533, 4652, 4665, 4710, 4713, 5006, 5704, 6089, 6419, 6423, 6680, 6683, 8066, 8438, 8447, 9102, 9259, 9374, 9390, 10879; там же, ф. 1324, оп. 1, д. 105; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, дд. 183, 221, 351; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 60, л. 432; там же, ф. 459, оп. 1, дд. 240, 243; там же, ф. 525, оп. 8, дд. 1189, 1201; там же, ф. 1177, оп. 1, дд. 2058, 2072, 3500, 3506, 5802; РОБВУ, ф. 4 А, дд. 1081, 1100, 1409, 1567, 1586, 1828; AGAD, AR, XXV, ss. 773/2, 774/2, 821, 904, 1046, 1049, 1395, 1396, 1436, 1443, 1812, 2676/2, 3704/1, 3708.

* Снижение посевов в Несвиже и Ивани объясняется разорением имений К. Радзивилла его политическими противниками в 1767 г. (ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5001, лл. 1, 25—38).

Таблица 4

Урожайность озимой ржи в магнатских поместьях Белоруссии

Владения	XVII в.—первая половина XVIII в.	Третья четверть XVIII в.	Четвертая четверть XVIII в.
	урожайность ржи, «сам»		
Ружаны	2,7	—	7,7
Клецк	2,7	2,6	10,3
Погост	2,1	2,1	6,6
Деречин	3,1	5,2	7,4
Заславль	2,2	3,2	—
Тимковичи	2,7	4,5	5,3
Давид-Городок	2,3	2,6	6,4
Столбцы	1,8	—	—
Несвиж	1,8	2,0	3,4
Кореличи	2,7	—	—
Налибоки	2,2	1,8	8,3
Мир	1,5	—	—
Друя	—	2,9	3,6
Лавна	—	5,3	—
Раков	—	5,5	—
Залесье	—	—	4,6
Чернавчицы	—	—	7,1
Бытень	—	—	6,1
Молодечно	—	—	2,8
Старинка	—	—	4,2
Тетерин	—	—	7,2
Высокое	—	—	7,4

Подсчитано по данным архивов: ЦГАДА, ф. 389 (Литовская метрика), кн. 582, лл. 468, 469; ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, дд. 1283—1294, 1296—1319, 1321, 1322, 1325, 1328, 1329—1332, 1336, 1337, 1339, 1343, 1348, 1353, 1355, 1356, 1360, 1372, 1373, 1714, 1716, 1913, 3137, 4483, 5060, 5223, 5704, 5705, 6419, 6423, 6663, 6667, 6668, 6670, 6673, 6680, 6691, 6723, 6731, 7785, 8436, 8438, 8443, 8447, 8471, 8472, 9390; там же, ф. 1224, оп. 1, дд. 44, 105; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 3537, ф. 1177, оп. 1, дд. 2085, 2125, 3550, 3571, 3575, 3613, 3722, 3734, 3867; ф. 1374, оп. 1, д. 36, РОБВУ, ф. 4 А, дд. 1275, 1282, 1297, 1298, 1370, 1515, 1517, 1562, 3940, 3942—3947, 2010, 4539.

Урожайность исчислена на основании данных за следующие годы: Ружаны — 1601, 1788—1794, Клецк — 1645, 1761—1763, 1768—1775, 1776, 1785—1789, 1791, 1793, 1796, Погост — 1663, 1746, 1748, 1749, 1751—1756, 1758, 1759, 1764—1766, 1768, 1770—1772, 1774, 1775, 1777—1779, 1783—1786, Деречин — 1676, 1677, 1768—1772, 1790—1793, Заславль — 1685, 1759, Тимковичи — 1686, 1775, 1777, 1781, 1790, 1793, 1798, Давид-Городок — 1714—1718, 1766—1775, 1776—1781, 1785—1794, Столбцы — 1719, Несвиж — 1729—1750, 1751—1756, 1758—1760, 1774, 1776, 1779, 1782—1786, 1788—1795, Кореличи — 1739, 1740, 1742—1744, 1746, Налибоки — 1745—1747, 1751,1752, 1757—1760, 1776, 1778, 1782, Мир — 1754—1756, Друя — 1783—1793, Лавна — 1770—1772, Раков — 1775, Залесье —1777—1780, 1791—1793, Чернавчицы — 1779—1788, 1790—1797, Бытень — 1784, Молодечно — 1784—1788, 1791—1793, Старинка — 1785, Тетерин — 1792, Высокое — 1795—1796.

Таблица 5

Динамика численности скота в магнатских поместьях

Владение	Год	Количество имений	Поголовье скота: крупный рогатый скот	овцы	козы	свиньи	Всего голов в пересчете на крупный рогатый скот*	Рост, %
Радзивилмонты	1679		153	—	—	27	160	100
	1791	2	226	нет данных			226	141
Манкевичи	1687		34	36	2	12	41	100
	1791	2	307	нет данных			307	749
Давид-Городок	1724		102	—	—	16	106	100
	1748		12	—	—	22	18	17
	1793		240	нет данных			240	226
	1797	3	352	нет данных			352	332
Лахва	1735		75	—	—	78	95	100
	1794	3	241	55	7	96	271	285
Несвиж	1737		191	81	—	175	243	100
	1767	5	182	35	4	175	230	95
Фарберково	1737		53	43	5	45	69	100
	1743		52	40	—	55	70	101
	1791	1	60	459	22	73	126	183
Молодечно	1747		86	57	6	47	108	100
	1791	4	230	96	2	190	287	266
Чернавчицы	1749		63	72	12	57	73	100
	1779		718	221	—	128	772	1058
	1786		713	534	—	366	858	1176
	1797	10	1093	1987	—	409	1394	1910
Ивань	1754		52	36	5	39	66	100
	1792	1	69	64	2	нет данных	76	115
Залесье	1760		63	65	14	47	83	100
	1776		165	62	2	50	184	222
	1783	3	191	61	22	44	210	253
Богуславцы	1788		99	58	—	70	107	100
	1790		143	87	—	52	165	154
	1792	1	172	43	—	31	184	172
Клецк	1790		741	нет полных данных			741	100
	1797		815				815	110
	1799	10	1063				1063	144
Высокое	1794		705	595	—	302	840	100
	1797	7	812	825	—	567	1037	123

Подсчитано по данным архивов: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, дд. 1701, 1714, 2087, 4207, 6683, 8220, 9102, 9374, 9390, 10879; оп. 3, д. 53; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11529; ф. 459, оп. 1, дд. 240, 2406; ф. 1177, оп. 1, дд. 2060, 2072, 2123, 3493, 3868; РОБВУ, ф. 4 А, дд. 2010, 3940, 3941, 3942, 3945, 3946; AGAD, AR, XXV, ss. 1429, 1448, 2674/2, 2676/2.

* К одной голове крупного рогатого скота приравнено 10 овец или 4 свиньи (см. Н. Н. Улащик. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии, стр. 190).

Таблица 6

Уровень развития магнатского животноводства

Владение	Год	Количество имений	Поголовье скота				Площадь господских пахотных угодий, моргов*	Количество голов скота на 10 моргов пахоты
			крупный рогатый скот	овцы и козы	свиньи	всего голов в пересчете на крупный рогатый скот		
Белица	1752	1	89	53	39	104	504	2,1
Кореличи	1757	4	74	2292	75	322	2097	1,5
Дрисвяты	1775	1	6	12	14	11	144	0,8
Раков	1779	2	60	125	35	81	528	1,5
Смядынь	1781	4	396	330	231	487	966	5,0
Бытень	1783	3	264	336	201	348	1740	2,0
Глубокое**	1783	3	57	—	32	65	268	2,4
Залесье	1783	3	191	83	44	210	1032	2,0
Каменка	1783	9	620	137	392	732	2070	3,5
Молодечно	1783	10	450	145	387	559	2088	2,6
Поставы	1783	11	759	544	468	930	3139	2,9
Старинка	1785	1	29	50	72	52	219	2,3
Черлена	1785	1	30	40	13	37	315	1,2
Клецк	1790	8	741	—	177	785	3192	2,5
Манкевичи	1791	2	307	нет данных		307	700	4,4
Фарберково	1791	1	60	481	73	126	200	6,3
Богуславцы	1792	1	172	43	31	184	800	2,3
Ивань	1792	1	69	66	—	76	569	1,3
Друя	1793	3	569	246	697	768	655	11,7
Несвиж***	1793	3	143	84	—	151	639	2,4
Высокое	1794	7	812	825	567	1037	3021	3,4
Лахва	1794	3	241	62	96	271	823	3,2
Деречин	1795	11	849	421	321	971	6384	1,5
Давид-Городок	1797	3	352	нет данных		352	450	7,8
Чернавчицы	1797	10	1093	1987	409	1394	4920	2,8

Подсчитано по документам, указанным в примечании к табл. 5, а также: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 3606; оп. 3, д. 4197; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, дд. 3530, 3988, 3991—4002, 4010; ф. 459, оп. 1, дд. 44, 105; ф. 1177, оп. 1, д. 3506; РОБВУ, ф. 4 А, дд. 1275, 1410, 1912, 2010; AGAD, AR, XXV, ss. 190, 904, 1049, 1448.

* Безотносительно к фактическим посевам. Один морг=0,7 га.
** Без скота залогового держателя и расширенной им пашни.
*** Без Фарберкова

Таблица 7

Промышленные предприятия в магнатских владениях

Владение	Год	Количество имений	В них дворов	Количество предприятий							Всего
				пищевые		текстильные	железоделательные и металлообрабатывающие	деревообрабатывающие (поташные, лесопильные и др.)	силикатные (кирпично-черепичные, фарфоровые, стекольные)	прочие (бумажные, кожевенные, пороховые и др.)	
				винокурни	мукомольные мельницы, маслобойни, коптильни						
Кореличи	1757	4	542	3	4	2	—	—	1	—	10
Белица	1760	1	225	5	3	—	—	—	—	—	8
Заславль	1760	4	477	3	3	1	—	1	1	2	11
Налибоки	1761	1	164	1	1	—	—	1	1	—	4
Тимковичи	1761	2	476	6	5	1	—	—	—	—	12
Ружаны	1762	7	871	10	8	4	—	1	1	1	25
Манкевичи	1764	3	212	6	4	1	—	2	—	—	13
Несвиж	1767	7	1192	8	18	3	1	1	2	1	34
Дрисвяты	1775	1	666	5	1	—	—	—	—	—	6
Чересс	1778	2	303	.4	2	—	—	1	—	—	7
Докудово	1780	1	260	.3	2	1	—	—	—	—	6
Смядынь	1781	4	489	12	9	1	3	2	1	—	28
Бытень	1783	3	349	1	5	—	—	—	—	1	7
Глубокое	1783	3	711	13	3	1	—	—	—	—	17
Каменка	1783	9	377	12	4	2	—	1	1	1	21
Молодечно	1783	10	620	15	9	1	—	1	—	—	26
Поставы	1783	11	675	11	7	1	1	4	9	2	35
Дятлово	1784	5	697	11	8	—	—	—	—	—	19
Ишколдь и Лысица	1787	2	363	5	4	—	—	—	—	—	9
Дороги	1788	2	256	7	5	1	—	—	—	—	13
Сморгонь	1788	3	393	3	3	—	—	—	2	1	9
Раков	1789	6	304	7	5	—	—	—	1	—	13
Клецк	1791	7	774	21	12	—	—	2	1	—	36
Ивань	1792	1	261	14	4	—	—	1	—	—	19
Тетерин	1792	2	1024	19	7	3	—	—	—	—	29
Высокое	1794	7	538	17	15	1	—	—	1	—	34
Лахва	1794	5	975	17	5	—	2	4	1	—	29
Негорелое	1794	1	272	3	2	—	—	—	—	—	5
Уречье	1795	1	257	8	4	—	—	—	1	—	13
Залесье	1796	5	170	8	4	1	—	1	—	—	14
Койданово	1796	1	709	14	10	—	—	—	—	—	24
Давид-Городок	1798	3	1033	10	10	—	3	—	—	1	24
Всего		124	16635	282	186	25	10	23	24	10	560

Подсчитано по данным источников, названных в примечаниях к предыдущим таблицам, а также: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, дд. 2087, 5920, 6087, 8435, 9014; оп. 3, д. 25; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 4; ЦГИА Лит ССР, ф. ДА, д. 18584; ф. 459, оп. 1, д. 2403; ф. 525, оп. 8, дд. 1201, 1225; ф. 1274, оп. 1, д. 36; AGAD, AR, XXV, ss. 191, 824/2, 1448, 1710.

Таблица 8

Экспорт ржи из магнатских владений Белоруссии во второй половине XVIII в.

Владения	Годы	Владелец	Порт назначения	Количество: имений	Количество: дымов	Годовой экспорт виленских бочек: количество	Годовой экспорт виленских бочек: на 1 дым
Высокое	1796—1797	Ф. Сапега	Гданьск	7	538	599	1,1
Чернавчицы	1787	М.-И. Радзивилл	Эльблонг	10	1028	1907	1,9
Деречин	1786—1794	Ф. Сапега	Крулевец	14	1070	1160	1,1
Ружаны	1789	А.-М. Сапега	«	11	1657	1640	1,0
Клецк	1783	Ю. Радзивилл	«	12	2766	2266	0,8
Тимковичи	1778	М.-И. Радзивилл	«	10	1850	1442	0,8
Погост	1775—1780, 1784, 1785	К. Радзивилл	«	1	530	337	0,6
Раков	1775, 1780	Я. Сангушко	«	1	99	32	0,3
Заславль	1776—1777	А. Пшездецкий	«	4	507	180	0,4
Налибоки	1779	К. Радзивилл	«	1	163	29	0,2
Залесье	1791	Ф.-Кс. Огинский	«	1	74	—	—
Друя	1784—1793	А.-М. Сапега	«	3	764	—	—
Лахва	1772	К. Радзивилл	«	3	579	—	—
Давид-Городок	1788—1791	Ю. Радзивилл	«	3	478	—	—
Смядынь	1778	М.-И. Радзивилл	«	5	453	301	0,7
Всего				86	12556	9893	0,8

Подсчитано по данным архивов: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 1714, лл. 333, 334, 415; д. 1742, л. 50; д. 4207, лл. 1—39; д. 5704, лл. 99—105; д. 5705, л. 23; д. 6423, лл. 26,27, 81, 114, 164; д. 6678, л. 5; д. 8149, лл. 81—84, д. 8437, лл. 1—57; д. 8438, л. 8; д. 9384, лл. 205, 206; д. 9411, лл. 42—43; оп. 3, д. 4197, лл. 44, 45; ф. 1324, оп. 1, д. 44, л. 8; д. 105, л. 66; ЦГИА ЛитССР, ф. 459, оп. 1, д. 214, лл. 1, 2; ф. 1177, оп. 1, д. 2058, лл. 82, 83; д. 2125, л. 7; ф. ДА, д. 3372, лл. 15, 17; д. 11529, лл. 122—124; д. 11587, лл. 56—58; д. 11592, лл. 20—22; д. 11778, лл. 72—475; РОБВУ, ф. 57, д. В, 54. 51, лл. 53—77; ф. 4 А, д. 1275, лл. 4, 5, 29, 30; д. 1282, лл. 7, 8; д. 1341, л. 34; д. 1514, л. 25; д. 2010, лл. 3, 8; РОБАН, ф. SK, д. 4085; ф. VBF—LXVII, д. 1815, л. 1; AGAD, AR, XXV, s. 683, k. 31, 47.

Таблица 9

«Нижние сплавы» магнатов Белоруссии во второй половине XVIII в.

Экспортер, его владение и порт назначения	Годы	Товары в денежном выражении							Всего
		рожь	пшеница	прочее зерно	льносемя, конопля	пенька, пакля, рогожа	лес и продукты его переработки	прочие товары	
Александр-Михаил Сапега, из Деречина в Крулевец	1761	8856* / 93,0	588 / 6,1	—	—	90 / 0,9	—	—	9534 / 100,0
Антоний Пшездецкий, из Заславля в Крулевец	1761	7521 / 17,9	—	—	11268 / 26,8	23283 / 55,3	—	—	42072 / 100,0
Станислав Радзивилл, из Чересса в Ригу	1778	8333 / 31,0	—	—	5040 / 18,7	1560 / 5,8	11976 / 44,5	—	26909 / 100,0
Юзеф Радзивилл, из Клецка в Крулевец	1783	40788 / 74,2	7106 / 13,0	6841 / 12,6	—	—	—	110 / 0,2	54945 / 100,0
Андрей Огинский, из разных владений в Крулевец	1788	7446 / 100,0	—	—	—	—	—	—	7446 / 100,0

Подсчитано по данным архивов: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6678, л. 9; ЦГИА ЛитССР, ф. 1177, оп. 1, д. 6173, л. 9; ф. 525, оп. 8, д. 1225, л. 16; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1427, лл. 1—4; РОБАН, ф. 17, д. 1815, л. 1.

* Верхняя цифра обозначает доход в злотых, нижняя—процент.

Таблица 10

Реализация ржи на внешнем и внутреннем рынках в магнатских владениях Белоруссии во второй половине XVIII в.

Владение	Годы	Повет	Количество		Реализация ржи, виленских бочек					
					экспортировано		на внутреннем рынке		всего	
			имений	в них дымов	количество	на 1 дым	количество	на 1 дым	количество	на 1 дым
Высокое	1796—1797	Брест	7	538	599	1,1	353	0,7	952	1,8
Чернавчицы	1787	«	10	1028	1907	1,9	277	0,3	2184	2,1
Радзивилмонты	1788	Новогрудок	2	223	409	1,8	33	0,2	442	2,0
Сухличи	1784, 1785, 1791, 1792	«	1	72	178	2,5	—	—	178	2,5
Тимковичи	1778	«	10	1850	1442	0,8	245	0,1	1687	0,9
Погост	1775—1780, 1784, 1785	«	1	530	337	0,6	121	0,2	458	0,8
Раков	1775, 1780	Минск	1	99	32	0,3	1	—	33	0,3
Налибоки	1779	Ошмяны	1	163	29	0,2	33	0,2	62	0,4
Залесье	1791	«	1	74	—	—	188	2,5	188	2,5
Друя	1784—1793	Браслав	3	764	—	—	156	0,2	156	0,2
Лахва	1772	Новогрудок	3	579	—	—	108	0,2	108	0,2
Давид-Городок	1788—1791	Пинск	3	478	—	—	277	0,6	277	0,6
Смядынь	1778	Мозырь	5	453	301	0,6	80	0,2	381	0,8
Всего			48	6851	5234	0,8	1872	0,3	7106	1,1

Подсчитано по данным источников, названных в примечании к табл. 8 (за исключением: ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, дд. 11587, 11592, 11778; РОБВУ, ф. 4 А, дд. 1341 и 1514; РОБАН, ф. SK, д. 4085 и ф. 17, д. 1815). Дополнительно использованы следующие архивные дела: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 6673, л. 1; д. 6683, л. 37; д. 8066, лл. 48—72; д. 8067, лл. 2, 8, 85, 100.

Таблица 11

Товарность производства ржи в магнатских хозяйствах Белоруссии во второй половине XVIII в.

Владение	Год	Количество имений	Расход ржи (за вычетом семян)				Всего
			экспортировано	продано на месте	переработано на водку	израсходовано в хозяйстве**	
Высокое	1796—1797	7	599* / 45	—	353 / 26	390 / 29	1342 / 100
Чернавчицы	1787	10	1907 / 72	—	277 / 11	431 / 17	2615 / 100
Радзивилмонты	1788	2	409 / 74	—	33 / 6	113 / 20	555 / 100
Сухличи	1784, 1785, 1791, 1792	1	178 / 78	—	—	49 / 22	227 / 100
Тимковичи	1778	10	1442 / 72	147 / 7	98 / 5	327 / 16	2014 / 100
Погост	1775—1780, 1784—1785	1	337 / 65	—	121 / 23	64 / 12	522 / 100
Раков	1775, 1780	1	32 / 65	—	1 / 2	16 / 33	49 / 100
Налибоки	1779	1	29 / 23	—	33 / 25	67 / 52	129 / 100
Залесье	1791	1	—	180 / 73	8 / 3	58 / 24	246 / 100
Друя	1784—1793	3	—	32 / 11	124 / 44	127 / 45	283 / 100
Лахва	1772	3	—	—	108 / 55	89 / 45	197 / 100
Давид-Городок	1788—1791	3	—	123 / 32	154 / 41	103 / 27	380 / 100
Смядынь	1778	5	301 / 47	—	80 / 13	252 / 40	633 / 100
Всего		48	5234 / 57	482 / 5	1390 / 15	2086 / 23	9192 / 100

Таблица составлена по тем же источникам, что и табл. 10.

* Верхняя цифра обозначает количество ржи в бочках виленских, нижняя — процент.

** По некоторым источникам винокурение не выделено и входит во внутренний расход.

Таблица 12

Территориальное распространение барщины в Белоруссии

Поветы	Дымы всего крестьянских	в том числе тяглых: количество	%
Брестский	34019	31535	93
Волковысский	8125	7354	90
Пинский	17506	15369	88
Слонимский	10861	8959	82
Гродненский	25400	20243	80
Полоцкий	14947	11058	74
Новогрудский	38459	27919	73
Лидский	10797	7434	69
Мозырский	7828	5298	68
Ошмянский	33202	21258	64
Минский	26734	14450	54
Браславский	9370	4586	49
Речицкий	8511	3685	43
Оршанский и Витебский (125 дымов)	11922	5149	43
Всего	257681	184297	72

Подсчитано по данным ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 4067, лл. 1—24.

Таблица 13

Территориальное распределение барщины в магнатских владениях

Зоны	Поветы	Количество объектов	Дымы всего сельских	в том числе тяглых: количество	%
Юго-запад*	Брестский, Волковысский, Слонимский, Гродненский, Пинский	17	5605	4232	76
Средняя полоса**	Ошмянский, Лидский, Новогрудский, Минский, Мозырский	27	10662	6346	59

Зоны	Поветы	Количество объектов	Дымы		
			всего сельских	в том числе тяглых	
				количество	%
Северо-восток***	Браславский Оршанский	6	4475	1511	34
Всего		50	20742	12089	58

Таблица составлена по данным архивов: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, дд. 1742, 2255, 3606, 4207, 4533, 4698, 5920, 6423, 6673, 7445, 8437, 9014, 9084; оп. 3, д. 4197; оп. 7, д. 221; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, дд. 221, 248, 292; оп. 3, д. 1305; оп. 1, д. 96; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, дд. 3988, 3991, 3992, 3993, 3994, 3995, 3997, 4000, 4001, 4002, 4010; д. 11529, лл. 122—124; д. 11778, лл. 72—475; д. 15410, лл. 785—808; ф. 525, оп. 8, дд. 1201, 1225; ф. 1177, оп. 1, д. 2058; ф. 1274, оп. 1, дд. 36, 274; РОБВУ, ф. 4 А, дд. 1081, 1275, 1586, 1912; РОБАН, ф. TF, дд. 286, 287; ф. BV, д. 1675; AGAD, AR, XXV, ss. 190, 774/2, 904, 1049, 1448, 2572, 3708; АВАК, т. XXXV, стр. 158, 250—256; «Instrukcje gospodarcze...», t. I, str. 430—435, 513.

* Владения Бытень, Высокое, Давид-Городок, Деречин, Дятлово, Лавна, Малынка, Манкевичи, Пониквы, Роготна, Россь, Ружаны, Свислочь, Туров I, Туров II, Черлена, Чернавчицы.

** Владения Белица, Бранчицы, Докудово, Залесье, Заславль, Глубокое, Глусск, Городок, Ивань, Каменка, Клецк, Кореличи, Косин, Лахва, Налибоки, Негорелое, Несвиж, Погост, Поставы, Селец, Скиповщина, Сморгонь, Смядынь, Тимковичи, Уречье, Усово, Хожев.

*** Дрисвяты, Друя, Свяды, Тетерин, Чересс, Черея.

Таблица 14

Изменение еженедельной барщины тяглых крестьян на протяжении второй половины XVIII в.

Владения	Годы	Барщина, дней		Владения	Годы	Барщина, дней	
		с волоки	с дыма			с волоки	с дыма
Деречин	1750	11	4,4	Сморгонь	1755	8	3,2
«	1794	12	3,6	«	1788	8	3,2
Заблудово	1750	10	2,5	Чернавчицы	1755	16	4,0
«	1780	16	4,0	«	1791	16	4,0
Клецк	1750	8	3,0	Кореличи	1757	12	2,4
«	1792	12	2,7	«	1771	12	2,0
Копыль	1750	8	2,7	Налибоки	1757	6	1,5
«	1780	11	3,0	«	1776	12	3,0

Владения	Годы	Барщина, дней: с волоки	Барщина, дней: с дыма	Владения	Годы	Барщина, дней: с волоки	Барщина, дней: с дыма
Погост	1751	8	2,0	Койданово	1758	12	6,0
«	1787	8	2,0	«	1792	10	5,0
Глубокое	1752	8	4,0	Несвиж	1758	12	3,0
«	1783	8	4,0	«	1793	12	3,6
Давид-Городок	1753	23	2,3	Залесье	1760	8	3,5
«	1798	23	3,0	«	1776	8	4,0
Селец	1753	12	3,0	Докудово	1763	8	2,0
«	1774	20	2,0	«	1780	8	2,0
Ивань	1754	8	2,0	Уречье	1765	—	—
«	1792	8	1,6	«	1774	8	2,0
Лавна	1754	6	3,0	Смядынь	1774	6	4,0
«	1775	12	6,0	«	1781	10	4,0

Таблица составлена по данным архивов: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, дд. 1708, 1742, 2054, 3606, 4653, 4698, 4713, 6423, 6683, 8066, 8149, 8264, 9010, 9014, 9079, 9081, 9084, 9259, 9411; оп. 3, д. 4197; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 11778; ф. 525, оп. 8, дд. 1189, 1201; ф. 1177, оп. 1, дд. 2060, 2123; РОБВУ, ф. 4 А, дд. 1081, 1395; ЦГИА УССР в г. Львове, ф. 181, оп. 2, д. 501; AGAD, AR, XXV, ss. 773/2, 774/2, 1046, 1049, 1429, 1448, 1812, 2255, 2568, 2572, 2675/2, 3178, 3704, 3707.

Таблица 15

Постоянные наемные работники в сельском хозяйстве магнатских владений Белоруссии

Владение	Год	Количество имений	В них сельских дымов	Постоянные наемные работники: всего в сельском хозяйстве	Постоянные наемные работники: в том числе в полеводстве	В среднем работников: на одно имение	В среднем работников: на 100 дымов
Высокое	1794	7	529	100	49	14	19
Тростяница*	1757	2	80	6	2	3	8
Чернавчицы	1793	9	950	61	17	7	6
Бытень	1783	3	339	19	3	6	6
Ружаны*	1795	3	246	26	12	9	11
Деречин*	1772—1794	6	481	57	32	10	12
Черлена	1785	1	49	5	1	5	10

Владение	Год	Количество имений	В них сельских дымов	Постоянные наемные работники		В среднем роботников	
				всего в сельском хозяйстве	в том числе в полеводстве	на одно имение	на 100 дымов
Негневичи Налибоки Делятичи Деревно	1761	6	1318	26	6	4	2
Молодечно Ганута Залесье	1796	12	750	73	12	6	10
Поставы	1783	11	682	61	9	6	9
Дрисвяты	1775	1	666	2	1	2	0,3
Друя	1796	2	437	8	2	4	2
Чересс	1778	2	278	4	2	2	1,4
Клецк	1763—1791	5	808	40	12	8	5
Несвиж	1758	6	848	36	8	6	4
Тимковичи	1778	12	1929	60	12	5	3
Ивань	1763	4	636	17	12	4	3
Уречье	1774	1	239	3	1	3	1,2
Лахва	1782	3	385	13	3	4	3
Давид-Городок	1794	3	478	7	2	2	1,4
Манкевичи	1791	3	210	8	2	3	4
Тетерин	1792	2	1024	8	4	4	0,7
Всего		104	13362	640	204	6	5

Подсчитано по данным архивов: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, дд. 1714, 4713, 5898, 6088, 6673, 8066, 8438, 9014, 9259, 9378, 10816; оп. 3, д. 17; ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 1143, оп. 1, дд. 236, 347, 351, 387; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, дд. 3988, 4010, 11529; ф. 525, оп. 8, д. 1225; ф. 1177, оп. 1, д. 3577; ф. 1274, оп. 1, д. 36; РОБВУ, ф. 4 А, дд. 1276, 1883, 1912; AGAD, AR, XXV, ss. 904, 2675/2, а также инвентарей имений за соответствующие годы.

---

* Латифундии, по которым часть имений не включена в таблицу (в связи со сдачей их в залог или аренду либо из-за отсутствия сведений).

Таблица 16

Удельный вес постоянного найма в сельском хозяйстве магнатских поместий

Владение	Год	Количество имений	В них тяглых дымов	Постоянных наемных работников	В год отработано дней: тяглыми на еженедельной барщине	постоянными наемными работниками	всего	Удельный вес наемного труда
Высокое	1794	7	521	100	81276	30000	111276	27
Чернавчицы	1793	9	780	61	110552	18300	128852	14
Бытень	1783	3	294	19	45864	5700	51564	11
Ружаны	1795	3	246	26	38376	7800	46176	17
Деречин	1772—1794	6	372	57	58032	17100	75132	23
Черлена	1785	1	44	5	12584	1500	14084	11
Негневичи, Налибоки, Делятичи, Деревно	1761	6	817	26	127452	7800	135252	6
Молодечно, Ганута, Залесье	1796	12	395	73	82160	21900	104060	21
Поставы	1783	11	638	61	132704	18300	151004	12
Друя	1796	2	159	8	24804	2400	27204	9
Чересс	1778	2	236	4	28184	1200	29384	4
Клецк	1763—1791	5	644	40	100464	12000	112464	11
Несвиж	1758	6	400	36	57720	10800	68520	16
Тимковичи	1778	12	1254	60	130416	18000	148416	12
Ивань	1763	4	509	17	52936	5100	58036	9
Уречье	1774	1	135	3	12480	900	13380	7
Лахва	1782	3	381	13	59436	3900	63366	6
Давид-Городок	1792	3	215	7	33540	2100	35640	6
Манкевичи	1791	3	170	8	24492	2400	26892	9
Всего		99	8210	624	1213472	187200	1400672	13

Таблица составлена по данным документов, указанных в примечании к табл. 15.

Таблица 17

Бюджеты магнатских владений в 1789 г.

Повет	Количество: владений	в них имений	Доходы (годовые): денежный и натуральный оброк	аренда, откупы и собственное винокурение	фольварочное полеводство и укосы сена	Всего
Ошмянский	20	87	222773* / 43	145858 / 28	152118 / 29	520749 / 100

Поветы	Количество: владений	Количество: в них имений	Доходы (годовые): денежный и натуральный оброк	Доходы (годовые): аренда, откупы и собственное винокурение	Доходы (годовые): фольварочное полеводство и укосы сена	Всего
Слонимский	18	54	155655 / 62		94352 / 38	250007 / 100
Пинский	7	35	55183 / 34	58437 / 36	48099 / 30	161719 / 100
Мозырский	3	8	68828 / 95		3789 / 5	72617 / 100
Речицкий	4	5	53524 / 49	46770 / 42	10348 / 9	110642 / 100
Браславский	4	6	105194 / 67	43325 / 27	9257 / 6	157776 / 100
Минский**	3	8	20900 / 36	22970 / 40	13909 / 24	57779 / 100

Подсчитано по данным архивов: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 5920, л. 21; д. 8260, л. 13; ЦГИА ЛитССР, ф. ДА, д. 2827, лл. 1—109; д. 2828, лл. 1—186; д. 2830, лл. 1—52; д. 2832/I, лл. 1—66; д. 2833, лл. 1—160; д. 2835, лл. 1—8; д. 2837, лл. 1—46; ф. 1177, оп. 1, д. 2058, лл. 1—85; д. 3506, лл. 1—42; д. 5802, л. 71.

* Верхняя цифра обозначает доход в злотых, нижняя — процент.
** 1775, 1789 и 1794 гг.

Таблица 18

Денежные поступления в магнатских поместьях (по бухгалтерскому учету)

Владение	Год	Количество имений	От реализации продукции на рынке: внутреннем	От реализации продукции на рынке: внешнем	Прочие поступления (чинш, откупы и т. д.)	Всего, приход
Высокое	1797	7	34731* / 61	13042 / 23	9041 / 16	56814 / 100
Деречин	1793	14	23429 / 13	86000 / 66	21631 / 16	131060 / 100
Чересс	1778	2	5400 / 12	25642 / 56	15004 / 32	46046 / 100

Владение	Год	Количество имений	От реализации продукции на рынке		Прочие поступления (чинш, откупы и т. д.)	Всего, приход
			внутреннем	внешнем		
Койданово-Усса	1758—1760	2	5602 / 21	—	20528 / 79	26130 / 100
Тимковичи	1778	8	36899 / 18	74000 / 37	91753 / 45	202652 / 100
Лахва	1759	3	10512 / 56	—	8323 / 44	18835 / 100
Всего		36	116573 / 24,0	198684 / 41,0	166280 / 35,0	481537 / 100,0

Подсчитано по данным архивов: ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 2, д. 8438, лл. 8—29; ЦГИА ЛитССР, ф. 459, оп. 1, д. 150, лл. 1—14; д. 221, лл. 1, 2; ф. 525, оп. 8, д. 1225, лл. 1—18; РОБВУ, ф. 4 А, д. 1515, лл. 1, 2; д. 2010, л. 8.

* Верхняя цифра обозначает доход в злотых, нижняя — процент.

Таблица 19

Шкала подымного налога согласно постановлению сейма 1775 г.

Класс	Ставка налога, злотых	Поветы
I	10	Жемайтия, Упитский, Вилкомирский
II	9	Ковенский
III	8	Браславский
IV	7	Брестский
V	6	Виленский, Трокский, Ошмянский, Лидский, Оршанский, Гродненский, Минский, Волковысский, Новогрудский, Слонимский
VI	5	Полоцкий, Речицкий и части разных поветов, «лежащие в отдаленности от городов, в которые продукты вывозят на продажу»
VII	4	Мозырский и заболоченная часть Пинского (более возвышенная и плодородная часть Пинского—по 5 злотых)

Подсчитано по данным источника: Volumina Legum, t. VIII, str. 397.

Таблица 20

Фактическая цена земельных владений Белоруссии к 1790 г. в расчете на один дым

Поветы	Цена, злотых	Поветы	Цена, злотых
Лидский	2475	Новогрудский	1859
Гродненский	2408	Оршанский	1785
Брестский	2320	Минский	1784
Браславский	2071	Слонимский	1509
Ошмянский	2067	Речицкий	1348
Волковысский	1989	Пинский	1294
Полоцкий	1950	Мозырский	1173

По данным кн. T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794), t. III, str. 250, tab. 185.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Павел Григорьевич Козловский

МАГНАТСКОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЛОРУССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Редактор Л. Г. Булавинцева
Обложка С. М. Цуканова
Художественный редактор В. В. Савченко
Технический редактор И. П. Тихонова
Корректор И. А. Альперович

Печатается по постановлению РИСО АН БССР.

АТ 14422. Сдано в набор 29.IX-1973 г. Подписано в печать 10.XII-1973 г. Бумага тип. № 3. Формат 84×108[1]/32. Печ. л. 5,75. Усл. печ. л. 9,66. Уч.-изд. л. 9,5. Изд. зак. 96. Тип. зак. 950. Тираж 1500 экз. Цена 95 коп.

Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский проспект, 68. Типография имени Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета СМ БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.

Козловский П. Г.

K59 Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в. (центральная и западная зоны). Мн., «Наука и техника», 1974.

184 с. (АН БССР. Ин-т истории).

В монографии впервые в комплексе исследованы производительные силы вотчинного хозяйства Белоруссии во второй половине XVIII в.: земледелие, животноводство, огородничество, садоводство, рыбоводство, промышленное предпринимательство, промыслы, строительство. Изучены также организация магнатского барщинного поместья на западе и в центре Белоруссии, развитие его товарности, эволюция методов хозяйствования; показано применение в нем наемного труда и начало процесса разложения феодальных производственных отношений. Лит. в подстроч. примеч.

9(С)14+9(С3)